

Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ.

П. С.
179

КЪ ВОПРОСУ
ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЕМЬИ И ШКОЛЫ
ВЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ
ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКѢ
У НАСЪ И НА ЗАПАДѢ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Училищъ, Моховая, 49.
1914.

57 E17-852

Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ.

ЖС
179

351

КЪ ВОПРОСУ

ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

ВЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

и

ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКѢ

У НАСЪ И НА ЗАПАДѢ.

Библиотека
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СЕМИНАРІЯ
— П Р И —
Казанскихъ Высшихъ
ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 16243 1968

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Глава I	1
Важность вопроса о взаимоотношениях семьи и школы в педагогической литературе вообще и в нашей в особенности. Возникновение и развитие мысли о желательности участия семьи в деле образования и воспитания детей в Германии и вообще на Запад. История идеи о сближении семьи и школы у нас в России с 90-х годов до времени организации Родительских комитетов (1905—1906 гг.).	
Глава II	14
Дальнейшая эволюция у нас в России идеи о необходимости вмешательства общества—родителей учеников— в дела школ и во что выродилось это вмешательство.	
Глава III	27
Развал школы (1905—1906 г.) и роль в нем школьной администрации, педагогов, родителей и учеников. Факты из жизни С.-Петербургского и Одесского учебных округов.	
Глава IV	80
Различные эксцессы в учебных заведениях в провинции, как следствие нерешительности высшей школьной администрации и уступок правительства. Повсеместный кризис школы.	
Глава V	102
Попытки русского правительства и общества найти пути к разрешению неизбежного конфликта между школой и обществом. Централизация, как коренной недостаток русской школы. Отношение к централизации и автономии школы германских педагогов. Хронологическое резюме отношений семьи и школы у нас в России.	
Глава VI	122
Формы взаимоотношений семьи и школы на западе, как параллель к тому, что происходило у нас в России. Германия. Франция.	

ГЛАВА I.

Важность вопроса о взаимоотношеніяхъ семьи и школы въ педагогической литературѣ вообще и въ нашей въ особенности. Возникновеніе и развитіе мысли о желательности участія семьи въ дѣлѣ образованія и воспитанія дѣтей въ Германіи и вообще на Западѣ. Исторія идеи о сближеніи семьи и школы у насъ въ Россіи съ 90-хъ годовъ до времени организаціи Родительскихъ комитетовъ (1905—1906 гг.).

Я рѣшился остановиться именно на вопросѣ „о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы“ потому, что считаю разрѣшеніе его и всестороннее разсмотрѣніе крайне важнымъ и желательнымъ въ настоящее время, когда въ современной не только педагогической, но и широкой прессѣ онъ особенно привлекаетъ вниманіе общества и когда, вслѣдствіе весьма разнообразныхъ причинъ, главнымъ образомъ административнаго свойства, вопросъ этотъ не получилъ у насъ въ Россіи никакого разрѣшенія, а просто снятъ, какъ будто съ очереди, простымъ административнымъ распоряженіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія. Несомнѣнно, что это административное распоряженіе нисколько не могло уничтожить капитальной важности этого вопроса, хорошо сознанной гораздо раньше насъ въ Западной Европѣ. Почему интересъ къ этому вопросу у насъ, сравнительно съ Западомъ, принялъ совершенно иную форму, это и будетъ предметомъ настоящаго изслѣдованія.

Забота родителей о дѣтяхъ, отдаваемыхъ ими въ учебныя заведенія, слишкомъ естественна и законна, чтобы этотъ вопросъ никогда не переставалъ озабочивать общество; все дѣло только въ томъ, какъ выражается эта забота, какую она принимаетъ форму, и

мы увидимъ, что у насъ въ Россіи, къ сожалѣнію, вопросъ этотъ вылился въ совершенно нежелательную и недопустимую форму, не только не помогающую дѣлу, не только не способствующую мирному, совмѣстному, развитію какъ школы, такъ и семьи, что является необходимымъ залогомъ успѣха педагогическаго дѣла и просвѣщенія массы въ каждой культурной странѣ, а, напротивъ, выродился у насъ въ непримиримый антагонизмъ между семьей и школой, во взаимное недовѣріе.

Идея о необходимости наблюденія семьи за дѣятельностью школы, которой она довѣрила своего ребенка, впервые возникла и осуществилась на Западѣ.

Тамъ уже давно прониклись убѣжденіемъ, что для того, чтобы эти наблюденія надъ школою родителей были бы плодотворны и полезны для ихъ дѣтей, необходимо, чтобы сами родители привыкли къ этому, совершенно новому для нихъ, дѣлу; для того, чтобы сближеніе школы съ семьей дѣйствительно произошло, необходимо родителямъ выяснитъ себѣ какъ теоретическія основы воспитанія и обученія, такъ и способы практическаго ихъ примѣненія. Для этого ознакомленія родителей съ теоріею и практикою педагогическаго дѣла давно уже возникли въ Германіи педагогическія общества, между прочимъ, получившее названіе „Гамбургское общество друзей отечественнаго школьнаго образованія и воспитанія“. Изъ одного доклада, прочитаннаго въ этомъ обществѣ, видно, что по инициативѣ учащихся, въ различныхъ частяхъ Германіи возникли различныя учрежденія, служащія сближенію между родителями и школой ¹⁾. Устраиваются такъ называемыя „вечеринки родителей“. На этихъ общеродительскихъ „вечеринкахъ—Elternabende—читаются лекціи учительскимъ персоналомъ школы по вопро-

¹⁾ См. XX номеръ „Pädagogische Reform“.

самъ общей педагогики, сопровождаемыя обсужденіемъ этихъ вопросовъ. Кромѣ того, созываются собранія, въ которыхъ участвуютъ родители учениковъ не всего учебнаго заведенія, а только одного класса. Здѣсь обсуждаются уже чисто практическіе вопросы, принимаются во вниманіе интересы уже каждаго отдѣльнаго ученика и при содѣйствіи родителей вырабатываются мѣры вліянія и воздѣйствія на него, принимая во вниманіе его индивидуальныя особенности ¹⁾.

Возникаютъ „родительскіе кружки“, заботящіеся о матеріальной помощи ученикамъ отдѣльной школы, и даже „школьные союзы“, состоящіе изъ родителей и учителей—все это въ той или иной формѣ шаги сближенія семьи съ школой.

Правда, большинство такихъ мѣръ предпринято въ порядкѣ частной инициативы; однако, въ послѣднее время правительствомъ готовятся и разрабатываются общія основанія для узаконенія подобныхъ организацій.

Подробному разсмотрѣнію формъ взаимоотношенія семьи и школы на Западѣ мы посвящаемъ VI-ю главу даннаго изслѣдованія, а теперь остановимся на исторіи этихъ отношеній у насъ въ Россіи.

Для исторіи отношенія къ этому вопросу правительства, въ лицѣ Министра Народнаго Просвѣщенія и различныхъ его административныхъ органовъ, въ лицѣ окружныхъ учебныхъ управленій и отдѣльныхъ педагоговъ, богатый матеріалъ представляютъ совѣщанія, происходившія въ 1899 году въ Московскомъ учебномъ округѣ по вопросамъ о средней школѣ. Протоколы ихъ, вышедшіе въ шести выпускахъ въ Москвѣ въ 1899 году, любезно предоставлены мнѣ Попечителемъ Московскаго учебнаго округа т. с. А. А. Тихо-

¹⁾ Есть очень интересная книга, недавно вышедшая въ Германіи по вопросу объ индивидуальномъ образованіи—Individuelle Bildung. Это соч. Badde, „Moderne Bildungsprobleme“.

мировымъ, которому приношу за это сердечную благодарность.

Извѣстенъ циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣпова отъ 8 іюля 1899 года о необходимой реформѣ у насъ среднего образованія. Этотъ циркуляръ можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ правительства къ средней школѣ.

Онъ первый возбудилъ вопросъ, до него никогда серьезно не подымавшийся, о необходимой, назрѣвшей, реформѣ средней школы, о реформѣ, далеко еще не закончившейся въ настоящее время.

Мало того,—по моему глубокому убѣжденію, наша средняя школа теперь только еще болѣе нуждается въ серьезномъ и основательномъ ея обновленіи. Вѣдь, за все, протекшее съ изданія этого циркуляра до нашихъ дней время, т. е. съ 1899 года, наша средняя школа только еще болѣе разваливалась и дошла до того, что дальнѣйшее ея существованіе въ этомъ видѣ грозитъ серьезными послѣдствіями для культуры всей страны. Этому развалу, конечно, не мало способствовало такъ называемое „освободительное время“, наложившее свою пагубную тлетворную печать на всѣ типы нашихъ школъ отъ низшихъ до высшихъ, отъ чего съ трудомъ освобождаются онѣ и не освободились еще и до сихъ поръ. О вредѣ этого „освободительнаго времени“ на школу пишущій эти строки могъ лично убѣдиться въ теченіе своей семилѣтней дѣятельности въ должности Попечителя, сначала Одесскаго учебнаго округа съ 1906 по 1908, а за симъ С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1908 по 1913 годъ.

Однако, вернемся къ исторіи отношеній нашего правительства и педагоговъ къ идеѣ единенія семьи и школы.

Среди мотивовъ, требующихъ серьезной реформы въ средней школѣ, покойный Министръ Народнаго Просвѣщенія Боголѣповъ указывалъ, между прочимъ,

и на отчужденность ея отъ семьи, на сухой формализмъ и мертвенность, виѣдрившіеся въ живое педагогическое дѣло, создавшія ложныя взаимныя отношенія преподавателей къ ученикамъ и родителямъ, на полное пренебреженіе столь важнымъ въ педагогическомъ отношеніи индивидуальнымъ развитіемъ ученика и т. д.

Въ этомъ отношеніи интересны взгляды, высказанные и нѣкоторыми педагогами на совѣщаніяхъ, происходившихъ при Московскомъ учебномъ округѣ въ 1899 году.

Общая мысль, проходящая черезъ всѣ отдѣльныя мнѣнія, заключается въ томъ, что весьма важно участіе родителей въ вопросахъ нравственнаго, эстетическаго и физическаго воспитанія подрастающаго поколѣнія, но оно возможно лишь при правильной постановкѣ всего учебнаго и воспитательнаго дѣла въ школѣ и при высокомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ педагоговъ.

По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы высказались на совѣщаніяхъ въ Москвѣ, между прочимъ слѣдующіе два педагога: 1) Фаминскій—инспекторъ пятой Московской гимназіи, 2) Адольфъ—директоръ пятой гимназіи, нынѣ умершій.

Они представили письменные доклады. Считаю не лишнимъ остановиться нѣсколько подробнѣе на этихъ докладахъ, такъ какъ они лучше всего рисуютъ намъ точку зрѣнія на интересующій насъ вопросъ Московскихъ педагоговъ въ то время, когда Министръ Боголѣповъ пришелъ къ мысли о необходимости безотлагательной реформы нашей средней школы.

Фаминскій указываетъ совершенно вѣрно, что какъ педагоги, такъ и родители лишены возможности знать, что дѣлаютъ, какъ ведутъ себя ученики въ теченіе весьма продолжительнаго времени: педагоги—за время пребыванія ученика въ школѣ, а родители—

наоборотъ, за время пяти—шести часового пребыванія его въ школѣ. Необходимо, значить, чтобы родители и педагоги помогали другъ другу взаимнымъ сотрудничествомъ, съ цѣлью всесторонняго ознакомленія съ ученикомъ, по возможности, полного. Приглашенія родителей въ школу для бесѣды съ директоромъ и классными наставниками этого замѣнить не могутъ, такъ какъ при такихъ посѣщеніяхъ школы родители менѣе всего (по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи¹⁾) склонны бываютъ сообщать правдивыя свѣдѣнія о своихъ дѣтяхъ, въ особенности, конечно, когда эти свѣдѣнія бываютъ для нихъ невыгодны. Въ этомъ отношеніи желательнѣе, по мнѣнію г-на Фаминскаго, устройство постоянныхъ, регулярныхъ встрѣчъ родителей съ воспитателями, устройство бесѣдъ начальниковъ заведеній съ родителями о строѣ школы и о ея порядкахъ, съ цѣлью сглаживанія часто нынѣ существующей розни между семьей и школой, происходящей отъ неосвѣдомленности родителей съ школьными порядками. Желательны также частыя бесѣды *всѣхъ* педагоговъ съ родителями и болѣе близкое знакомство ихъ съ индивидуальностью учениковъ. Это дало бы имъ болѣе твердую почву для воздѣйствія на учащихся, для болѣе справедливаго отношенія къ провинившимся ученикамъ. Далѣе г-нъ Фаминскій намѣчаетъ возможность образованія кружковъ изъ преподавателей и родителей для бесѣдъ по вопросамъ педагогическимъ, при чемъ, конечно, все будетъ зависѣть отъ такта, проявляемаго председателемъ, директоромъ учебнаго заведенія. При этомъ г-нъ Фаминскій категорически высказывается противъ всякаго контроля общества надъ дѣятельностью школы путемъ посѣщенія родителями уроковъ и засѣданій педагогическаго совѣта, какъ людьми не компетентными.

¹⁾ Насколько иначе поступаютъ родители въ Германіи, я буду имѣть случай показать въ концѣ своей работы.

Директоръ Адольфъ представилъ въ совѣщаніе докладъ по вопросу объ объединеніи семьи и школы. Его докладъ превосходно схватываетъ всю суть этого труднаго и шекотливаго вопроса. Онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, которые я лично считаю вполне исчерпывающими вопросъ. „Истинное единеніе семьи и школы, пишетъ онъ, у насъ, какъ и вездѣ на свѣтѣ, возможно лишь на почвѣ взаимнаго признанія правъ той и другой стороны и при двухъ условіяхъ: 1) истинно педагогической постановкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ школѣ и 2) высокомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ ея представителей.

„При наличности этихъ условій предписаніе устраивать родительскія собранія при школѣ въ томъ или иномъ видѣ излишне, потому что они устроятся сами собою, какъ слѣдствіе состоявшагося единенія. Всякіе случаи общенія педагоговъ съ родителями могутъ быть плодотворны только тогда, когда они возникаютъ сами собою, какъ результатъ уже состоявшагося и существующаго единенія семьи и школы“. Родители, замѣчаетъ совершенно справедливо директоръ Адольфъ, видя, что школа сердечно, тепло и съ умѣніемъ ведетъ свое дѣло, сами пойдутъ въ школу за совѣтомъ къ директору, къ педагогамъ; откровенно имъ повѣдаютъ все про своихъ дѣтей, сойдутся, чтобы потолковать объ общихъ мѣропріятіяхъ, касающихся всего класса. Тогда это будутъ собранія истинно педагогическія; будутъ проходить они мирно, доброжелательно; никому изъ родителей не придетъ въ голову вмѣшиваться въ права школы, критиковать ея правила и уставы; родители будутъ чувствовать поддержку въ школѣ и нравственный авторитетъ учителей.

„Въ свою очередь, и преподаватели будутъ заботиться о духовныхъ интересахъ своихъ учениковъ.

„Если школа дѣйствительно внушаетъ ученикамъ счастливое настроеніе, ей обезпечено сочувствіе всѣхъ

семей, для абсолютнаго большинства которыхъ совершенно безразлично, какими путями и средствами школа внушаетъ дѣтямъ это настроеніе, лишь бы только оно было“.

Однако, пока, т. е. въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, эта идея сближенія семьи и школы, интересуя отдѣльных педагоговъ, не является серьезной заботой правительства,

Мы знаемъ, что покойный Министръ Народнаго Просвѣщенія Боголѣновъ образовалъ особую комиссію подъ своимъ предѣлательствомъ. Въ составъ этой комиссіи вошло до ста человѣкъ: профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, директоровъ средней школы, окружныхъ инспекторовъ и отдѣльных преподавателей. Я самъ, состоя въ то время членомъ совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, имѣлъ честь принимать участіе въ этой комиссіи. Труды этой комиссіи вышли въ шести выпускахъ на правахъ рукописи въ 1900 году. Однако, комиссія эта совершенно не затронула разбираемаго нами здѣсь вопроса объ отношеніи семьи къ школѣ, поэтому весь этотъ богатѣйшій матеріалъ, вышедшій въ шести выпускахъ, богатѣйшій сборникъ по всѣмъ педагогическимъ вопросамъ, преимущественно касающимся преобразования учебныхъ заведеній и реформы ихъ учебныхъ программъ, ничего не даетъ для рѣшенія этого большого вопроса о сближеніи семьи и школы.

Гораздо интереснѣе для насъ познакомиться съ той атмосферой, которая господствовала въ сферѣ родителей учениковъ въ началѣ девятисотыхъ годовъ, когда впервые у насъ въ Россіи стало открыто выступать общественное мнѣніе, требуя широкаго участія родителей въ контролѣ ихъ надъ школой и представительства ихъ въ Педагогическихъ Совѣтахъ.

То было время, совпавшее съ освободительною дѣятельностью министра внутреннихъ дѣлъ, князя Свято-

полка-Мирекаго, высказавшаго „искренно благожелательное и довѣрчивое отношеніе къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще“

Подъ эту формулу должна была, между прочимъ, войти и отмѣна всякихъ ограниченій, установленныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1890 г. для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ. Стали поговаривать о необходимости немедленнаго созыва съѣзда дѣятелей по народному образованію.

Наконецъ, осенью 1904 года бывший Министръ Народнаго Просвѣщенія Генералъ-Лейтенантъ Глазовъ впервые въ своей рѣчи, обращенной къ начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній города Петербурга, упомянулъ о розни, существующей между семьей и школой, и о требованіяхъ, предъявляемыхъ обществомъ къ школѣ. Считаю необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этой рѣчи, какъ на взглядѣ правительства на школу.

„Школа,—сказалъ Министръ,—непосредственная преемница родительской власти надъ дѣтьми, продолжательница дѣла воспитанія, поэтому между школой и родителями необходима самая тѣсная связь, которой, однако, не существуетъ. Какъ со стороны прессы, такъ и со стороны родителей учащихся раздается не мало нареканій противъ педагогическаго персонала, самый фактъ которыхъ говоритъ о существованіи розни между семьей и школой“.

Мысль дальнѣйшей рѣчи Министра сводилась къ тому, что министерство не имѣетъ нравственнаго права не считаться съ мнѣніемъ общества. А между тѣмъ общество съ каждымъ днемъ предъявляетъ къ школѣ все большія требованія. Единственное средство, по мнѣнію Министра, выйти изъ этого ненормальнаго положенія—уничтожить существующую рознь путемъ взаимнаго убежденія вопросовъ воспитанія. Такимъ образомъ произойдетъ сближеніе между семьей и шко-

дой, которое одно только и может поставить это дѣло на благопріятную почву. Съ этой цѣлью Министръ Глазовъ образуетъ подъ руководствомъ Попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа особую комиссію, которая должна изыскать средства, чтобы уничтожить „это ненормальное средостѣіе“, какъ выражено въ официальномъ Министерскомъ предложеніи Попечителю. Впослѣдствіи эта работа, являющаяся пока въ Петербургскомъ округѣ только опытомъ, будетъ распространена и на всѣ остальные округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ Министръ предостерегаетъ отъ слишкомъ большого однообразія и нивелировки при распространѣніи этихъ положеній на всю Россію, указывая совершенно справедливо, что все зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Министръ предостерегаетъ, что живое педагогическое дѣло слишкомъ часто грозитъ обратиться въ сухой формальный мертвый циркуляръ. При этомъ онъ указываетъ на существующую уже практику „попечительныхъ совѣтовъ“ при коммерческихъ училищахъ Министерства Финансовъ.

Въ современной прессѣ того времени, т. е. конца 1904 года, немедленно появилась критика этой рѣчи Министра; указывалось на то, что комиссія, образованная при округѣ, не можетъ справиться съ непосильной для нея задачей, что необходимо привлечь къ разработкѣ этого вопроса и общественныя силы, земства, города, которые имѣли бы въ комиссіи своихъ представителей. Отсюда не далеко до мысли о необходимости созвать всероссійскій съѣздъ дѣятелей по народному образованію, никогда еще въ Россіи не собиравшійся. Въ концѣ концовъ, этотъ съѣздъ все таки въ то время не состоялся.

Чтобы выяснитъ себѣ desiderata многихъ городовъ и земствъ въ началѣ 1905 года въ Россіи по вопросу о желательномъ строѣ среднихъ учебныхъ заведеній, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ исполнѣ понять мысль Мини-

стра Глазова,—указавшаго, какъ на примѣръ достойный подражанія, на организацію попечительныхъ совѣтовъ при коммерческихъ училищахъ Министерства Финансовъ,—остановимся на ихъ устройствѣ и убѣдимся, насколько этотъ примѣръ былъ достоинъ подражанія, насколько желательно было введеніе этихъ попечительныхъ совѣтовъ въ жизнь.

И дѣйствительно, надо сознаться, что коммерческія училища того времени, находившіяся въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, проникнуты были, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ училищъ, началомъ общественности.

Изъ рѣчи произнесенной при открытіи съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, видно, что наплывъ учениковъ въ эти училища въ 1905 году дошелъ до громадной цифры—50.000 и число самыхъ училищъ возросло до 145 (въ 1896 году ихъ было всего 9), хотя казна отпускала только 49.000 р., т. е. менѣе на $1\frac{1}{2}\%$ всей расходуемой на нихъ суммы, которая въ 1905 году превосходитъ уже $3\frac{1}{2}$ мил. рублей. Коммерческая школа почти всецѣло выросла на почвѣ общественнаго сочувствія къ ней. О размѣрѣ пожертвованій общества даютъ понятія слѣдующія цифры. Московскимъ Биржевымъ обществомъ было собрано на устройство и содержаніе Александровскаго коммерческаго училища 700.000 р.; въ Москвѣ же на открытіе торговыхъ классовъ при обществѣ распространенія коммерческаго образованія—до 200.000 р., въ Кіевѣ—на содержаніе коммерческихъ заведеній—свыше 450.000 р.; въ Баку—190.000 р., въ Ростовѣ на-Дону—150.000 и т. д.

Обязательные сборы съ промысловыхъ свидѣтельствъ въ пользу коммерческаго образованія доходять въ 1905 году въ Варшавѣ до 100.000 р., въ Кіевѣ—до 50.000 р., въ Петербургѣ—до 40.000 р., въ Ростовѣ на-Дону—до 30.000 р., въ Харьковѣ и Одессѣ—до 28.000 р., Какъ велики были пожертвованія частныхъ

лицъ, можно судить по тому, что только шестью лицами было дано 700.000 р. на дѣло коммерческаго образованія.

Чѣмъ же объясняется такой небывалый у насъ успѣхъ школы по коммерческой специальности? Единственно только можно объяснить это явленіе гибкостью этой школы, приспособляемостью ея къ жизни и общественности. Еще большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣло допущеніе къ участию въ завѣдываніи этими заведениями представителей городовъ, сословій и обществъ, дающихъ средства на ихъ устройство.

Согласно положенію 1896 года, общее завѣдываніе дѣлами каждаго коммерческаго учебнаго заведения возлагается на попечительный совѣтъ. Предсѣдатель и члены попечительнаго совѣта избираются тѣми земскими собраніями, учрежденіями городского общественнаго управленія, сословными и мѣстными обществами, на средства которыхъ заведенія содержатся. Но право, которымъ, конечно, особенно дорожатъ попечительные совѣты, это право, предоставленное имъ, заключается въ выборѣ директоровъ коммерческихъ учебныхъ заведеній; послѣдніе выбираютъ всѣхъ преподавателей. Какъ мы видимъ, тутъ имѣетъ мѣсто совершенно иной, чѣмъ въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, принципъ—принципъ полного довѣрія къ общественнымъ силамъ, даже въ вопросахъ чисто административнаго и педагогическаго свойства. Поэтому понятно, что въ либеральной прессѣ раздаются такіе хвалебные дифирамбы этой системѣ, являющейся такимъ рѣзкимъ диссонансомъ среди до сихъ поръ господствовавшей системы правительственныхъ назначеній.

Либеральная пресса открыто признаетъ, что, „благодаря такой индивидуальной жизни каждой коммерческой школы, центральное управленіе можетъ быть свободно отъ тѣхъ ошибокъ, которыя являются неизбежными

при большой регламентаціи и вредно отзываются на школѣ“. На этомъ основаніи пресса выражаетъ пожеланіе, чтобы этотъ типъ школы съ широкими полномочіями общественныхъ силъ получилъ наибольшее развитіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, къ чему въ дѣйствительности привела школу эта слишкомъ широко понимаемая обществомъ ея автономія и въ какія уродливыя формы она выродилась въ дни такъ называемыхъ „свободъ“, въ злополучные для русской школы годы 1905-й и 1906-й. Это представится намъ яснѣе, когда перейдемъ въ разсмотрѣнію того общественнаго настроенія, которое создалось въ русскомъ обществѣ, послѣ цѣлаго ряда уступокъ, допущенныхъ правительствомъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія послѣ 1905 года.

ГЛАВА II.

Дальнѣйшая эволюція у насъ въ Россіи идеи о необходимости вмѣшательства общества—родителей учениковъ—въ дѣла школъ и во что выродилось это вмѣшательство.

Мы видѣли, что Министръ народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенантъ Глазовъ въ своей рѣчи, обращенной къ начальникамъ учебныхъ заведеній Петербурга въ 1904 году, опредѣленно указалъ на желательность привлеченія общества родителей учениковъ къ совмѣстной работѣ въ школѣ, къ контролю надъ школой въ ея отношеніяхъ къ ихъ дѣтямъ.

Эта сама по себѣ вполне благая мысль дала у насъ, вслѣдствіе мѣстныхъ нашихъ условій, наканунѣ революціи 1905—1906 годовъ, совершенно неожиданные результаты. По инициативѣ министра Глазова, 29 марта 1904 года, было учреждено подъ предѣлательствомъ тогдашняго Попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа особое совѣщаніе (до 40 человекъ) по вопросу объ установленіи тѣснѣйшей связи между семьей и школой. На послѣднемъ совѣщаніи этой коммисіи, происходившемъ въ мартѣ 1904 года, было постановлено, что „родительскія собранія безусловно полезны и желательны, какъ мѣра, достигающая дѣйствительнаго сближенія семьи и школы“. Инициатива созыва собраній принадлежитъ родителямъ, а также и директору учебнаго заведенія. Предѣлательствуетъ на этихъ собраніяхъ директоръ, при чемъ отъ него зависятъ на эти чисто педагогическія совѣщанія не приглашаютъ педагоговъ. Считаю нужнымъ выдѣлить это постановленіе,

какъ характерное. Родителямъ предоставляется полная свобода въ выборѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ совѣщаніяхъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. По отзыву Попечителя, высказанному въ этомъ совѣщаніи, „родительскія собранія оказались полезными для воздѣйствія на учащуюся молодежь и принесли плодотворные результаты“.

Насколько эти результаты оказались дѣйствительно „плодотворными“, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Необходимо здѣсь замѣтить, что этотъ оптимистическій взглядъ Попечителя далеко не раздѣлялся уже многими преподавателями С.-Петербургскаго учебнаго округа, которымъ онъ его высказалъ, между прочимъ, на совѣщаніи преподавателей Петербургскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Они уже тогда указывали на то, что „послѣ ломки системы Гр. Толстого школа, переходившая такъ часто и такъ быстро изъ рукъ въ руки высшихъ своихъ представителей, осталась безъ всякой системы и, какъ ладья, плыла въ морѣ, не зная ни пути, ни цѣли своего плаванія“.

„Старое не было еще вполне отмѣнено, новое не было еще вполне примѣнено; все это ставило педагогическую коллегію въ чрезвычайное затрудненіе и порождало настоящій хаосъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія. Прежде всего хаосъ этотъ отразился на воспитанникахъ. Для всѣхъ стало замѣтно пониженіе успѣшности, въ особенности въ старшихъ классахъ, ослабленіе интенсивности въ ихъ трудѣ и занятіяхъ, расшатанность дисциплины и какое-то недовѣрчивое отношеніе учащихся къ преподавателямъ, которые сами терялись, такъ какъ самыя программы учебныхъ предметовъ не заключали въ себѣ чего-либо постояннаго и опредѣленнаго. Школа мало по малу распатывалась“.

„Произошли и сокращенія программъ въ реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ; явилось стремленіе къ устройству различнаго рода развлеченій и удовольствій, педагогическое значеніе которыхъ подлежало сомнѣнію“.

Какъ видимъ, отзывъ не изъ отрадныхъ.

То было время всякихъ увлеченій и эксцессовъ высвободившейся изъ тисковъ общественной мысли. Это общее настроеніе повлекло и въ сферѣ школы и ея интересовъ къ стремленію освободиться отъ всякаго правительственнаго контроля, къ широкой автономіи школы, совершенно ложно понятой.

Быстрый переходъ отъ гнета къ свободѣ, отъ полицейской опеки къ гражданской самостоятельности, отъ вынужденнаго молчанія и бездѣйствія къ открытой, ничѣмъ не стѣняемой, дѣятельности, само собою разумѣется, не могъ обойтись безъ крайнихъ увлеченій и вызванныхъ ими ошибокъ. По совершенно вѣрному замѣчанію одного педагога, „огромный маятникъ общественнаго движенія, въ теченіе долгихъ лѣтъ насильственно задержанный на мертвой точкѣ, сорвался съ мѣста, сдѣлалъ гигантскій размахъ влѣво и подъ напоромъ наиболѣе активныхъ общественныхъ силъ перешелъ черезъ положеніе равновѣсія, которое соответствуетъ дѣйствительному соотношенію всѣхъ общественныхъ потребностей“ Это по отношенію къ общей внутренней политикѣ Россіи въ „дни свободъ“, но это же самое, можно сказать, происходило и въ отношеніи школы этого времени.

Наступила всеобщая школьная забастовка. Начальство постепенно утратило всякій авторитетъ въ глазахъ общества и въ глазахъ самихъ учащихся.

Явилась необходимость для школьной администраціи прибѣгнуть къ созыву родительскихъ собраній и совѣщаній, ища въ нихъ поддержку и опору для возстановленія въ школѣ правильнаго хода учебныхъ занятій. На нихъ возлагалась теперь вся надежда; въ нихъ

искали якорь спасенія. Мы увидимъ, насколько эти надежды мало оправдались, насколько мало принесли они успокоенія въ школу, насколько въ конечномъ результатѣ этотъ призывъ къ содѣйствію со стороны общества имѣлъ, къ сожалѣнію, послѣдствіемъ окончательный развалъ школы, подъ давленіемъ все возрастающихъ требованій общественнаго мнѣнія, не только не внесшаго успокоенія въ школу, но, напротивъ, разжегшаго всѣ страсти и очень скоро обратившаго школу и семью въ два враждебныхъ лагеря. Это враждебное отношеніе семьи къ школѣ прежде всего и рельефнѣе всего высказалось въ Москвѣ въ 1905 году на слѣдующій день послѣ обнародованія манифеста 17-го октября на извѣстномъ инцидентѣ въ VII московской гимназіи.

Тогдашній Попечитель Московскаго учебнаго округа А. Н. Шварцъ только что издалъ свой извѣстный циркуляръ, въ которомъ укорялъ педагогическій составъ въ допущеніи забастовокъ, обвинялъ его въ бездѣйствіи и попустительствѣ. Онъ запрещалъ на будущее время подачи учениками петицій, устройство сходокъ, забастовокъ и предлагалъ увольнять забастовавшихъ учениковъ и закрывать учебныя заведенія.

Циркуляръ этотъ, изданный въ моментъ всеобщаго возбужденія, въ моментъ чрезвычайной напряженности нервной жизни, вызвалъ взрывъ всеобщаго негодованія въ Москвѣ, вызвалъ и отставку Попечителя Шварца.

Подъ вліяніемъ „освободительнаго движенія“, родители петербургскихъ учениковъ въ лицѣ Родительскаго союза, возникшаго на почвѣ того же движенія, черезъ своихъ делегатовъ подали 19-го января 1906 года Министру Народнаго Посвѣщенія заявленіе, въ которомъ указывается министру на то, что „послѣ того, какъ правительство торжественнымъ актомъ 17 октября само признало необходимость осуществить справедливыя, неотложныя требованія русскаго общества, положить конецъ злоупотребленіямъ бюрократическаго режима и

призвать весь русскій народъ къ самостоятельной работѣ въ сферахъ политической и общественной жизни, наши культурные классы имѣютъ законнѣйшее и неоспоримое право *требовать* себѣ доли участія въ творческой работѣ пересозданія нашего государственнаго и общественнаго уклада, и было бы странно, если бы они не воспользовались этимъ правомъ въ столь важной, столь близкой ихъ сердцу области общественной жизни, въ нѣдрахъ которой создается народное образование и творится будущее нашей родины“.

Далѣе указывается на безвыходное положеніе нашей средней школы, находящейся въ полномъ разстройствѣ, на полное ея разрушеніе. Единственное средство, могущее, по мнѣнію либеральныхъ родителей, спасти школу, это — „рѣшительное вступленіе ея на новый путь, согласованный съ давно уже сознанными нуждами нашей средней школы, жаждущей своего обновленія въ духѣ широкихъ демократическихъ принциповъ самоуправления, человѣчности и искренней любви къ просвѣщенію“.

Родительскій союзъ сознаетъ, что происходящія въ средней школѣ манифестаціи, выражаемыя столь бурно воспитанниками, сочувствіе или неудовольствіе преподавателями самымъ пагубнымъ образомъ отражаются на ходѣ занятій, что все это совершается въ атмосферѣ невѣроятнаго общаго возбужденія, но, тѣмъ не менѣе, глубоко убѣжденъ, что школьныя исторіи послѣдняго времени являются лишь отраженіемъ несравненно болѣе серьезныхъ событій нашей общественной и политической жизни. „Дѣтямъ запрещаютъ заниматься такъ называемой политикой, т. е. думать и говорить о томъ, что въ данную минуту занимаетъ умы больше всего.“

„Нельзя, по мнѣнію союза, требовать отъ развивающихся молодыхъ людей безразличнаго отношенія къ событіямъ, въ которыхъ непосредственно заинтере-

сованы ихъ отцы и матери“. „Школа есть функція общества, и было бы странно, если бы учащіеся въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ были наглухо изолированы отъ вѣяній и впечатлѣній жизни. Бѣда не въ томъ, что дѣти думаютъ и говорятъ о политическихъ вопросахъ, и даже не въ томъ, что совершающаяся въ обществѣ борьба извѣстнымъ образомъ отражается и на жизни школы, — весь ужасъ положенія заключается главнымъ образомъ въ томъ, что наши дѣти сплошь и рядомъ дѣлаются жертвами этой борьбы“. На основаніи всего высказаннаго, Родительскій союзъ считаетъ весьма желательнымъ предварительное обсужденіе всѣхъ законопроектовъ въ періодической печати съ привлеченіемъ, по возможности, къ участію въ ихъ выработкѣ и общественныхъ органовъ, какъ, напр., профессиональныхъ союзовъ и представителей общества.

Въ заключеніе родительскій союзъ выражаетъ пожеланіе, *чтобы въ составъ педагогическихъ совѣтовъ были включены представители отъ каждаго класса даннаго учебнаго заведенія, хотя бы по одному ученику.*

Интересно въ параллель къ этому заявленію родителей, официально представленному въ Петербургѣ въ 1906 году г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія, привести отношенія Московскихъ родителей къ вновь возникшей школѣ къ Медвѣдниковской гимназій. Съ этимъ можно познакомиться изъ объемистой книги директора этой гимназій, В. П. Недачина, озаглавленной „Основы учебно-воспитательной организаціи и первые годы жизни (1901—1904) Московской гимназій имени Медвѣдниковыхъ. Москва 1904 г.“¹⁾.

Я остановлюсь на этихъ отношеніяхъ потому, что они представляютъ разительный контрастъ съ одно-

¹⁾ Я эту книгу получилъ въ Москвѣ лично отъ В. Д. Исаенкова, бывшаго Помощника Попечителя Московскаго учебнаго округа, которому я крайне благодаренъ за цѣнные указанія, которыми я воспользовался въ настоящей работѣ.

временнымъ настроеніемъ родителей къ школѣ въ Петербургѣ и въ большей части провинціальныхъ городовъ Россіи въ тѣ же годы.

Параллель эта необходима и потому, что, какъ намъ кажется, изъ нея ясно выступаетъ, въ чемъ заключается суть дѣла въ занимающемъ насъ сложномъ вопросѣ, какая внутренняя причина, почему въ одномъ случаѣ отношенія эти удовлетворяютъ обѣ стороны и служатъ школѣ на пользу, а въ другомъ совершенно одновременно разъединяютъ школу и семью на два враждебныхъ лагеря и въ результатѣ губятъ педагогическое дѣло. „Въ силу особыхъ исторически-сложившихся условій“, пишетъ директоръ Недачина, „въ послѣдніе тридцать лѣтъ отношенія между русской средней школой и тѣми семьями, которыя отдавали въ нее своихъ дѣтей, были крайне натянуты. Это были два воинствующихъ лагеря, изъ которыхъ одинъ—школа совершенно игнорировалъ своего противника, какъ активную воспитательную силу, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, платилъ тому недоувѣріемъ, относился отрицательно или съ предубѣжденіемъ ко всему, что отъ того исходило и этимъ окончательно портилъ общее дѣло, т. е. дѣло воспитанія своихъ же дѣтей. Въ русскомъ обществѣ установилась какая то странная и печальная привычка—унижать школу, всячески ее злословить, относиться къ ней съ нескрываемымъ озлобленіемъ и все это на глазахъ тѣхъ дѣтей, которыя въ ней воспитывались“.

„Медвѣдниковской гимназій, вполне сознающей весь вредъ отъ этихъ аномальныхъ отношеній между семьей и школой, пришлось, на первыхъ же порахъ, подумать объ установленіи нормальныхъ отношеній между нею и тѣми семьями, которыя поручили ей воспитаніе своихъ дѣтей“. Ей предстояло выбрать другой путь, чѣмъ тѣ, которые до сихъ поръ были использованы и дали такой отрицательный результатъ.

Гимназія начала съ того, что открыла свои двери родителямъ, допустивъ ихъ присутствовать на приемныхъ испытаніяхъ ихъ дѣтей. „Желая установить тѣсную связь и полное общеніе между гимназіею и родителями, педагогическій совѣтъ гимназій Медвѣдниковыхъ проситъ родителей и воспитателей съ сочувствіемъ и доувѣріемъ относиться къ тѣмъ мѣрамъ, которыя имѣются имъ въ виду, для достиженія поставленной выше цѣли. Съ этой цѣлью устраиваются періодическія собранія родителей, для обсуждения вмѣстѣ съ педагогами важныхъ и существенныхъ вопросовъ жизни учениковъ. Независимо отъ этого педагогическій совѣтъ проситъ родителей и замѣняющихъ ихъ мѣсто по крайней мѣрѣ не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ заходить въ гимназію, побесѣдовать съ начальствомъ гимназій или преподавателями о всѣхъ своихъ, даже обычныхъ, нуждахъ и наблюденіяхъ“.

Мотивомъ къ этому служить, по мнѣнію директора Недачина, слѣдующее соображеніе: „безъ содѣйствія родителей и ихъ сердечнаго участія во всемъ, касающемся внутренней жизни учебнаго заведенія, всѣ усилія педагогическаго совѣта, направленные къ улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла, не приведутъ ни къ чему. Поэтому наблюденія родителей надъ ходомъ жизни учебнаго заведенія и откровенныя заявленія ихъ обо всемъ, что ихъ смущаетъ или кажется непонятнымъ или неправильнымъ, принесли-бы ничѣмъ незамѣнимую пользу учебно-воспитательному дѣлу, если бы эти наблюденія, конечно, тщательно провѣренныя и твердо обоснованныя, сообщались непосредственно по назначенію, т. е. въ гимназію“.

Неудивительно, что при такомъ отношеніи начальствующихъ къ родителямъ, возможно ожидать и отъ послѣднихъ серьезныхъ, вдумчивыхъ отношеній къ школѣ, отношеній, основанныхъ на желаніи блага ихъ дѣтямъ. И нужно отдать справедливость этимъ роди-

телямъ, что они по большей части весьма довѣрчиво и сердечно откликнулись на этотъ простой и естественный призывъ. Уже въ январѣ 1902 года, педагогическій совѣтъ призналъ возможнымъ приступить къ организации „родительскихъ собраний“, первое засѣданіе состоялось 20 января 1902 года, на которое явилось около 70 родителей и весь педагогическій составъ гимназіи. Директоръ Недачинъ указалъ на желательную, по его мнѣнію, форму этихъ собраний. Онъ—противъ официальныхъ, торжественныхъ засѣданій. Они должны носить характеръ семейный, никого не стѣсняющій; они должны носить характеръ бесѣды по предложеннымъ, ясно поставленнымъ и формулированнымъ вопросамъ. Вопросы эти должны быть поставлены заранее, чтобы съ ними могли ознакомиться и надъ ними подумать принимающіе участіе въ бесѣдахъ. Къ тому же это исключаетъ до нѣкоторой степени опасность бесполезныхъ преній, и необдуманныхъ заключеній, могущихъ быть несогласными, какъ съ основными принципами педагогической науки съ одной стороны, такъ и съ тѣми цѣлями и задачами, которыя ставитъ себѣ данное учебное заведеніе съ другой.

Самая жизнь школы, повидимому, намѣчаетъ и характеръ собраний. Общее собраніе всѣхъ родителей вѣдаетъ самыми общими вопросами воспитанія и обученія, ихъ достаточно по одному въ годъ. Вопросами, касающимися отдѣльнаго класса, вѣдаетъ собраніе родителей и воспитателей даннаго класса; ихъ достаточно двухъ въ годъ,—по одному въ каждомъ полугодіи. Наконецъ, вопросы, касающіеся отдѣльных учениковъ должны, конечно, служить обезужденіемъ единоличныхъ бесѣдъ родителей съ преподавателями и классными наставниками даннаго класса.

Съ этими выводами вполне согласились и родители и рѣшили ихъ положить въ основаніе своихъ „родительскихъ собраний“.

Основаніями же для руководства въ дѣлѣ воспитанія какъ для школы, такъ и для семьи, были выработаны слѣдующія: 1) любовь учащихся дѣтей къ своей школѣ, ихъ довѣріе къ ней и какъ естественный результатъ этого, ихъ охотное и добровольное подчиненіе всѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ школа.

2) Взаимное довѣріе школы и семьи, основанное на полной откровенности, взаимномъ пониманіи и единствѣ преслѣдуемой цѣли—неуклонное исполненіе съ той и другой стороны тѣхъ требованій, которыя опредѣляются этими поставленными цѣлями.

3) Точное и полное знакомство: а) со стороны семьи—съ условіями жизни данной школы, какъ общественнаго учрежденія, имѣющаго свои опредѣленные цѣли и свои интересы; в) со стороны школы—съ условіями жизни дѣтей и ихъ индивидуальными свойствами.

Существенно важнымъ, представляется намъ, является соображеніе педагогическаго совѣта гимназіи Медвѣдниковыхъ,—въ силу котораго, наблюденіе за учениками внѣ школы возлагается, главнымъ образомъ, на родителей, со стороны которыхъ должны быть предъявлены опредѣленные и рѣшительныя требованія къ дѣтямъ, неисполненіе которыхъ можетъ влечь за собою опредѣленные взысканія со стороны школы; въ этомъ и выражается *солидарность семьи и школы*, нравственная между ними связь. Съ этой цѣлью представляется весьма желательнымъ посовѣтоваться съ родителями о мѣрахъ и средствахъ къ устраненію или предупрежденію указаннаго зла, услышать отъ родителей, какія мѣры съ своей стороны они считаютъ возможными, желательными въ этомъ смыслѣ и согласиться съ ними относительно совмѣстнаго противодѣйствія несомнѣнно существующему названному выше злу нашей школы.

При обсужденіи этого вопроса родителями была высказана между прочимъ, весьма вѣрная, по моему, мысль, а именно, что при большомъ различіи въ общественномъ положеніи семей, едва-ли возможно единство взгляда родителей на значеніе того или другого проступка ученика. То, что съ точки зрѣнія однихъ является проступкомъ, другими можетъ признаваться явленіемъ нормальнымъ или же настолько ничтожнымъ, что замѣчаніе являлось-бы неумѣстнымъ. Съ другой стороны, на этой почвѣ можетъ возникнуть цѣлый рядъ недоразумѣній, въ зависимости отъ нравственнаго уровня семьи, отъ личныхъ взглядовъ родителей на дѣло воспитанія и т. д.

Въ заключеніе директоръ Недачинъ указываетъ на значеніе родительскихъ собраній въ жизни Медвѣдниковской гимназіи. Разъясняя на этихъ собраніяхъ смыслъ и значеніе многихъ своихъ дѣйствій или предъявляемыхъ къ семьѣ требованій и обращая вниманіе родителей на неразрывную связь этихъ требованій съ условіями постановки всего учебно-воспитательнаго дѣла, учебное заведеніе въ значительной степени гарантировало себѣ содѣйствіе семьи, на которое и опиралось съ полнымъ успѣхомъ вездѣ, гдѣ это было нужно.

Весь смыслъ этихъ „родительскихъ собраній“ заключается въ томъ, что они въ значительной степени способствуютъ уничтоженію той перегородки, которая издавна существовала между русской школой и русской семьей, что они способствуютъ большому ихъ знакомству, сближенію и взаимному пониманію.

Кромѣ того подробныя и обстоятельныя наблюденія родителей надъ ихъ дѣтьми, надъ ихъ внутренней жизнью, могутъ имѣть огромную цѣнность для того учебнаго заведенія, которое желало-бы съ возможно большей полнотой провести принципъ индивидуальнаго воспитанія.

О пользѣ же и важности послѣдняго нѣтъ причины распространяться.

„При необходимости въ общемъ освѣщеніи какого-либо школьнаго факта или воспитательнаго приѣма, имѣющаго общее значеніе, обсужденіе такого вопроса въ „родительскомъ собраніи“ несомнѣнно приведетъ къ выясненію взгляда на него большинства заинтересованнаго общества“.

„Познакомившись съ такою общею оцѣнкою какого-либо бытового симптома, провѣривши его наличность и убѣдившись въ справедливости извѣстнаго къ нему отношенія родителей, учебное заведеніе всегда получитъ возможность примѣниться къ этому, дѣлать всякія измѣненія и исправленія въ своемъ школьномъ бытѣ и давать иное, болѣе правильное направленіе отдѣльнымъ формамъ своей школьной жизни, поскольку того потребуютъ правдиво и согласно сообщаемыя родителями наблюденія надъ внѣшкольною жизнью ихъ дѣтей“.

„Привѣтся-ли эта форма, станетъ ли она жизненной, какія ея могутъ быть функціи, какими правами она можетъ пользоваться?—все это дѣло будущаго. Во всякомъ же случаѣ полезность ея и въ настоящее время можетъ быть признана стоящею внѣ всякихъ сомнѣній“—закончилъ свою рѣчь директоръ Недачинъ на торжественномъ актѣ.

Считаю впрочемъ необходимымъ здѣсь оговориться. Въ гимназіи Медвѣдниковыхъ я самъ не былъ и потому не могъ убѣдиться личнымъ посѣщеніемъ, насколько дѣйствительно примѣняются въ ней высказанные здѣсь здоровые педагогическіе принципы.

Итакъ, если взаимныя отношенія семьи и школы вылились у насъ въ Россіи въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ (напр. въ Москвѣ), въ желательную форму, могущую только помочь и содѣйствовать правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, то, къ сожа-

лѣнію, это было далеко не вездѣ, чему много способствовали, конечно, внѣшнія обстоятельства.

Состояніе средней школы въ Россіи, начиная съ 17 октября 1905 года, по всей справедливости, можно назвать состояніемъ полной анархіи. Господами положенія стали не педагоги, и не родители, а ученики. Занятія въ сколько нибудь правильномъ порядкѣ совершенно прекратились; дисциплина и на урокахъ и между уроками перестала существовать. Ученики старшихъ классовъ начали самовольно осуществлять заявленные ими въ многочисленныхъ петиціяхъ *требованія*. При этомъ нужно замѣтить, что школьную администрацію эта рѣзкая переменѣна, происшедшая въ школьномъ строѣ и направленіи средне-учебныхъ заведеній въ Россіи въ началѣ девятисотыхъ годовъ застала совершенно врасплохъ, неподготовленною. Администрация, учебное начальство, за рѣдкими исключениями, совершенно растерялись, выпустили власть изъ рукъ, подъ давленіемъ бурно предъявленныхъ требованій со стороны либеральной нашей интеллигенціи и прессы, и были не въ силахъ поддержать утраченный ими авторитетъ, столь необходимый для правильнаго функционирования школьнаго аппарата. Анархія съ поразительной быстротой распространилась въ школѣ на всемъ огромномъ пространствѣ русскаго государетва. Этому печальному положенію вещей, какъ я упомянулъ выше, способствовали внѣшнія обстоятельства.

ГЛАВА III.

Развалъ школы (1905—1906 г.) и роль въ немъ школьной администраціи, педагоговъ, родителей и учениковъ. Факты изъ жизни С.-Петербургскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ.

Послѣ того какъ мысль о необходимости и законности вмѣшательства семьи въ внутреннія дѣла школы проникла повсемѣстно въ Россіи въ широкіе слои общества въ различныхъ округахъ образовались подъ предѣтельствомъ Попечителей, при окружныхъ управленіяхъ, особые совѣщанія представителей педагогическихъ совѣтовъ и Родительскихъ комитетовъ для обсужденія различныхъ вопросовъ, казавшихся участникамъ этихъ совѣщаній наиважнѣйшими.

На нѣкоторыхъ изъ этихъ совѣщаній мы остановимся подробнѣе (напр., на совѣщаніяхъ, происходившихъ при Рижскомъ учебномъ округѣ).

Интересно указаніе Рижскаго Попечителя Левшина, что учрежденіе родительскихъ организацій было вызвано происшедшимъ конфликтомъ между семьей и школой. Явленіе это, по его мнѣнію, не представляетъ исключительной особенности русской жизни: оно было вездѣ. Конфликтъ этотъ обусловливается различнымъ пониманіемъ семьей и школой задачъ воспитанія. Семья стремилась къ утилитарнымъ цѣлямъ, школа къ идеалистическимъ. Затѣмъ онъ сравниваетъ Россію съ Франціею, находя, къ крайнему моему удивленію, сходство въ историческомъ процессѣ обѣихъ странъ.

Нами уже указаны большія или меньшія отступленія школьной жизни, выпавшей изъ нормальнаго своего

русла. Но все это, какъ мы увидимъ впоследствии, представляетъ только начало наступавшаго развала школы подъ вліяніемъ вѣчныхъ колебаній и полного отсутствія какого нибудь опредѣленнаго плана дѣйствія со стороны тогдашней, окончательно растерявшейся, власти.

Интересно теперь прослѣдить, какъ постепенно подготавливалось это разложенеіе всѣхъ школьных традицій и устоевъ, всей школьной дисциплины, обязательныхъ вездѣ, въ каждой нормальной школѣ. Считаю долгомъ здѣсь заявить, что все, что будетъ мною сообщено о происходившемъ въ этотъ періодъ времени въ 1906 и 1907 годахъ въ Петербургѣ и вообще въ Петербургскомъ округѣ, является и для меня, занимавшаго весьма ответственнѣй постъ въ тѣ годы въ Одессѣ (я былъ Одескимъ Попечителемъ два года, съ начала 1906 года и до конца 1907 года), совершенно неожиданнымъ и невѣроятнымъ по степени полной атрофіи власти и непринятія учебнымъ начальствомъ (округомъ и Министерствомъ) *рѣшительно никакихъ мѣръ* къ водворенію хоть какого нибудь порядка въ совершенно расшатанномъ Петербургскомъ округѣ ¹⁾.

Оріентироваться среди груды матеріала, иллюстрирующаго тотъ хаосъ, который охватилъ всю среднюю школу въ это революціонное время, въ Петербургѣ, можетъ помочь „опросный бланкъ“, выпущенный въ то время нѣкоторыми членами „клуба общественныхъ дѣятелей“. Анкета, эта въ свою очередь, подраздѣляется на нѣсколько отдѣловъ, захватывающихъ

¹⁾ Кстати сказать, ничего подобнаго въ это же самое, чисто революціонное время, въ теченіе 1906 и 1907 г-въ у меня ни въ Одессѣ не было, ни гдѣ бы то ни было, на вѣренномъ мнѣ Одескомъ учебномъ округѣ. Напротивъ, округъ, который принять былъ мною въ началѣ 1906 года въ крайне расшатанномъ видѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ постепенно вошелъ въ нормальную колею. Изъ университета уволены были, по моему настоянію, съ преданіемъ суду сената Ректоръ Занчевскій и проректоръ Васильевскій.

интересы отдѣльныхъ группъ, участвующихъ въ этомъ движеніи, какъ, напр., учащихся, родителей, педагогическаго персонала.

Для насъ представляется въ высшей степени важнымъ то обстоятельство, что весь этотъ матеріалъ—подлинный, не является плодомъ фантазіи или партійнаго увлеченія; *онъ никѣмъ до сихъ поръ изъ заинтересованныхъ лицъ не былъ опровергнутъ* и представляетъ выдержки изъ официальныхъ актовъ, полученныхъ изъ канцелярій правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній.

Передамъ событія въ послѣдовательномъ порядкѣ, изложенныя въ отвѣтахъ на эту анкету.

Первыя движенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ возникли въ началѣ 1905 года. Готовиться къ нимъ стали далеко до Гапона. Въ началѣ 1901—1902 годовъ открыто выражались мнѣнія въ университетѣ, на сходкахъ, что „высшія учебныя заведенія уже достаточно революционированы, что пропаганда революціонныхъ идей уже давно пустила въ нихъ такіе глубокіе корни, что опасаться за прочность сохраненія ихъ въ высшей школѣ совершенно напрасно, что революція сама собою сохранится въ университетѣ, а въ школахъ нужно еще ее создать изъ ничего и для этого всѣ активныя революціонныя силы должны быть перенесены изъ университета въ среднія учебныя заведенія“.

Главнымъ орудіемъ пропаганды явилось созданіе „Сѣвернаго союза“, имѣвшаго цѣлью подготовку среди воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній сознательныхъ революціонныхъ дѣятелей. По уставу, членами „Сѣвернаго союза“ являются исключительно воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Союзъ имѣетъ свою бібліотеку.

У „Сѣвернаго союза“ существовали двѣ цѣли: 1) развить въ ученикахъ чувство общественности, оратор-

скія способности и политическій тактъ, т. е. необходимыя свойства будущаго политическаго дѣятеля и 2) выработать сознательныхъ стойкихъ борцовъ за свободу и лучшее будущее и будущихъ убѣжденныхъ прогрессивныхъ дѣятелей свободной Россіи!. Средствомъ для достиженія указанныхъ цѣлей „Сѣверный союзъ“ считаетъ академическую борьбу,

Характерно мнѣніе „союза“ объ „академической борьбѣ“. Онъ пишетъ, что, „признавая, что академическая борьба въ средней школѣ существуетъ и будетъ существовать, пока существуютъ тѣ условія, которыя ее порождаютъ, мы считаемъ своимъ долгомъ принимать въ ней участіе. Мы признаемъ, что „академическая борьба“ имѣетъ большое общественно-воспитательное значеніе и что духъ протеста въ учащихся является лучшимъ противодѣйствіемъ рабской покорности школьной дисциплинѣ, сохраняющимъ отъ ея растлѣвающего вліянія“.

Вскорѣ появляются два анонимныхъ циркуляра, опубликованные „центральнымъ союзомъ учащихся среднихъ школъ“, въ которыхъ: 1) указывается необходимость того, чтобы коренная реформа средней школы производилась, согласно желаніямъ общества, 2) школа должна находиться подъ постояннымъ и непосредственнымъ контролемъ общества черезъ его представителей.

И для всего этого требуется немедленный созывъ совѣщанія родителей при каждомъ учебномъ заведеніи. При этомъ, заявляетъ „центральный союзъ“, что „необходимо отмѣнить все циркуляры, запрещающіе печати касаться внутренней жизни учебныхъ заведеній“. Эти революціонные циркуляры касаются и учебныхъ программъ средней школы. Такъ, они требуютъ: 1) немедленнаго уничтоженія обязательнаго преподаванія классическихъ языковъ; 2) сравненія программъ женскихъ гимназій Вѣдомства Императрицы Маріи съ програм-

мами женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія; 3) допущенія реалистовъ на равныхъ правахъ съ гимназистами въ университеты; 4) уничтоженія вѣншкольнаго надзора; 5) уничтоженія принудительнаго посѣщенія церкви и вообще всякаго контроля надъ религіозными обязанностями учениковъ; 6) допущенія кружковъ самообразованія; 7) допущенія касетъ взаимопомощи и товарищескаго суда, права сходовъ и т. д.

Во второмъ возваніи указываются тѣ учебныя заведенія Въ С.-Петербургѣ, гдѣ уже созданы, по настоянію „Сѣвернаго союза“, родительскія совѣщанія и на этомъ основаніи требуется созывъ ихъ вездѣ. Это были гимназін: *Царскосельская*, при весьма слабомъ директорѣ, распустившемъ совершенно гимназію, нынѣ покойномъ И. Ф. Анненскомъ, котораго я уже засталъ окружнымъ инспекторомъ. Чтобы привести гимназію въ порядокъ, пришлось туда еще до меня назначить директоромъ недавно скончавшагося маститаго Я. Гр. Мора, при которомъ Царскосельская гимназія сдѣлалась неузнаваемой. Затѣмъ идутъ гимназін, *Восьмая*, *Введенская*, *Пятая*, и гимназія *Человѣколюбиваго Общества*.

24 октября 1905 г. „центральный Комитетъ Сѣвернаго союза учащихся среднихъ школъ С.-Петербурга“ обращается къ учащимся и объявляетъ имъ, что по *постановленію совѣта рабочихъ депутатовъ* 21 октября 1905 года въ 12 часовъ дня окончилась всеобщая политическая забастовка. Онъ указываетъ на могущественную силу только что прекратившейся забастовки, показавшей всю мощь и сплоченность революціоннаго народа, его готовность пойти на все въ борьбѣ за желанную свободу. „Возвращаясь въ учебныя заведенія, вспомнимъ, товарищи, говорить революціонный циркуляръ, „что предстоитъ еще тяжелая борьба съ царизмомъ, который не хочетъ сдаваться и въ своей предсмертной агоніи погубить еще много человѣческихъ жизней“.

„Мы не вѣримъ“, пишетъ онъ далѣе, „живымъ общаніямъ царскаго правительства, которое пытается обмануть возставшій народъ жалкими подачками, въ родѣ манифеста 17 октября, и въ то же время разстрѣливаетъ безоружныхъ людей во всѣхъ городахъ Россіи. Мы твердо помнимъ тотъ лозунгъ, который мы выставили, приступая къ забастовкѣ“

Вотъ этотъ лозунгъ:

„Долой царизмъ,

Да здравствуетъ Демократическая Республика!

И это читають воспитанники средней казенной школы въ столицѣ!

Какъ же реагировало Министерство и прежде всего учебный округъ на все это?—Никакъ. Все, по донесеніямъ Попечителя, обстояло благополучно.

Одновременно „Сѣверный Союзъ“ выпускаетъ уже чисто анархическую прокламацію, касающуюся исключительно внутренней правительственной политики. Содержаніе его таково: „Мы учащіеся всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Петербурга заявляемъ о своей солидарности съ совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ. Мы громко протестуемъ противъ провокаторскаго поведенія самодержавнаго правительства съ кронштадскими матросами и артиллеристами и присоединяемся къ протесту совѣта Рабочихъ Депутатовъ противъ утвержденія военнаго положенія въ царствѣ Польскомъ. Мы считаемъ положеніе дѣла несомнѣстимымъ съ только что объявленными Высочайшимъ Манифестомъ 17 октября конституціонными свободами. Это нарушеніе основныхъ человѣческихъ правъ населенія, учащихся,—лишній разъ приводитъ къ заключенію о полномъ разложеніи всей самодержавно-бюрократической машины.“

„Солидарные съ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, мы сознаемъ, что только Демократическая Республика, основой которой является учредительное собраніе, на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго изби-

рательнаго права, даетъ возможность урегулировать коренные вопросы жизни Россіи“.

Подписано: „центральный Комитетъ Сѣвернаго Союза учащихся среднихъ школъ“.

Нѣсколько раньше, 2-го октября 1905 года, появилось отъ лица объединенной группы учащихся одной изъ петербургскихъ гимназій слѣдующее воззваніе:

„Товарищи! Теперь всѣмъ стало ясно, что самодержавіе задерживаетъ движеніе Россіи по пути прогресса; всѣмъ стало ясно, что дорога къ свѣтлому будущему лежитъ за развалинами самодержавно-бюрократическаго строя“

„Теперь наступаетъ моментъ, когда самодержавію нанесенъ будетъ послѣдній ударъ. Всѣ университеты, всѣ вышія учебныя заведенія Россіи открылись теперь для того, чтобы лучше, вѣрнѣе подготовить этотъ ударъ. Всѣ они превратились въ агитаціонные центры, сдѣлались храмами революціи“.

„Товарищи! И мы, учащаяся молодежь среднихъ школъ, теперь не будемъ обращаться къ правительству съ *требованіями* въ родѣ прошлыхъ. Мы убѣдились, что отъ самодержавія намъ ждать нечего. „Свободная наука возможна только въ свободной Россіи и поэтому, товарищи, всѣ наши симпатіи должны быть на сторонѣ тѣхъ, кто борется за ея свободу—на сторонѣ революціи“.

„Пусть же это воззваніе будетъ выраженіемъ нашего протеста доживающему самодержавію и симпатіи революціи“

„Долой самодержавіе,

Долой ненавистный режимъ,

Да здравствуетъ революція,

Да здравствуетъ свободная школа!“

„Подписано: объединенная группа учащихся“.

А вотъ какъ относились къ современнымъ событіямъ преподаватели, отъ которыхъ учебное начальство

выправѣ было ожидать поддержки и разумнаго руководства учащеюся молодежью.

Педагогическій Комитетъ (NN училища Министерства Финансовъ) считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія родителей учащихся нижеслѣдующее:

„Школа, желающая стоять на высотѣ своего призванія, въ числѣ другихъ своихъ задачъ, должна брать на себя содѣйствіе къ выработкѣ учащимися правильнаго отношенія къ фактамъ политической жизни. Въ такомъ руководствѣ ощущалась бы тѣмъ болѣе необходимость въ настоящее тревожное время. Однако, принимая во вниманіе, что крайне обострившіяся въ послѣднее время политическія обстоятельства требуютъ отъ всякаго русскаго гражданина выраженія своего активнаго отношенія къ совершающимся событіямъ; мы, преподаватели NN училища, присоединились къ всеобщей политической забастовкѣ, какъ единственному въ настоящую минуту средству политическаго воздѣйствія“.

Интересно было бы знать, какъ реагировало начальство на такое безобразное отношеніе преподавателей и воспитателей къ прямымъ своимъ обязанностямъ?

Забастовка преподавателей, конечно, окончательно деморализировала нашу среднюю школу, какъ фактъ дотогѣ небывалый. Ученики естественно задавали себѣ вопросъ, какое было у преподавателей основаніе къ такому, изъ ряда вонъ выходящему поступку. Результатомъ всего этого было перенесеніе на постоянно имѣвшія мѣсто ученическія сходки всѣхъ тѣхъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, которые волновали современное общество, какъ то: амнистія (политическая), сложеніе съ себя генераль-губернаторомъ Треповымъ своей должности, учредительное собраніе, рабочій вопросъ, самодержавіе, бюрократія, вооруженное возстаніе въ Москвѣ, военное положеніе въ Польшѣ,

и т. д., и все это служило предметомъ обсужденія на ученическихъ сходкахъ и въ семейномъ кругу въ присутствіи родителей, только еще болѣе поощрявшихъ своихъ дѣтей въ этомъ направленіи, и при полной инерціи съ стороны учебнаго начальства.

Забастовавшие учителя, конечно, намѣренно, чтобы оправдать свою нелѣпую забастовку, рисовали предъ учениками происходившія событія въ возможно болѣе мрачныхъ краскахъ, прибавляя, что ни одинъ порядочный человекъ не могъ оставаться равнодушнымъ, видя, что совершается вокругъ него, и сводили такимъ образомъ все на этическую точку зрѣнія.

Какъ естественное слѣдствіе всей этой неурядицы собирались въ большомъ количествѣ ученическія сходки, которыя устраивались въ урочное время въ самыхъ учебныхъ заведеніяхъ при весьма повышенномъ настроеніи. Могу привести списокъ вопросовъ, разбиравшихся на этихъ сходкахъ. Списокъ этотъ доставленъ былъ мнѣ канцелярією одной изъ С.-Петербургскихъ гимназій.

13 октября 1905 года рѣшено было собрать деньги для голодающихъ посредствомъ танцевальнаго вечера, но это намѣреніе скоро провалилось, „какъ слишкомъ грязное средство въ такое время“. Когда была объявлена общая политическая забастовка, директоръ далъ помѣщеніе для сходки. Младшіе ученики были отпущены „по распоряженію старшихъ“. На сходкѣ рѣшено было забастовать и снять другія гимназій; забастовку продолжали изъ сочувствія къ провинціальнымъ товарищамъ—„невозможно заниматься въ такое время“ Рѣшили бастовать до 7 января, *разсчитывая, что къ этому времени произойдетъ государственный переворотъ*. На этой же сходкѣ *явочнымъ порядкомъ* учредили институтъ старости и произвели выборы ихъ. Устава еще не было. По окончаніи сходки приглашенъ былъ въ актовъ залъ Педагогическій Совѣтъ и младшіе

ученики. Имъ была вручена резолюція. Педагогическій Совѣтъ созвалъ старость, разрѣшилъ сходку; ученикамъ вообще разрѣшалось право сходовъ и право выбора старость отъ гимназій и отъ пансіона.

Отчетъ гимназій устанавливаетъ, что въ этой гимназій происходили въ 1905 году сходки 13 и 25 октября, 2, 3, 5, 7, 8, 10, 12, 15, 23, 26, 29 и 30 ноября, 1 и 3 декабря и все это въ урочное время, итого 16 дней потерянныхъ для занятій въ полтора мѣсяца.

Далѣе укажу на нѣкоторые болѣе характерныя постановленія.

На сходкѣ 2-го ноября выражено довѣріе Педагогическому Совѣту. Выбрана комиссія для разработки устава института старость. Рѣшено примкнуть къ общеполитической забастовкѣ. Старосты должны добиваться права присутствовать на родительскихъ собраніяхъ и въ Педагогическомъ Совѣтѣ.

5 ноября—разрѣшено устройство ученической читальни, отведена комната для куренія, утвержденъ уставъ старость. Ученики сами намѣчаютъ желательныхъ для нихъ членовъ родительскаго комитета для участія въ засѣданіяхъ Педагогическаго Совѣта. Въ видѣ демонстраціи рѣшено начать занятія послѣ забастовки, *непремѣнно въ царскій день (14 ноября)*. Sic! Постановили отмѣнить обязательные уроки Закона Божія на основаніи манифеста 17 октября, обязательное изученіе древнихъ и новыхъ языковъ и введеніе вмѣсто нихъ болѣе полезныхъ предметовъ („все равно—приведенъ мотивъ—мы не овладѣемъ этими языками до окончанія гимназій“).

Впрочемъ, на всемъ этомъ не настаивали („теперь не время заниматься академизмомъ“). Требовали также совмѣстнаго мальчиковъ съ дѣвочками обученія съ младшихъ классахъ, безпроцентнаго приѣма евреевъ, доступа въ университеты изъ реальныхъ училищъ безъ всякаго повѣрочнаго экзамена, улучшенія матеріальнаго

положенія низшихъ служителей. Протестовали противъ рѣшенія Педагогическаго Совѣта закрыть гимназію.

Рѣшено сдѣлать обязательнымъ присутствіе на урокахъ $\frac{2}{3}$ класса. При чемъ соблюдается очередь среди учениковъ. Допущены въ классы уволенные изъ другихъ заведеній воспитанники.

Предложено общему собранію старость всѣхъ учебныхъ заведеній Петербурга забастовать до прекращенія репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ участникамъ движенія; опубликовать мотивы, побудившіе учениковъ къ забастовкѣ. Въ случаѣ забастовки оставить открытыми библіотеку и читальню. Эти постановленія сходки были сообщены делегаціямъ учениковъ, присланнымъ въ гимназію отъ VIII гимназій и Реального училища Принца Ольденбургскаго.

Резолюція сходки отъ 4 декабря:

„Въ виду непрекращенія репрессій и недостаточной дѣйствительности забастовки, рѣшили предоставить зданіе гимназій всѣмъ уволеннымъ изъ другихъ учебныхъ заведеній. Поручается старостамъ подыскать новое помѣщеніе для общаго собранія въ виду возможности закрытія гимназій и въ виду начинающейся, повидимому, реакціи.

Вотъ резолюція послѣдней сходки отъ 8 декабря 1905 года:

„Мы, воспитанники гимназій Н, собравшись на сходкѣ 8 декабря 1905 года, вынесли слѣдующую резолюцію. Горячо привѣтствуемъ рѣшеніе Россійскаго пролетаріата и трудового крестьянства бороться до послѣдней капли крови съ самодержавіемъ, десятки лѣтъ нагло издѣвающимся надъ рускимъ народомъ, глубоко вѣря въ скорую побѣду революціонныхъ массъ путемъ политической забастовки съ вооруженнымъ возстаніемъ. Мы присоединяемся къ революціонному народу, требуя

немедленного созыва учредительного собрания. Да здравствует революционный народ, да здравствует демократическая республика, да здравствует социализм! Рѣшено отдать зданіе гимназіи революционному народу“.

Итакъ мы видимъ, какъ быстро мѣняются темы, обсуждаемыя на ученическихъ сходкахъ. Отъ самыхъ невинныхъ (13 окт. 1905 г.)—о сборѣ денегъ на буфетъ или на танцевальный вечеръ, въ первыхъ числахъ ноября дошли уже до выбора желательныхъ родителей въ родительскій комитетъ, при чемъ Педагогическій Совѣтъ безпрекословно слѣдуетъ желанію учениковъ.

Въ началѣ ноября сходки уже обсуждаютъ: какіе предметы должны быть обязательными въ учебномъ планѣ, какіе факультативными, и еще черезъ нѣсколько дней ученики уже объявляютъ открыто, что они присоединяются къ революционному народу и требуютъ немедленного созыва учредительного собрания.

Замѣчательно, что всѣ сходки происходятъ съ разрѣшеніемъ начальства и родителей. Мотивомъ для подобнаго нелѣпаго разрѣшенія приводятъ то соображеніе, что эти сходки отвлекутъ учениковъ и ученицъ отъ хожденія на многочисленные митинги на частныхъ квартирахъ. На разрѣшенныхъ сходкахъ всегда присутствовало лицо учебного персонала. 17 октября въ одной изъ гимназій директоръ предложилъ отслужить молебень по случаю дарованія манифеста, сходка же требовала сначала панихиды по убитымъ въ борьбѣ за свободу.

Съ 22 октября сходки происходили уже вполне организованныя, происходило это очень просто. Выѣшивались объявленія о часѣ сходки, выносились скамейки, каѳедра изъ классовъ въ актовъ залъ, просили начальство удалиться и начинали сходку, часто и въ урочное время.

Резолюціи, выносимыя этими ученическими сходками, какъ мы видѣли, весьма разнообразны, но всѣ одинаково требуютъ института „старость“. Такъ, напр., родители и ученики старшихъ трехъ классовъ VI гимназіи на сходкѣ, происходившей послѣ закрытія гимназіи 18, 20 и 23-го ноября 1905 года, признали, что: 1) у директора не было достаточно основаній къ закрытію гимназіи, 2) отвергнуть предложенный директоромъ проектъ подписи родителей и 3) учрежденіе выборныхъ старость и общія собранія (сходки) являются назрѣвшею потребностью.

На самомъ уставѣ старость я останавливаться здѣсь не буду, считая его болѣе или мѣнѣе извѣстнымъ.

Интересно отношеніе Попечителя С.-Петербургскаго учебного округа къ резолюціи, выработанной учениками Введенской гимназіи, родителями ихъ и опекунами; „старосты выбираются закрытою баллотировкою изъ представителей старшихъ классовъ (начиная съ V кл.). Совѣтъ старость предъявляетъ слѣдующія требованія: открытіе гимназіи для занятій, предоставленіе въ свободное отъ занятій время помѣщенія гимназій для чтенія рефератовъ, лекцій и проч.“.

Попечитель согласился со всѣми пунктами резолюціи, только добавилъ, что требуетъ присутствія представителей Педагогическаго Совѣта на всѣхъ собраніяхъ и чтеніяхъ.

Привожу здѣсь характерный эпизодъ, случившійся на одной изъ ученическихъ сходокъ. (Свѣдѣнія получены много изъ официального источника), указывающій на установившіяся къ этому времени невозможныя отношенія учениковъ къ своему начальству.

Въ началѣ ноября 1905 года ученики одной гимназіи рѣшили устроить сходку въ 8 часовъ вечера въ гимнастическомъ залѣ. Директоръ не соглашался, такъ какъ въ томъ-же часу назначено было родительское

собрание. Доводы директора показались неосновательными. Его подняли *на смѣхъ*, онъ ушелъ, а сходка состоялась. Была вызвана мать того ученика, который громче другихъ смѣялся надъ директоромъ. Все это сообщено было сходкѣ, которая выразила свое негодование. Когда по этому поводу сталъ говорить на сходкѣ инспекторъ, не вставая, председатель сходки (ученикъ) лишилъ его за это слова, сказавъ: надо относится съ уваженіемъ къ собранію“. Черезъ нѣкоторое время инспектора освистали и заставили замолчать. Послѣ этого директоръ заговорилъ сидя. Его заставили встать. На сходкѣ выражено порицаніе Педагогическому Совѣту за безучастное отношеніе къ современному освободительному движенію.

Резолюція этой сходки была тоже характерна.

„Мы отказываемся повиноваться Педагогическому Совѣту и считаемся только съ тѣми его постановленіями, которыя совпадаютъ съ нашими“.

Среди многочисленныхъ функцій, которыя присваивали себѣ старосты, были между прочимъ и надзоръ за дѣйствіями директора и даже право посылать ему предложенія.

Такъ мы нашли слѣдующую резолюцію:

„На основаніи полномочій, данныхъ всеми учениками старшихъ классовъ на сходкѣ 9 ноября 1905 года, совѣтъ старшинъ предлагаетъ г-ну Директору открыть гимназію не позже 15 ноября и заявляеть, что VIII классъ вполне солидаренъ съ VI и VII классами, и считаетъ предложеніе Директора уклоняться отъ участія въ общей жизни старшихъ классовъ гимназій для VIII класса оскорбительнымъ...“

Функції старостъ усложнялись еще тѣмъ обстоятельствомъ, что они входили еще въ составъ „между школьнаго общаго совѣта старостъ всехъ Петербургскихъ учебныхъ заведеній“. На это есть указаніе въ газетѣ „Москва“ отъ 9 декабря 1905 года. Тамъ сооб-

щается, что забастовка всехъ среднеучебныхъ заведений была рѣшена на собраніи совѣта старостъ всехъ гимназій, происходившемъ 7 декабря 1905 года. Забастовали гимназій: I, II, IV, V, VI, VII, XII, и гимназія Человѣколюбиваго Общества.

Въ газетѣ „Новая жизнь“ отъ 16 ноября 1905 года была помѣщена резолюція сходки 26 октября гимназій Человѣколюбиваго Общества: „Мы ученики этой гимназій приступаемъ къ занятіямъ, не по распоряженію начальства, а потому, что „Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ“ объявилъ о прекращеніи рабочей забастовки“.

Подтверждаетъ эту мысль о необходимости солидарности въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ совѣтовъ старостъ и подчиненія ихъ распоряженіямъ особаго „статечнаго комитета“ и слѣдующая резолюція учениковъ трехъ старшихъ классовъ II гимназій на сходкѣ 27 октября. „Недавно окончившаяся политическая забастовка среднихъ школъ вполне доказала всю несостоятельность существующихъ до сихъ поръ гимназическихъ организацій, политическую нашу разрозненность и отсутствіе солидарности между отдѣльными училищами. Мы считаемъ, что насущною потребностью данного момента является полнѣйшее объединеніе всехъ среднихъ учебныхъ заведеній. Принимая все это во вниманіе, мы ученики II-ой гимназій предлагаемъ всемъ учащимся среднихъ школъ Петербурга—избрать отъ каждаго заведенія по пяти делегатовъ въ статечный комитетъ, какъ для обсужденія и рѣшенія вопросовъ, касающихся средне-школьнаго движенія, такъ и для руководства этимъ движеніемъ. Только объединенные однимъ выборнымъ центромъ, сильные этимъ объединеніемъ, мы можемъ принести и дѣйствительную пользу тому всеобщему движенію, къ которому мы примкнули“—изъ газеты „Русь“ отъ 31 октября 1905 года.

Еще одинъ характерный эпизодъ изъ гимназической жизни того времени.

Въ *Веденской* гимназіи 5-го ноября 1905 года былъ прочитанъ рефератъ на тему „Параллель между испанскою и русскою революціею“. Какъ могло начальство допустить такую тему въ такое время?

Написанъ онъ былъ однимъ изъ учениковъ

Послѣ реферата состоялся митингъ, на которомъ присутствовали рабочіе и люди различныхъ профессій, не имѣющіе ничего общаго съ гимназіею. Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о забастовкѣ гимназистовъ. Въ результатѣ рѣшено поддержать требованіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и примкнуть къ общей забастовкѣ (изъ „Новой жизни“).

Какъ примѣръ наивысшей наглости и цинизма такъ называемыхъ „политическихъ“ резолюцій, вынесенныхъ на гимназическихъ сходкахъ, укажу на резолюцію старшихъ классовъ царскосельской Николаевской гимназіи.

„Когда подъ напоромъ революціоннаго пролетаріата, самодержавіе пошло на уступки и возвѣстило народу дѣйствительныя гражданскія права, т. е. свободу слова, совѣсти, собраній, союзовъ и неприкосновенности личности, тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за возвѣщенными свободами широкимъ потокомъ пролилась народная кровь. Теперь, когда весь революціонный пролетаріатъ въ лицѣ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ рѣшилъ общую политическую забастовку, мы, какъ дѣти народа и солидарные съ нимъ объявляемъ политическую забастовку и пусть нашимъ лозунгомъ будетъ:

Долой смертную казнь,

Долой военные суды,

Долой военное положеніе въ царствѣ Польскомъ и всей Россіи“—

(„Наша Жизнь“ 12 ноября 1905 года).

А въ *царскосельской женской гимназіи* вынесли резолюцію: „мы ученицы V, VI, VII и VIII кл., собравшись 8 дек. на общую сходку, постановили:

„Выразить свою солидарность всему революціонному народу, борющемуся за свои права и присоединиться къ всеобщей политической забастовкѣ“.

„Да здравствуетъ революціонный народъ,

Да здравствуетъ всеобщая политическая забастовка“.

(Москва 9 дек. 1905 г.).

Считаю необходимымъ еще указать здѣсь на особый характеръ нѣкоторыхъ ученическихъ сходокъ, которыя къ концу 1905 года стали все чаще повторяться. Особенность этихъ сходокъ заключалась въ томъ, что собирались они съ цѣлью выразить протестъ по поводу какого нибудь административнаго распоряженія, касающагося учениковъ другихъ заведеній. Послѣдствіемъ подобныхъ сходокъ являлась обыкновенно резолюція сходы о забастовкѣ.

Такъ, напр. 29 ноября въ Покровскую женскую гимназію явились три депутата отъ Ларинской гимназіи, вызвали старостъ и попросили ихъ созвать общую сходку для рѣшенія вопроса относительно исключенныхъ товарищей. Дѣло въ томъ, что изъ училища Принца Ольденбургскаго исключены были четыре ученика. Это извѣстіе впослѣдствіи оказалось невѣрнымъ. Ученицы Покровской женской гимназіи вынесли слѣдующую резолюцію: „Мы ученицы VI, VII и VIII классовъ *Покровской женской гимназіи* постановили прекратить занятія до тѣхъ поръ, пока не будутъ прекращены репрессіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мотивируя нашу забастовку тѣмъ, что круговая порука обязываетъ насъ выразить протестъ администраціи, которая выбросила изъ нашихъ рядовъ товарищей за ихъ убѣжденія и участіе въ борьбѣ за свободную школу. Просимъ товарищей присоединиться. Долой произволъ! Да здравствуетъ свободная школа! („Сынъ Отечества“ 1 декабря 1905 годъ).

22 ноября 1905 года ученики VII класса реального училища и VIII кл. *гимназіи Гуревича* собрались въ

одномъ изъ классовъ, чтобы обсудить инцидентъ съ ученицами VII и VIII кл. женской гимназiи принцессы Ольденбургской, исключенными на неопредѣленное время изъ гимназiи за требованiя автономiи. Съ цѣлью предохранить себя отъ внимательства директора ученики заперли двери и забаррикадировали ихъ партами. Участники сходки резолюцiи не вынесли, вслѣдствiе разногласiя, но, связанные съ другими учебными заведениями круговой порукой, рѣшили собраться на дняхъ для окончательнаго рѣшенiя этого вопроса— („Сынъ Отечества“ 24 ноября).

Далѣе вынесены были еще слѣдующiя резолюцiи:
„Человѣки въ футлярахъ“ продолжаютъ вести старую политику. На этихъ дняхъ изъ реального училища Принца Ольденбургскаго были уволены четыре воспитанника, подозрѣваемые „въ агитацiю“, и въ тотъ же день выселены изъ пансиона. Возмущенные этимъ ученики III и Ларинской гимназiи 2-го ноября забастовали впродъ до принятiя обратно уволенныхъ товарищей. Во всѣ гимназiи посланы депутаты съ предложениемъ присоединиться къ протесту. Можно ожидать забастовки среднихъ учебныхъ заведений, („Новая Жизнь“ 30 ноября).

По тому же мотиву забастовала и VIII гимназiя, ссылаясь на то, что уволены четыре воспитанника V класса реального училища Принца Ольденбургскаго за предъявленiя тѣхъ же требованiй, за которыя и они борются и которыя у нихъ удовлетворены.

Также и совѣтъ старость V гимназiи выражаетъ негодованiе по поводу акта возмутительнаго насилiя администрацiи училища Принца Ольденбургскаго.

„Не имѣя возможности забастовать во имя протеста и солидарности съ другими товарищами (гимназiя была закрыта), V гимназiя выражаетъ свое сочувствiе пострадавшимъ товарищамъ и солидарность забастовавшимъ“ („Наша Жизнь“ 30 ноября).

Между тѣмъ, какъ мы видѣли, впоследствии самое это извѣстiе, такъ заволновавшее всѣхъ гимназистовъ, оказалось ложнымъ.

Такъ легко поддавалась молодежь совершенно ложнымъ, непровѣреннымъ слухамъ, лишь бы имѣть поводъ волноваться и собираться на сходки!

Замѣчательна приписка, сдѣланная въ концѣ резолюцiи ученической сходки, разрѣшенной Директоромъ VIII гимназiи 25 окт. 1905 года.

Послѣ цѣлаго ряда пожеланiй, какъ-то: разрѣшенiе собираться въ гимназiи ученикамъ VIII класса для занятiй самообразованiемъ, литературой и т. д., съ правомъ пользоваться помещенiемъ явочнымъ порядкомъ, выбирались по два человѣка изъ каждого V, VI, VII и VIII классовъ въ старосты, которые являлись бы представителями учениковъ передъ педагогическимъ совѣтомъ, свободное чтенiе книгъ и газетъ во время перемѣнъ, предоставленiе комнаты для куренiя четверемъ старшимъ классамъ¹⁾, разрѣшенiе кружковъ самообразованiя, ученикамъ разрѣшается самимъ составлять списки книгъ, которыя желательно приобрести въ библиотеки; послѣ всего этого ученики считаютъ нужнымъ прибавить: „сознавая, что никакихъ репрессивныхъ мѣръ въ нашей гимназiи предпринято не будетъ, мы, тѣмъ не менѣе, будемъ принуждены забастовать, если въ другихъ среднеучебныхъ заведенияхъ будутъ исключены наши товарищи за неблагонадежность“— Это въ VIII гимназiи, а въ XII гимназiи, гдѣ происходила сходка 9-го ноября, на которой присутствовало болѣе $\frac{2}{3}$ общаго числа всѣхъ учащихся старшихъ классовъ и потому рѣшенiя сходки считались обязательными—была вынесена „круговая порука“ съ тѣмъ,

¹⁾ Кстати здѣсь замѣчу, что по назначенiи меня Попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа на первомъ же Попечительскомъ Совѣтѣ (30 янв. 1908 г.) было постановлено уничтожить всѣ курительныя комнаты.

что на всякія репрессивныя мѣры противъ отдѣльныхъ товарищей за ихъ участіе въ сходкахъ и за ихъ убѣжденія, идущія въ разрѣзъ съ мѣрами правительства, они должны отвѣчать активнымъ протестомъ и забастовкою. Далѣе выработанъ былъ рядъ требованій, которыя старосты должны были предъявить на общемъ собраніи родителей. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) передать всю власть въ гимназіи Педагогическому Совѣту, 2) необходимы періодическія собранія родителей всѣхъ старшихъ классовъ вмѣстѣ, на которыхъ присутствуютъ старосты всѣхъ старшихъ классовъ, *которые пользуются такъ-же, какъ члены Педагогическаго Совѣта правомъ совѣщательнаго голоса*, 3) установленіе института старостъ въ четырехъ старшихъ классахъ, 4) принятіе въ гимназію учениковъ безъ различія вѣроисповѣданія и національности, 5) упраздненіе Института классныхъ наставниковъ въ четырехъ старшихъ классахъ, 6) сложить съ помощниковъ классныхъ наставниковъ обязанность слѣдить за порядкомъ въ четырехъ старшихъ классахъ и возложить эту обязанность на самихъ учащихся („Наша Жизнь“).

Въ одномъ изъ частныхъ мужскихъ училищъ на сходкахъ были вынесены слѣдующія резолюціи: „къ политической забастовкѣ не примыкать, но въ случаѣ приближенія демонстрантовъ другихъ гимназій съ требованіемъ забастовки, распускать учениковъ; офиціальнѣй актъ въ училищѣ отмѣнить, устроить его исключительно для учениковъ *и безъ гимна*, просить объ отводѣ комнаты для куренія. Выразить порицаніе депутатамъ Ларинской-гимназіи за распространеніе ложныхъ слуховъ (объ увольненіи учениковъ)“.

Вообще Ларинская гимназія совершенно открыто выражала свое полное сочувствіе освободительному движенію, не встрѣчая въ своемъ начальствѣ никакого противодѣйствія.

Ученики V, VI, VII и VIII кл. Ларинской гимназіи

въ числѣ 150 человекъ, собравшись на сходкѣ, постановили: „въ виду того, что царское правительство, желая вырвать изъ среднеучебныхъ заведеній лучшія революціонныя силы и тѣмъ ослабить освободительное движеніе въ средѣ учащихся, закрываетъ цѣлые классы и даже гимназіи, исключаетъ учениковъ, почему либо нежелательныхъ,—мы рѣшили забастовать до тѣхъ поръ, пока репрессіи не прекратятся, пока исключенные не будутъ приняты вновь и намъ не будутъ даны гарантіи, что впредь это не повторится. Призываемъ товарищей, сочувствующихъ освободительному движенію, примкнуть къ нашей забастовкѣ, призываемъ также Педагогическій Совѣтъ присоединиться къ нашему протесту. Гимназія должна быть открыта для сходокъ и рефератовъ, читальня тоже, несмотря на забастовку, должна функционировать („Сынъ Отечества“).

Для объединенія дѣйствій всѣхъ учащихся, принимавшихъ участіе въ освободительномъ движеніи, въ средѣ учениковъ средней школы въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, созданъ особый печатный органъ, выражающій пожеланія учащейся молодежи, сбитой съ толку тогдашнею смутною. Названъ былъ этотъ органъ „Голосъ среднеучебныхъ заведеній“.

Въ первой статьѣ органъ этотъ объясняетъ причину своего возникновенія и цѣль, имъ преслѣдуемую.

„Теперь, когда подъ дружнымъ натискомъ пролетарскихъ силъ сплоченныхъ единою, великою идеею социализма, рушится дряхлый полицейско-бюрократическій строй, средняя школа, стремясь къ скорѣйшему завоюванію благъ, могущихъ быть достигнутыми лишь путемъ коренной ломки подгнившихъ устоевъ аномальнаго режима, должна единодушно подняться и стать на стражу и защиту своихъ интересовъ“.

Цѣль этого изданія—„установленіе духовной связи между нынѣ разрозненной учащейся молодежью, раз-

витіе ея самосознанія и поддержка въ борьбѣ съ устарѣвшимъ школьнымъ порядкомъ“.

Характерно и вполне ясно выражаетъ свои *desideria* редакция этой газеты въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Привѣтствуя органъ передовой молодежи, выражаемъ пожеланіе усиленія въ дѣлѣ сплоченія силъ молодой гвардіи интеллигентнаго пролетаріата. Въ тѣсной, идейной и организаціонной связи съ партіей пролетаріата, будя мысль, воспламеняя сердца товарищей учащихъ, побуждая ихъ на борьбу подъ знаменемъ социализма, молодой органъ внесетъ свою немалую долю меду въ соты російской революціи“ („Новая Жизнь“ 16 ноября 1905 года)“.

Но не только одни ученики средней школы выражали нелѣпыя и революціонныя мысли и пожеланія на своихъ сходкахъ, свободно разрѣшаемыхъ ихъ совершенно растерявшимся начальствомъ, иногда весь Педагогическій Совѣтъ *in corpore* примыкалъ къ революціонному движенію, охватившему учениковъ. Такъ, напр. Педагогическій Совѣтъ гимназій челоѣколюбиваго общества созвалъ сходку воспитанниковъ и объявилъ имъ о введеніи въ гимназій автономіи. Ученики въ отвѣтъ на это заявленіе вынесли слѣдующую резолюцію: „Мы, *ученики* старшихъ классовъ, выражаемъ свое глубокое сочувствіе *товарищамъ-педагогамъ* за ихъ смѣлое и рѣшительное вступленіе въ борьбу со старымъ отживающимъ режимомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражаемъ увѣренность въ томъ, что *товарищи-педагоги* не остановятся на своемъ первомъ энергичномъ шагѣ и что мы рука объ руку съ ними пойдѣмъ вмѣстѣ въ борьбу за общее дѣло. Да здравствуетъ свободная школа!“ („Русь“ 29 ноября 1905 года).

И все это происходитъ въ одной изъ столичныхъ гимназій, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Попечителя учебнаго округа, его Помощника, пяти окружающихъ инспекторовъ и т. д.!!!

Мы уже видѣли, что и женскія гимназій не отстаивали отъ мужскихъ въ выраженіи нелѣпыхъ „требованій“.

Особенно отличалась въ этомъ отношеніи Покровская женская гимназія, въ которой Предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта въ то время былъ Н. И. Билибинъ, бывшій директоръ I Реального училища въ Петербургѣ и Вице-Директоръ Деп. Нар. Просвѣщенія.

Въ Екатеринославѣ (Одесск. уч. окр.) въ октябрѣ 1905 г. (я былъ назначенъ Попечителемъ въ январѣ 1906 года) ученики средней и *низшей* школъ, т. е. дѣти *въ возрастѣ отъ 8 лѣтъ* составили на сходкѣ слѣдующую полуграмотную резолюцію: „затхлая атмосфера всеросійской тюрьмы заставила и насъ, воспитанниковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній города Екатеринослава громко заявить о своихъ нуждахъ“.

Но какъ Педагогическіе Совѣты, такъ и центральное правительство не подаютъ никакой надежды на то, что они удовлетворятъ наши насущнѣйшія нужды. Это, какъ и общее положеніе дѣлъ въ Россіи, убѣждаетъ насъ въ томъ, что намъ нечего ждать удовлетворенія нашихъ требованій отъ современнаго правительства и отъ педагогическихъ совѣтовъ, которые въ громадной своей массѣ, являются приспѣшниками даже не теперешняго правительства, а сподвижниками Плеве и Трепова. Такимъ образомъ, удовлетвореніе нашихъ нуждъ тѣсно связано съ общеполитическимъ движеніемъ, охватившимъ Россію“.

„На нашемъ знамени не будетъ больше академическихъ требованій, только политическіе лозунги будутъ руководить нашимъ движеніемъ. Академическія же наши нужды мы будемъ, по мѣрѣ возможности, „удовлетворять революціоннымъ путемъ“. Въ виду всего этого мы постановляемъ: „1) Прекратить заба-

ставку съ 25 ноября 1905 года“. 2) Объявить единственнымъ нашимъ требованіемъ: созывъ учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. 3) Необходимыя наши нужды удовлетворять, по мѣрѣ возможности, революціоннымъ путемъ. 4) Координировать наши выступления на арену борьбы съ выступлениями другихъ революціонныхъ группъ“ („Слово“ 17 декабря 1905 года).

Прибавимъ, что мѣстная печать, конечно, отнеслась къ этому постановленію съ полнымъ сочувствіемъ.

Мы, кажется, привели достаточное число примѣровъ собиравшихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ ученическихъ сходовъ по различнымъ поводамъ, сходовъ, то разрѣшаемыхъ, то запрещаемыхъ непростительною слабостью тогдашняго начальства—директоровъ среднеучебныхъ заведеній, совершенно растерявшихся передъ внезапно нахлынувшей на нихъ оппозиціей со стороны учащихся. Оправданіемъ для нихъ можетъ служить лишь то обстоятельство, что со стороны своего вышшаго начальства—со стороны учебного округа и самого Министерства они не получали никакихъ директивовъ, никакихъ указаній, какъ имъ слѣдуетъ поступать. Предоставленные самимъ себѣ, большинство изъ нихъ, конечно, предпочло не портить своихъ отношеній съ родителями и учениками и вмѣстѣ съ тѣмъ заслужить одобреніе нашей почти сплошь фальшиво-либеральной прессы и такимъ образомъ избавиться отъ кучи непріятностей.

Конечно, все это вмѣстѣ взятое окончательно деморализировало нашу среднюю школу и довело ее до полного развала, отъ котораго она только въ самое послѣднее время стала поправляться; но считаю долгомъ здѣсь заявить, какъ администраторъ учебного вѣдомства, работавшій на отвѣтственныхъ постахъ Попечителя именно въ это революціонное время (съ

1906 по 1913 годъ), что нигдѣ я не нашелъ среднюю школу въ такомъ распущенномъ видѣ, какъ въ Петербургѣ.

Всѣ девятидесятыя годы (съ 1890—1900 г.) я служилъ въ Кіевѣ помощникомъ Попечителя и во все это время средняя школа не представляла ничего подобнаго распаду—Петербургской, которую я засталъ въ такомъ печальномъ видѣ въ декабрѣ 1907 года. Даже въ Одессѣ¹⁾, на что уже была революціонна тогдашняя Одесса, гдѣ я былъ Попечителемъ Одесскаго учебного округа съ января 1907 г. до декабря 1908 г.—я ничего подобнаго не нашелъ, хотя я и засталъ тамъ, напр., такъ называемый Совѣтъ 10-ти преподавателей, который помимо округа рѣшалъ безапелляціонно всѣ учебныя административныя дѣла, (тамъ мнѣ приходилось бороться съ лѣвыми профессорами Новороссійскаго Университета).

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ настоящаго изслѣдованія является отношеніе къ школѣ родителей учениковъ и не только у насъ въ Россіи, но и на западѣ. Для чего я уже давно собираю и собралъ необходимый матеріалъ и намѣренъ провѣрить его личнымъ изслѣдованіемъ этого вопроса на западѣ. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важенъ, что во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ безъ интерната, а такихъ громадное большинство въ Россіи, ученики являются въ учебныя заведенія только на учебныя часы (максимумъ на 5—6 часовъ), все же остальное время они находятся исключительно на попеченіи родителей, вліяніе которыхъ не можетъ вообще не быть значительнымъ на дѣтей. Такъ какъ отъ родителей въ Россіи въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, менѣе всего можно ожидать воспитательнаго вліянія

¹⁾ Къ положенію дѣлъ въ Одессѣ я еще перейду нѣсколько ниже.

на дѣтей, то и отъ отношенія родителей къ школѣ вообще будетъ въ значительной степени зависѣть и самое отношеніе учениковъ къ учебному заведенію, въ которомъ они воспитываются, отношеніе, которое сохранится у нихъ и далеко за предѣлами школы и даже иногда на всю жизнь.

Такимъ образомъ отъ безтактнаго или неосторожнаго отзыва родителей, сказаннаго при дѣтяхъ зависить очень многое, а извѣстно, какъ наши родители, нисколько не стѣняясь, болтаютъ обо всемъ при дѣтяхъ, ругаютъ и осуждаютъ всѣхъ и вся, и въ особенности правительство и всякія правительственныя учрежденія и распоряженія, и въ томъ числѣ, конечно и школу и ея режимъ. Все это, разумѣется, не можетъ не оказывать вліянія и на учениковъ, являющихся свидѣтелями этихъ пересудовъ. Мы увидимъ, какъ на западѣ, наоборотъ, школа является авторитетомъ для семьи, пользуется всеобщимъ уваженіемъ; какъ родители, сами прошедшіе черезъ ту же школу, гордятся тѣмъ, что состояли ея учениками и, конечно, въ свою очередь сумѣютъ возбудить къ ней должное уваженіе въ своихъ дѣтяхъ.

Извѣстно, что дѣти сами по себѣ всегда готовы осуждать школу и ея требованія, а тутъ они находятъ себѣ поддержку въ родителяхъ, авторитетно, безапелляционно осуждающихъ всякое школьное распоряженіе и готовыхъ всегда даже осмѣять его и во всякомъ случаѣ критиковать. Нетрудно себѣ представить, какъ все это деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ на молодое поколѣніе. Тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о совмѣстной работѣ семьи и школы, столь необходимой и желательной для послѣдней и являющейся у насъ, вслѣдствіе нашихъ мѣстныхъ условій, къ сожалѣнію, неосуществимою.

Интересно теперь прослѣдить, какъ родители нашихъ учениковъ относились ко всему тому хаосу,

который господствовалъ въ то время въ нашей средней школѣ.

Ихъ отношенія къ школѣ были очень различны. Часть изъ нихъ относилась совершенно безучастно, индифферентно; они недоумѣвали, зачѣмъ ихъ потребовали на родительскія собранія, спрашивали съ нетерпѣніемъ, когда ихъ отпустятъ, и даже уходили, не дождавшись конца засѣданія.

Другіе стояли за исключительно крутыя мѣры, за вводъ въ учебное заведеніе полиціи, сами держали себя вызывающе въ засѣданіяхъ, возбуждали болѣе спокойныхъ членовъ и всячески старались вводить буйный, неспокойный элементъ въ родительскіе комитеты.

Извѣстенъ, напр., такой фактъ, когда въ одномъ частномъ училищѣ происходило совѣщаніе родителей по вопросу объ отношеніи ихъ къ ученическимъ забастовкамъ. Присутствовали на этомъ совѣщаніи и старосты старшихъ классовъ. Одинъ изъ старостъ указывалъ на необходимость родителямъ поддержать сыновей въ борьбѣ съ современнымъ режимомъ средней школы; тогда одинъ изъ родителей, возмущенный крайнимъ направленіемъ мыслей этого ученика, бросился на него, съ цѣлью нанести ему ударъ, но былъ остановленъ присутствующимъ тутъ другимъ родителемъ, при чемъ одинъ изъ преподавателей получилъ ударъ въ грудь за свое стараніе водворить порядокъ.

Старосты немедленно скрылись и еще долго нельзя было водворить порядокъ въ собраніи („Петербург. Газета“ въ дек. 1905 г.).

Другая часть родителей, наоборотъ, въ весьма рѣзкой и грубой формѣ выражала совершенно недопустимыя мысли по отношенію къ какой-бы то ни было школѣ, функционирующей нормально во всякомъ благоустроенномъ государствѣ.

Одна изъ вынесенныхъ родителями резолюцій въ

Тенишевскомъ училищѣ гласила слѣдующее: „Наша средняя школа, созданная полицейско-бюрократическимъ государствомъ, въ цѣляхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ просвѣщеніемъ, обнаружила въ наше время всю свою несостоятельность. Все, что происходитъ въ стѣнахъ школы, говоритъ о полномъ ея разложеніи. Средней школы, какъ и высшей, теперь у насъ нѣтъ. Дѣйствія какъ центральныхъ органовъ управления, такъ и окружныхъ и школьнаго начальства ясно показали, что вывести школу изъ состоянія анархіи правительственные органы не могутъ.

„Только творческая сила народнаго представительства можетъ привести въ гармоническое сочетаніе всѣ силы страны: общество, органы мѣстнаго самоуправления и прогрессивное учительство—которые и дадутъ странѣ нормальную школу“.

„Современная школьная политика своимъ рутинерствомъ и упорствомъ въ отстаиваніи старой школы отъ требованій жизни, ведетъ школу къ полному разрушенію и толкаетъ учениковъ и ученицъ всѣхъ возрастовъ на мучительную борьбу, заставляя ихъ выходить на улицу и подвергая всякаго рода опасностямъ“.

„При такихъ условіяхъ каждый день можетъ грозить намъ ужасами, которые пережили многіе города Россіи. Нельзя допустить, чтобы продолжалось то, что есть, и потому мы настаиваемъ, чтобы руководящая роль въ переустройствѣ средней школы была предоставлена прогрессивнымъ общественнымъ силамъ, и чтобы лица, явно непонимающія задачъ школы въ настоящий моментъ, были устранены. Чтобы средней школѣ была предоставлена внутренняя автономія. Чтобы немедленно было призвано къ участию въ введеніи школьнаго дѣла русское общество, путемъ допущенія представителей родителей въ Педагогическій Совѣтъ, чтобы была теперь-же удовлетворена возникшая среди учащихся вполне законная потребность въ взаимномъ

сближеніи. Чтобы были разрѣшены корпораціи учащихся старшихъ классовъ (собранія учащихся и выборныхъ старостъ, пользующихся правомъ участія въ Педагогическихъ Совѣтахъ); чтобы были уничтожены всѣ ограниченія при приѣмѣ учениковъ и ученицъ—евреевъ,—въ цѣляхъ осуществленія указанныхъ требованій и зная упорство отживающаго строя въ отстаиваніи старыхъ формъ, мы приглашаемъ всѣхъ учащихся и родителей немедленно взять борьбу за школу въ свои руки и соединенными силами обезпечить ей лучшее будущее“ („Петербургская Газета“ 15 ноября 1905 года).

Какъ извѣстно, къ тому времени образовался „родительскій союзъ средней школы“, въ которомъ собрались всѣ участвующіе въ Родительскихъ Комитетахъ родители, въ той или другой формѣ выражающіе правительству протестъ противъ существующаго школьнаго строя. Этотъ союзъ еще 30 ноября 1904 года выпустилъ грозную, чисто революціонную резолюцію слѣдующаго содержанія.

„Министръ Народнаго Просвѣщенія разослалъ. Попечителямъ учебныхъ округовъ циркуляры о тѣхъ уступкахъ, какія Совѣтъ Министровъ призналъ возможнымъ сдѣлать на требованія, предъявленныя русскимъ обществомъ къ средней школѣ. Такимъ образомъ Правительство оказываетъ намъ „новое“ благодѣяніе „старымъ“ способомъ въ видѣ циркуляра, изложеннаго по примѣру тѣхъ прежнихъ циркуляровъ, такъ что каждое мѣстное начальство можетъ толковать его по своему усмотрѣнію. Напр., не допускаются въ школѣ такія явленія, какъ „ученическія организаціи съ притязаніями образованія власти учениковъ надъ учениками“ или „съ цѣлями предъявленія тѣхъ или другихъ требованій къ администраціи школы“—а какія ученическія организаціи допускаются, изъ циркуляра не видно. Между тѣмъ, участіе въ педагогическомъ Совѣтѣ съ

рѣшающимъ голосомъ уѣзднаго предводителя дворянства установлено вполнѣ точно.

„Наша средняя школа дошла до такой степени разложенія, что спасти ее можетъ лишь коренное преобразование, а не частичныя поправки къ существующимъ порядкамъ. Новая школа должна быть создана людьми (гражданами), а не циркулярами. Реформа школы должна быть дѣломъ всего русскаго общества, а не представителей отжившаго режима, и „союзъ“ считаетъ эту реформу возможной, лишь при условіи переустройства всего склада русской жизни, первымъ шагомъ къ чему является созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ“. („Русь“, 2 дек. 1905 г.).

Одновременно общее собраніе членовъ родительскаго союза средней школы собирается, чтобы выслушать докладъ С. А. Острогорскаго „О положеніи школы по частнымъ свѣдѣніямъ“ и постановляетъ, что выходъ изъ подобнаго положенія—единодушіе всѣхъ родителей, въ проведеніи тѣхъ необходимыхъ началъ реорганизаціи средней школы, которыя дѣйствительно могутъ дать плодотворные результаты.

„Прошла пора ждать, просить и даже требовать—теперь можно только дѣйствовать и дѣйствовать, проводя реформы *явочнымъ порядкомъ*“.

Чтеніе циркуляра Министра Народнаго Просвѣщенія было встрѣчено собраніемъ громкимъ смѣхомъ и т. д. Собраніе происходило въ залѣ VIII гимназіи („Русь“, 2 декабря 1905 года).

Но и среди родителей начинался расколъ. Часть изъ нихъ требовала для учениковъ, наоборотъ, усиленных репрессій, держанія ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ, уничтоженія Совѣта старостъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго шума рѣшено было отвергнуть, безъ обсуждения, предложенія родительскаго Комитета о разсмотрѣніи, между прочимъ, требованій по пунктамъ ученищъ Покровской женской гимназіи.

Результатомъ этого неожиданнаго постановленія было отчаяніе прогрессивныхъ преподавателей, восклицавшихъ: что мы будемъ теперь дѣлать? что мы скажемъ дѣтямъ? какъ теперь справимся съ тѣми волненіями, которыя неизбежно снова возникнутъ съ удвоенной силой? Рѣшено было, что „старосты не нужны“— („Молва“ 20 декабря 1905 года).

Результатомъ—страшный гамъ и шумъ. Тутъ важно отмѣтить, что въ дек. 1905 года и среди общества, среди, родителей учениковъ начинался расколъ, вызванный крайностями и эксцессами родительскихъ комитетовъ.

Такъ, напр., 27-ноября 1905 г. въ V гимназіи состоялось собраніе родителей, старшихъ классовъ по поводу назначенной сходки. Собраніе разбилось на двѣ части. Реакціонная часть родителей настаивала на недопустимости никакихъ сходовъ; она указывала на то, что даже въ университетѣ вредятъ сходки дѣлу. Сходкѣ удалось только *большинствомъ двухъ голосовъ* провести „желательность сходовъ“.

Постепенно, болѣе и болѣе проникаетъ въ самой родительской средѣ убѣжденіе, что необходимо положить конецъ всякимъ эксцессамъ и волненіямъ, совершеннымъ отбившимъ учениковъ средней школы отъ правильнаго ученія и водворившимъ въ учебныхъ заведеніяхъ за послѣднее время настоящій хаосъ.

Образовался небольшой кружокъ благонамѣренныхъ лицъ (въ томъ числѣ извѣстный профессор—астрономъ С.-Петербургскаго Университета С. П. Глазенапъ) который просилъ направлять къ нему всѣ заявленія сочувствующихъ этой благой мысли родителей.

Основные мотивы, которыми руководились родители этого кружка, были слѣдующіе:

„Родители ссылаются на циркуляръ Министра, запрещающій ненормальныя явленія, въ родѣ ученическихъ организацій съ притязаніями на власть учениковъ надъ учениками или предъявленій требованій къ

администрації школи. Они указываютъ на то, что преждевременныя занятія политикой и общественными вопросами несвойственны дѣтскому и юношескому возрасту: они мѣшаютъ правильному умственному, нравственному и физическому развитію учащихся“.

„Школа должна подготовить уравновѣшенныхъ и сильныхъ душей и тѣломъ гражданъ, занятія же активной политикой ослабляютъ молодой организмъ и въ особенности нервную систему юношей, вызываютъ отсталость въ ученіи и обрекаютъ человека на безсиліе въ будущей общественной дѣятельности въ зрѣломъ возрастѣ. Кромѣ того вовлекать молодыхъ людей въ политическую борьбу партій, когда они не достигли еще гражданской зрѣлости, крайне вредно въ воспитательномъ отношеніи, потому что это вселяетъ въ молодые души вражду и ненависть, заносчивость и неуваженіе къ родителям“.

Группа родителей, изболѣвшихъ душою за своихъ дѣтей, находитъ „современное положеніе школы въ высшей степени опаснымъ для всей будущности подростающаго поколѣнія. Благомыслящіе родители должны потребовать отъ учебныхъ заведеній и ихъ учебнаго персонала принять, вмѣстѣ съ семьей, мѣры къ прекращенію забастовокъ и безпорядковъ среди учащихся, устранить вредную агитацію среди дѣтей и возстановить нормальное теченіе школьной жизни“ и т. д.

Мы видимъ, насколько измѣнилось за это время настроеніе родителей. Они начинаютъ высказывать совершенно здравыя мысли, а школа начинаетъ вмѣсто врага находить въ нихъ опору и нравственную поддержку.

Заканчивая печальную повѣсть школьной разрухи Петербургскаго округа, считаю нелишнимъ привести примѣръ, ясно показывающій, что дѣло могло обстоять совершенно иначе.

Я имѣю въ виду мнѣніе одного изъ лучшихъ педагоговъ С.-Петербурга, къ сожалѣнію, уже покойнаго,—

бывшаго директора нѣмецкаго училища Св. Анны д. с. с. Т. Т. Кёнига.

Онъ сообщаетъ, что во всѣхъ 38 классахъ училища Св. Анны (всего 1670 учениковъ и ученицъ). занятія шли вполне правильно за весь первый семестръ (1905—1906 г.)—до Рождественскихъ каникулъ 1905 г.

Объясняетъ это явленіе директоръ Кёнигъ всею системою училища Св. Анны, главнымъ образомъ прекрасными установившимися отношеніями между директоромъ, преподавателями и учащимися. Необходимо здѣсь отмѣтить, что какъ только началось политическое движеніе въ среднихъ школахъ Петербурга, созвана была конференція и Педагогическій Совѣтъ постановилъ, что онъ не имѣетъ права вовлекать учениковъ въ это движеніе. Такимъ образомъ въ училищѣ св. Анны не могло быть и рѣчи о допущеніи ученическихъ организацій—о митингахъ, о выборѣ старостъ и т. д. Въ другихъ же (русскихъ) заведеніяхъ, гдѣ допускались эти организаціи, ученики составляли часть революціоннаго аппарата; они получали приказанія изъ „центрального революціоннаго комитета“. Ученики позволяли себѣ всякія дерзости по отношенію къ учителямъ и къ самому директору, чувствуя поддержку въ лицѣ союза родителей и самаго „союза союзовъ“ и въ лицѣ либеральной прессы, очень охотно печатающей всѣ нелѣпыя резолюціи, вынесенныя на ученическихъ сходкахъ; такимъ образомъ авторитетъ педагоговъ былъ сведенъ на нуль.

Громадною ошибкой Министерства въ эти годы было, что оно сдѣлало уступку подъ вліяніемъ требованій общественнаго мнѣнія.

Нужно къ этому еще прибавить, что ни одна изъ преподавателей училища св. Анны не принимала участія въ политическихъ забастовкахъ, а мы видимъ, къ сожалѣнію, совершенно другое въ русскихъ частныхъ и даже правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

По отношенію къ родительскимъ организаціямъ училище св. Анны также держало себя своеобразно.

Директоръ Кёнигъ, въ теченіе 22 лѣтъ своего директорства въ училищѣ св. Анны, всегда замѣнялъ Родительскія Собранія приѣмами родителей, на которыхъ онъ могъ гораздо основательнѣе узнавать все о каждомъ единичномъ ученикѣ, при чемъ онъ могъ гораздо лучше приноравливаться къ пониманію и развитію каждаго отдѣльнаго родителя.

По его мнѣнію, желательны были-бы собесѣдованія педагогическаго персонала съ родителями по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся ихъ дѣтей. Присутствіе же родителей на урокахъ и Педагогическихъ Совѣтахъ, директоръ Кёнигъ считаетъ для дѣла бесполезнымъ и прямо вреднымъ, функціи же старость—прямо безмысленными.

Вотъ взглядъ одного изъ самыхъ опытныхъ и серьезныхъ директоровъ громадной средней школы въ столицѣ, насчитывающей, какъ мы видѣли, болѣе 1600 учениковъ.

Одесскій уч. округъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, что происходило въ то-же время въ учебномъ мірѣ въ Одессѣ.

Мнѣ лично это время тѣмъ болѣе памятно, что я всѣ эти два года—1906 и 1907 годы служилъ въ Одессѣ, состоя Попечителемъ Одесскаго учебнаго округа и стоя такимъ образомъ во главѣ всего мѣстнаго учебнаго вѣдомства и направляя его въ самые революціонные годы, во время полного развала и совершеннѣйшаго хаоса, наступившаго въ послѣднее время управленія моего предшественника Х. П. Сольскаго, бывшаго Попечителемъ въ Одессѣ въ теченіе 23 лѣтъ.

Я вступилъ въ управленіе Одесскимъ учебнымъ округомъ 30 января 1906 года. Дѣятельности Х. П. Сольскаго я здѣсь касаться не буду, хотя долженъ сказать, что она—одна изъ причинъ той глубокой нравственной деморализаціи, въ которой находился Одесскій учебный округъ къ началу революціонной эпохи, къ концу 1905 года, когда, по словамъ одного педагога, „учебное дѣло, живое по существу, превращено было въ Одессѣ въ сухую рутину, убивавшую всякое умственное развитіе“, при боязливомъ, робкомъ отношеніи къ своему начальству всего педагогическаго персонала, для которыхъ Хр. П. Сольскій былъ настоящимъ пугаломъ, и при исключительно полицейскомъ отношеніи педагоговъ къ своимъ воспитанникамъ.

Къ этому прибавлю отъ себя, что меня болѣе всего поразило лицемерное, двуличное, не искреннее отношеніе, обнаруживаемое къ своимъ педагогическимъ обязанностямъ одесскими педагогами,—отношеніе, несомнѣнно, внушенное имъ мѣстнымъ высшимъ начальствомъ, и которое я встрѣчалъ почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа при своихъ объѣздахъ въ первое время моего попечительства. Чрезвычайно трудно бывало узнать истинное положеніе вещей; чаще всего получались неопредѣленные, двуличные отвѣты, въ особенности отъ ближайшихъ сотрудниковъ Хр. П. Сольскаго, какъ, напр., тогдашняго директора Ришельевской гимназіи въ Одессѣ Бѣлецкаго, имѣвшаго на попечителя громадное вліяніе, Пятницкаго, тогдашняго директора II гимназіи въ Одессѣ, Барзаковского, инспектора студентовъ и т. д.

Бѣлецкій былъ уволенъ послѣ моей ревизіи въ 1903 году, произведенной мною по порученію бывшаго Министра Т. С. Гр. Эд. Зенгера въ бытность мою еще членомъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія. Не нахожу возможности здѣсь входить въ раз-

смотрѣніе результатовъ весьма подробныхъ 2-хъ ревизій, произведенныхъ мною въ 1903 и 1904 году¹⁾. Эти ревизіи лучше всего освѣтили бы намъ, до какой глубокой деморализаціи палъ одесскій учебный округъ далеко еще до начала революціонныхъ дней въ Одессѣ и до бомбардировки „Потемкина“, которой, кстати сказать, я уже не засталъ въ Одессѣ, пріѣхавъ туда только въ январѣ 1906 года.

Передамъ здѣсь вкратцѣ о событіяхъ, предшествовавшихъ моему пріѣзду.

Въ Одессѣ полная забастовка средне-учебныхъ заведеній и даже отчасти низшихъ началась 14 октября 1905 г. и продолжалась до 12 января 1906 года безъ перерыва. Это можно объяснить прежде всего тѣмъ двуличнымъ отношеніемъ начальствующихъ лицъ къ педагогическому дѣлу, на которое я уже указывалъ, тѣмъ хаотическимъ состояніемъ школы, которое по системѣ Хр. П. Сольскаго выдавалось за „спокойное“, тѣмъ постояннымъ лозунгомъ, который господствовалъ въ педагогическомъ мірѣ въ Одессѣ въ то время — „по возможности все скрывать отъ начальства и представлять ему, что все обстоитъ благополучно“, о чемъ, конечно, немедленно доносилось въ Петербургъ. Заботились только о томъ, чтобы не возбуждать противъ себя общественное мнѣніе, родителей, прессу (въ Одессѣ, конечно, почти исключительно еврейскую).

При такомъ отношеніи къ дѣлу меньше всего можно было ожидать инициативы отъ округа, чтобы добиться правильныхъ занятій въ школахъ и соблюденія должной дисциплины среди учениковъ.

Упомяну здѣсь объ одномъ характерномъ случаѣ, бывшемъ со мною въ началѣ 1906 года и указывающемъ на то, что продолженіе забастовки совершенно зависѣло отъ начальства округа, которое всегда можетъ

¹⁾ Это повело бы насъ слишкомъ далеко и отвлекло бы насъ отъ интересующей насъ темы.

принять энергичныя мѣры и проявить должную инициативу и энергію.

Въ февралѣ 1906 года явился ко мнѣ директоръ Θεодосійскаго Учительскаго Института и доложилъ, что, къ сожалѣнію, нужно будетъ мириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ году выпуска изъ учительскаго Института не будетъ, кстати сказать, крайне нужнаго. На вопросъ мой почему, онъ отвѣтилъ, что воспитанники отказываются слушать лекціи, а воспитатели — ихъ читать и что съ этимъ ничего подѣлать нельзя. Тогда я его спросилъ: „а Вашему Превосходительству угодно будетъ продолжать все это время, несмотря на отсутствіе занятій, получать жалованье и пользоваться казенною квартирою?“ — „Конечно“, отвѣтилъ мой директоръ, „вѣдь я директоръ“. „Вотъ съ этимъ“, возразилъ я, „я никакъ не могу согласиться“. „Пли вы немедленно возвращаетесь въ Θεодосію, объявите отъ моего имени мое предложеніе немедленно приступить къ занятіямъ, а кто заниматься не желаетъ, пусть заявитъ это, и я о каждомъ изъ нихъ сообщу мѣстному Генераль-Губернатору, съ просьбою удалить его за предѣлы Θεодосіи, пли если вы не согласны на мое предложеніе, я немедленно телеграфирую Министру, представляя васъ къ увольненію“.

Директоръ, послѣ нѣкотораго колебанія, поѣхалъ въ Θεодосію и на слѣдующій день я получилъ отъ него телеграмму, что все благополучно и занятія правильно возобновились. А между тѣмъ, въ Θεодосіи были такъ увѣрены, что занятія надолго прекратились, что ко мнѣ являлись преподаватели и воспитатели института, прося о переводѣ въ другія учебныя заведенія, на что я всѣмъ отвѣчалъ, что никто другого мѣста не получитъ, пока я не убѣжусь, что онъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности въ Учительскомъ Институтѣ до конца. А воспитанники собрали своихъ

наставниковъ въ актовъ залѣ и выразили имъ свое неудовольствіе, заявивъ, что они готовы ихъ слушать и заниматься, а преподаватели только не хотятъ имъ читать.

Я остановился на этомъ случаѣ потому, что онъ характеренъ; такихъ случаевъ было, несомнѣнно, много въ Одесскомъ округѣ въ попечительство Хр. П. Сольскаго, но начальство не принимало никакихъ энергичныхъ мѣръ, чтобы прекратить забастовку въ учебныхъ заведеніяхъ, которая, такимъ образомъ, становилась обычнымъ явленіемъ.

Также и въ Одессѣ съ половины октября 1905 года начались постоянные митинги¹⁾, въ учебныхъ заведеніяхъ, на улицахъ воздвигались баррикады. Не разъ толпы рабочихъ, бастовавшихъ въ то время, евреевъ, куренистокъ, гимназистовъ и реалистовъ направлялись къ университету съ цѣлью участвовать на сходкахъ, ежедневно собиравшихся и всегда разрѣшаемыхъ въ то время университетскимъ начальствомъ; но тутъ у самого университета на различныхъ перекресткахъ ожидали демонстрантовъ казаки и жандармы; съ балконовъ и крышъ раздавались выстрѣлы, опрокидывались вагоны конно-желѣзной дороги, изъ которыхъ строились баррикады, оказывалось обыкновенно нѣсколько убитыхъ.

16 октября 1905 года вечеромъ того-же дня, когда происходила подобная свалка на улицахъ, въ университетѣ въ педагогическомъ отдѣлѣ филологическаго общества состоялось засѣданіе, подъ председательствомъ проф. Истрина (нынѣ академика), для обсуждения вопроса объ ученической забастовкѣ.

Многіе присутствовавшіе доказывали, что забастовка имѣетъ общественный, а не школьный характеръ; что вопросъ о школѣ можетъ быть рѣшенъ удо-

¹⁾ На которыхъ принимали участіе даже ученики приготовительнаго класса.

влетворительно только въ связи съ общимъ измѣненіемъ всего строя государства.

Присутствовавшая публика — родители выражали свое негодованіе противъ школы—тюрьмы, противъ мертвой науки, противъ учителей—чиновниковъ. Было принято предложеніе одного учителя просить Хр. П. Сольскаго освободить мѣсто Попечителя; это было выражено въ коллективномъ адресѣ за подписью родителей и педагоговъ. Относительно забастовки учениковъ рѣшено было послать телеграмму Министру (помимо округа) съ просьбою разрѣшить пріостановить ученіе на десять дней въ учебныхъ заведеніяхъ Одессы, съ цѣлью дать возможность ученикамъ успокоиться, а педагогическимъ совѣтамъ—обсудить положеніе дѣлъ.

Изъ Министерства отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало; округъ же, по обыкновенію, держалъ себя въ сторонѣ, да къ нему и перестали совершенно обращаться, видя его рутинное, вполне равнодушное, отношеніе къ важнѣйшимъ педагогическимъ вопросамъ.

Я долженъ здѣсь прибавить, что на первыхъ же порахъ я замѣтилъ, крайне удивившую меня, установившуюся въ Одессѣ привычку рѣшать, иногда даже весьма серьезныя дѣла, помимо округа. Все рѣшалъ, независимо отъ округа, вновь организованный союзъ учителей, изъ котораго впоследствии выдѣлился „союзъ десяти“ о которомъ я еще буду ниже говорить.

Ошеломляющее впечатлѣніе произвело на улицахъ Одессы появленіе 18-го октября 1905 г. Высочайшаго Манифеста.

Одинъ очевидецъ такъ описываетъ то, что происходило въ это время на улицахъ Одессы.

„Въ одинъ мигъ содержаніе манифеста облетѣло весь городъ и началось всенародное ликование. „Конституція дана! Ура! Да здравствуетъ свобода!“ Процессія

съ красными флагами и всевозможными эмблемами смѣнялись процессіями съ портретомъ Государя; національный гимнъ перебивалъ марсельезу или „варшавянку“; встрѣчные знакомые цѣловались другъ съ другомъ, поздравляя другъ друга съ днемъ освобожденія; на площадяхъ раздавались рѣчи ораторовъ.

Въ городской думѣ немедленно составилъ „комитетъ при городскомъ головѣ“ изъ представителей союзовъ и корпорацій. Распространился слухъ, что градоначальникъ передалъ власть этому комитету; полиція была убрана; вмѣсто нея, говорили, будетъ организована городская милиція. Ректоръ Занчевскій объѣздилъ всѣ полицейскіе участки, съ цѣлью освободить заключенныхъ.

Возникали постоянно новые союзы явочнымъ порядкомъ, никѣмъ не утвержденные.

Съ другой стороны въ октябрѣ-же произошелъ еврейскій погромъ въ Одессѣ, (говорятъ, убитыхъ оказалось болѣе 600 человекъ).

Конечно, все это не способствовало успокоенію. Митинги тѣмъ временемъ дѣлали свое дѣло.

Они взялись разъяснять манифестъ 17 октября и дѣлать изъ него выводы въ духѣ той или другой политической партіи. Митинги эти нашли себѣ гостепріимный пріемъ въ стѣнахъ „автономнаго“ университета ¹⁾ На нихъ собирались всѣ: взрослые и малые, мужчины и женщины, гимназисты, слушательницы различныхъ курсовъ, даже пригостишки, рабочіе, служащіе, штатскіе и военные. Вся эта молодежь—студенты, гимназисты и курсистки проводили дни и ночи на этихъ митингахъ; можно себѣ представить, къ чему вела эта совместная жизнь при разнузданныхъ нравахъ южной, экспансивной, еврейской молодежи. И дѣйствительно, разгулъ былъ полный.

¹⁾ Въ университетѣ открыто вывѣшены были объявленія, что университетъ открытъ не для занятій, а для митинговъ.

Тѣмъ временемъ университетомъ управляла коммиссія изъ выборныхъ профессоровъ, при постоянномъ вмѣшательствѣ „Коалиціоннаго Совѣта студентовъ“, представителей исключительно лѣвыхъ партій студенчества. Этотъ совѣтъ имѣлъ громадное вліяніе и на среднія учебныя заведенія Одессы, и на продолженіе забастовокъ.

Такъ, собравшись 14 и 15 октября на общеученическую сходку въ университетѣ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ учениковъ и ученицъ женскихъ гимназій забастовщики или „обструкціонисты“, при содѣйствіи нѣсколькихъ членовъ студенческаго *коалиціоннаго Комитета*, выбрали почти отъ cadaго учебного заведенія депутатовъ въ „обструкціонный комитетъ“ составившійся изъ 42—48 человекъ, который тогда же выдѣлилъ изъ себя „исполнительную коммиссію“ въ числѣ 8 членовъ. Комитетъ выработалъ программу общихъ ультимативныхъ требованій, до удовлетворенія которыхъ школьной коммиссіей, ни одно изъ учебныхъ заведеній, не могло (*не смѣло*) начать учебныхъ занятій. *Исполнительная же коммиссія* должна была строго слѣдить за выполненіемъ этого правила и противодействовать всѣми средствами всякой попыткѣ прервать забастовку.

Все это было напечатано въ мѣстныхъ газетахъ и никто изъ начальствующихъ лицъ округа не рѣшался поступить вопреки постановленію *обструкціоннаго комитета*. Вотъ что я засталъ въ январѣ 1906 года.

Послѣ-же 17 октября *обструкціонный комитетъ* заявилъ: „Для рѣшенія вопроса о томъ, должна-ли забастовка продолжаться дальше и какой она должна носить характеръ, необходимо снова созвать сходку учащихся, которая *одна и можетъ* рѣшать подобнаго рода вопросы. По этому *обструкціонный комитетъ* и обращается къ товарищамъ, заявивъ сначала, что до сходки учащихся онъ будетъ проводить забастовку

всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами; онъ обращается къ родителямъ учениковъ, ко всему педагогическому персоналу съ предложеніемъ не начинать занятій до этой общеученической сходки, о днѣ созыва которой будетъ объявлено особо“.

Замѣчательно, что участвующие въ этомъ комитетѣ педагоги не думали скрывать отъ своего начальства свое участіе въ немъ, а напротивъ, пользовались за это еще его расположеніемъ.

Вообще нужно сказать, что начальство все это тревожное и революціонное время блистало своимъ отсутствіемъ, и дѣйствительно, директора были въ это трудное время предоставлены самимъ себѣ, не получая никакихъ директивъ отъ своего окружного начальства.

Кончилось дѣло тѣмъ, что Хр. П. Сольскій, который давно уже не выходилъ изъ дома, опасаясь все усиливающейся противъ него ненависти учащихся и учащихся, воспользовался наконецъ давно имѣвшимся у него отпускомъ, выѣхалъ изъ Одессы, передавъ управленіе округомъ окружному Инспектору Соловьеву, человѣку весьма слабому, извѣстному своимъ знаменитымъ циркуляромъ въ дек. 1905 г., въ которомъ онъ обращается къ воспитанникамъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній Одессы и проситъ ихъ возобновить занятія, послѣ продолжительной забастовки въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Теперь всѣ ваши „требованія“ исполнены, пріятствій больше не встрѣчается къ возобновленію занятій. „Требованіями“ здѣсь названы всѣ нелѣпыя домогательства учащейся Одесской молодежи о сходкахъ, о старостахъ и т. д.

Хр. П. Сольскій уѣхалъ, ставленники его всѣ остались, и это междоусобице продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, съ ноября 1905 г. до конца января 1906 г.

Общій ропотъ и недовольство усиливались; общественное мнѣніе требовало коренной реформы, въ духѣ

обновленнаго государственнаго строя. Университетъ все болѣе и болѣе выходилъ изъ подъ опеки округа, и пользуясь невѣрно понятой широкой автономіей, пересталъ даже совершенно обращаться къ Попечителю, въ случаѣ даже самыхъ серьезныхъ вопросовъ.

Въ средней школѣ или бастовали ученики, или собирались для сходовъ; въ городскихъ школахъ дѣйствовали учителя и учительницы самаго лѣваго направленія, посаженные туда тогдашнимъ крайне радикальнымъ составомъ городского самоуправления съ городскимъ головою во главѣ.

Вотъ въ это-то сумбурное время возникла у крайнихъ лѣвыхъ педагоговъ мысль воспользоваться моментомъ, чтобы учредить свое, независимое отъ округа, учебное управленіе, которое вѣдало бы всѣми дѣлами округа и рѣшало ихъ самостоятельно и безапелляционно.

На первое засѣданіе, назначенное на 29 октября 1905 года, собралось до 300 человѣкъ. Замѣчательно, что тутъ присутствовали и почти всѣ начальники заведеній, которые и занялись выборами десяти человѣкъ изъ общаго количества для управленія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ округа ¹⁾.

Этотъ выбранный „Советъ десяти“ былъ уполномоченъ войти въ сношеніе съ обструкціоннымъ комитетомъ, чтобы познакомиться съ его требованіями и слѣдовать его указаніямъ. Изъ этого можно заключить, какое можно было ожидать направленіе учебнаго дѣла отъ подобнаго самозваннаго совѣта.

И все это совершалось въ Одессѣ съ вѣдома Министерства въ Петербургѣ ²⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ, директора казенныхъ учебныхъ заведеній выбирали своихъ подчиненныхъ преподавателей, которые и становились ихъ начальниками; положеніе, конечно, совершенно нелѣпое.

²⁾ Я не могу допустить, чтобы въ Министерствѣ этого не знали. По крайней мѣрѣ, я изъ Одессы за свое время постоянно доносилъ о всемъ официально и въ частныхъ письмахъ г-ну Министру.

Прежде всего „Совѣтъ десяти“ позаботился объ открытіи по возможности большаго количества „родительскихъ комитетовъ“ явочнымъ порядкомъ.

Впрочемъ, нужно сказать, что въ Министерство Гр. И. И. Толстого председатели Родительскихъ комитетовъ вошли въ составъ Педагогическихъ Совѣтовъ съ правомъ голоса и это было удостоено Высочайшаго утвержденія 13 ноября 1905 года.

Предварительно это предложеніе прошло черезъ Совѣтъ Министровъ, который въ то время стоялъ за „Родительскіе комитеты“.

„Совѣтъ десяти“ долженъ былъ координировать всѣ свои постановленія съ рѣшеніями обструкціоннаго комитета. Послѣдній выработалъ вмѣстѣ съ большинствомъ родителей слѣдующія реформы, немедленное введеніе которыхъ было признано необходимымъ для возстановленія правильной жизни въ распатанной школѣ.

1) Уничтоженіе внѣшкольнаго надзора. Родители свободно выбираютъ квартиры для дѣтей, свободное посѣщеніе читаленъ учениками, библиотекъ, театровъ, отмѣны обязательнаго посѣщенія церкви и ношенія формы, уничтоженіе института классныхъ наставниковъ.

2) Старшимъ классамъ разрѣшается устраивать кружки для самообразованія подъ руководствомъ особо назначенныхъ руководителей, (Можно себѣ представить, какое это будетъ руководство)! Собранія эти происходятъ въ внѣурочное время. Лекторами могутъ быть посторонніе учебному заведенію педагоги и общественные дѣятели; приглашаются ученики и изъ другихъ заведеній.

3) Уничтоженіе кондуитовъ и позорныхъ наказаній для учениковъ.

4) Предоставляется право ученикамъ давать объясненія непосредственно Педагогическимъ Совѣтамъ въ

тѣхъ случаяхъ, когда обсуждаются ихъ проступки, влекушіе за собою серьезную отвѣтственность.

5) Функціонированіе суда чести.

6) Учащіе и учащіяся, принимавшіе участіе въ освободительномъ движеніи, не должны за это пострадать.

Что же другое и ждать было отъ обструкціоннаго комитета!

Вотъ что хотѣлъ на первыхъ-же порахъ, между прочимъ, провести въ жизнь средней школы „Совѣтъ десяти“. Но это ему не удалось.

Уже въ февралѣ 1906 года онъ пересталъ существовать, такъ какъ, пріѣхавъ въ концѣ января 1906 года въ Одессу, я въ первый же разъ, когда делегаты отъ „Совѣта десяти“ явились ко мнѣ, отказался ихъ принять, а за симъ велѣлъ написать офиціальную бумагу, что я не считаю возможнымъ офиціально съ ними сноситься, такъ какъ самъ „Совѣтъ десяти“ никакой властью не легализованъ и возникъ только явочнымъ порядкомъ.

Послѣ этого мнѣ пришлось немедленно-же раскассировать весь его составъ, переведя его членовъ въ провинціальныя города съ пониженіемъ. Такимъ образомъ, я очень легко и скоро избавился отъ этого совершенно недопустимаго и бессмысленнаго учрежденія, самое появленіе котораго возможно было только въ переживаемое нами тогда сумбурное время.

Между тѣмъ, весь конецъ декабря 1905 года проходилъ безъ занятій, учебныя заведенія продолжали бастовать, что и заставило тогдашняго генералъ-губернатора генерала Карангозова принять, наконецъ, рѣшительныя мѣры.

Еще до моего назначенія имъ было издано обязательное постановленіе о томъ, чтобы „во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Одессы учебныя занятія возобновились бы 12-января 1906 года, съ тѣмъ что если кто изъ

учащихся не явится въ этотъ день на занятія, тотъ будетъ удаленъ изъ учебнаго заведенія и высланъ вмѣстѣ съ семьей изъ Одессы“.

Большинство родителей были очень довольны этимъ распоряженіемъ, прекращающимъ, наконецъ, бессмысленную и безтолковую забастовку, столь долго продолжавшуюся и вѣзмъ порядочно надѣвшую. Вмѣстѣ съ этимъ генераль Карангозовъ прекратилъ и дѣятельность всякихъ комиссій и педагогическихъ союзовъ, которые чуть-ли не ежедневно возникали „явочнымъ порядкомъ“.

Когда 30 января 1906 года я вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей попечителя Одесскаго учебнаго округа, то на первыхъ-же порахъ мнѣ пришлось прежде всего слѣдить за аккуратнымъ посѣщеніемъ учениками уроковъ въ учебныхъ заведеніяхъ. такъ какъ абсентеизмъ учениковъ сдѣлался обычнымъ явленіемъ и это никого не удивляло и не заставляло начальство принимать какихъ нибудь мѣръ къ борьбѣ съ все возрастающимъ зломъ. Пришлось издавать въ этомъ смыслѣ циркуляры, требовать представленія списковъ учениковъ, манкирующихъ уроками.

Очень скоро эти мѣропріятія возымѣли свое дѣйствіе.

До этихъ циркуляровъ во всякое время можно было встрѣчать на Николаевскомъ бульварѣ и на главныхъ улицахъ Одессы—на Дерибассовской, Екатерининской, Ришельевской и др.—гимназистовъ и реалистовъ, гуляющихъ съ гимназистками, даже въ урочное время. Это недопустимое явленіе очень скоро прекратилось, и родители постоянно благодарили меня, вполне сознавая весь вредъ для ихъ дѣтей прежняго безцѣльнаго шатанія по улицамъ; отъ директоровъ-же сталъ я получать вѣдомости, свидѣтельствующія о томъ, что процентъ манкирующихъ уроками значительно сократился.

Нужно сказать, что въ началѣ я засталъ большой абсентеизмъ и въ средѣ преподавателей.

Съ цѣлью ближе познакомиться съ директорами, я, кромѣ Попечительскихъ Совѣтовъ (официальныхъ), сталъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ собирать ихъ у себя для обсужденія текущихъ педагогическихъ вопросовъ округа, а съ преподавателями я знакомился на засѣданіяхъ педагогическаго общества, гдѣ всесторонне разбирались болѣе общіе вопросы. Пренія бывали очень оживленныя и носили непринужденный характеръ. Я могъ такимъ образомъ ближе съ ними сойтись, ближе ихъ узнать, что для меня было очень важно, въ особенности въ это трудное время, при чемъ я главнымъ образомъ старался искоренить въ нихъ ту замѣченную мною двуличность, о которой я упомянулъ выше и къ которой они привыкли въ попечительство Сольскаго.

По вопросу о директорскихъ совѣщаніяхъ не могу кстати удержаться здѣсь, чтобы не высказать своего взгляда на отношенія округа къ директорамъ и преподавательскому составу вообще.

Пока я былъ попечителемъ, какъ въ Одессѣ, такъ и въ Петербургѣ, я всегда старался поддержать самыя близкія и непосредственныя отношенія съ своими директорами, пріучая ихъ довѣрчиво относиться ко мнѣ и требуя отъ нихъ, чтобы они ничего отъ меня не скрывали и шли ко мнѣ за совѣтомъ и указаніями, будучи увѣрены, что я всегда готовъ оказать имъ нужное содѣйствіе, имѣя въ виду прежде всего пользу ввѣреннаго имъ учебнаго заведенія.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, я всегда считалъ, что чѣмъ ближе я съ ними познакомлюсь, тѣмъ будетъ лучше для дѣла. А съ этой цѣлью доступность моя, возможность всегда меня видѣть и доложить о дѣлѣ и попросить нужныхъ указаній являлась необходимымъ условіемъ успѣха.

Что же касается отношенія округа къ родителямъ

я всегда считалъ, что очень многое могло-бы и должно было бы быть разъяснено имъ округомъ и съ этою цѣлью у меня постоянно бывали приемы родителей по три раза въ недѣлю.

Если бы этотъ взглядъ раздѣлялся и другими попечителями, тогда бы и интересующій насъ въ данное время вопросъ „отношенія семьи къ школѣ“ принялъ бы у насъ въ Россіи совершенно другую форму.

Въ бесѣдахъ моихъ съ родителями я всегда старался понять, ихъ точку зрѣнія, помня правило, что не они для меня существуютъ, а я для нихъ; съ цѣлью понять, что имъ нужно, старался терпѣливо выслушать ихъ и выслушавъ, выяснитъ имъ настоящее положеніе вещей, чтобы они видѣли, что я имѣю въ виду пользу ихъ дѣтей, но, конечно, не могу не сообразоваться съ существующими законоположеніями. И долженъ я сказать, что въ большинствѣ случаевъ родители, понявъ въ чемъ дѣло и убѣдившись въ томъ, что округъ имъ зла не желаетъ, сознательно подчинялись его рѣшеніямъ, такъ что и здѣсь я лишній разъ убѣждался, что въ конфликтахъ между семьей и школой много по крайней мѣрѣ зависитъ отъ отношенія учебнаго начальства къ родителямъ, отъ того, какъ оно себя къ нему поставитъ, значить, и отношенія вообще школы къ семьѣ также во многихъ отношеніяхъ этимъ регулируются.

Приходилось мнѣ также неоднократно лично посѣщать то или другое учебное заведеніе, съ цѣлью водворять въ нихъ порядокъ, въ случаѣ яено выражаемаго иногда неудовольствія учениками слишкомъ строгимъ, по ихъ мнѣнію, отношеніемъ къ нимъ со стороны отдѣльных преподавателей.

Такой случай былъ со мною, напр., въ III Одесской гимназіи, когда я долженъ былъ вмѣшаться, чтобы поддержать авторитетъ преподавателя словесности Флерова въ VI классѣ. Одесская либеральная пресса сообщила, что меня освистали ученики.

Гораздо серьезнѣе былъ случай однодневной забастовки, почти во всѣхъ Одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ, по случаю выраженія протеста противъ казни лейтенанта Шмидта въ Севастополѣ. Случай этотъ былъ скоро ликвидированъ перепискою съ генералъ-губернаторомъ.

Въ томъ же 1906 году 1-го мая попытка къ забастовкѣ не удалась, вслѣдствіе того, что начались уже экзамены, а потому забастовщикамъ не удалось обратиться эту забастовку въ общую, и я, предупрежденный во время, принялъ энергичныя мѣры къ ея прекращенію.

Долженъ, впрочемъ, прибавить, что я во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, клонящихся къ прекращенію забастовокъ энергичными мѣрами, всегда встрѣчалъ сильное противодѣйствіе со стороны извѣстной партіи въ Одессѣ, которая находила себѣ въ то время сильную поддержку въ сочувствіи I-ой Государственной Думы.

Кромѣ того, вѣчно приходилось бороться съ внѣшкольнымъ чтеніемъ, на которое мой предшественникъ повидимому не обращалъ никакого вниманія.

Даже воспитанники III класса набрасывались на запрещенныя брошюры политическаго содержанія, старшіе-же классы посѣщали всевозможные рефераты, митинги, кинематографы, приносили съ собою въ классъ револьверы и упражнялись въ стрѣльбѣ во дворѣ и въ саду во время перемѣнъ.

И при этомъ мнѣ приходилось воевать гораздо больше съ начальствомъ учебныхъ заведеній, чѣмъ съ самими учениками, такъ какъ каждый почти директоръ, по установившейся традиціи со временъ Сольскаго, заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы скрыть все, что можно только отъ округа, а вовсе не о томъ, чтобы водворить порядокъ въ самомъ заведеніи и приучить учениковъ къ дисциплинѣ.

Но бывали и трагическіе случаи.

Припоминаю, напр., случай въ Симферопольскомъ реальномъ училищѣ.

На выпускномъ экзаменѣ изъ математики, ученикъ, получившій двойку, подошелъ къ учителю экзаменатору и тутъ же нанесъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ, засимъ выбѣжалъ въ корридоръ и покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ браунинга.

Экзаменъ былъ прерванъ; директоръ до того растерялся, что даже не вышелъ къ несчастному самоубійцѣ, который продолжалъ лежать въ корридорѣ. Онъ удалился къ себѣ и заперся въ квартирѣ, опасаясь ученическихъ волненій.

Когда онъ ко мнѣ явился въ Одессу, я прежде всего спросилъ его, какъ могъ онъ покинуть свое заведеніе въ такую минуту (не говоря уже объ описанномъ случаѣ, директоръ состоялъ по своей должности председателемъ экзаменаціонной комисіи выпускныхъ экзаменовъ). Директоръ отвѣтилъ мнѣ, что онъ боялся вернуться въ Симферополь, боялся учениковъ, которые могутъ покончить съ нимъ. Тогда я тутъ же сдѣлалъ представленіе г-ну Министру П. М. фонъ-Кауфману о его увольненіи, а въ Симферополь немедленно послалъ окружнаго Инспектора Н. А. Каминскаго, для продолженія выпускныхъ экзаменовъ. Черезъ нѣкоторое время я назначилъ туда молодого, выдающагося педагога директоромъ, прямо изъ преподавателей и онъ оказался у меня однимъ изъ лучшихъ директоровъ. Въ настоящее время онъ состоитъ директоромъ Рихельевской гимназіи въ Одессѣ.

На ходатайство же бывшаго директора Симферопольскаго реального училища предоставить ему другое мѣсто директора, я ему категорически отказалъ, считая его совершенно неспособнымъ для такой должности, послѣ описаннаго инцидента, приравнивая, какъ я ему говорилъ, его поступокъ къ бѣгству капитана съ вѣреннаго ему корабля во время битвы.

Черезъ очень короткое время послѣ моего назначенія въ Одессу, я убѣдился въ томъ, что курсъ, взятый мною, сдѣлался ненавистенъ одесской еврейской интеллигенціи, нашедшей свое полное выраженіе въ мѣстной прессѣ, выдержки которой, приводимыя мною здѣсь ниже, лучше всего указываютъ на это.

Вотъ, напр., одна такая выдержка:

„Отъ пробужденныхъ надеждъ и широкихъ плановъ, пройдя черезъ „революціонную“ борьбу за освобожденіе школы, учащіяся, а за ними и педагоги съ родителями готовы были выйти дружно на работу въ обновленной школѣ; но они должны были уступить силѣ и въ концѣ концовъ, послѣ роспуска Государственной Думы услышать, что бюрократія еще надѣется сама „обновить и возродить“ школу. Не только весь прежній режимъ, но даже всѣ прежніе, выросшіе и проникнутые бюрократическимъ духомъ исполнительные органы этого режима (намекъ. вѣроятно на меня), опять признаны пригодными для введенія „коренныхъ реформъ“, которыя должны создать новый духъ школы, новое направленіе въ ней, сблизить ее съ семьей и съ жизнью, вернуть ей должное уваженіе“. „Неужели это не лицемеріе“?

Или еще: „Прежде всего слѣдуетъ признать нелепымъ всю важность переживаемаго нашей родиной „освободительнаго движенія“, а не только фактъ этого движенія, но и его законную необходимость, равно какъ и органическую связь общественнаго движенія, съ движеніемъ школьнымъ. Взглядъ Министерства на роль семьи особенно отличается узкостью и односторонностью. Не давая семьѣ никакихъ правъ, оно требуетъ отъ семьи прежде всего „содѣйствія“ школьной администраціи, особенно когда послѣдняя чувствуетъ себя въ затруднительномъ положеніи, а общество съ своей стороны убѣждено, что жизнь школы только и получитъ нормальное теченіе, когда изъ нея будетъ изгнанъ

бюрократическій духъ и когда она будетъ подчинена всецѣло общественному контролю. При такомъ коренномъ разногласіи во взглядахъ на взаимныя отношенія, трудно рассчитывать на добрыя взаимныя услуги. Вотъ почему общество, не менѣе учащихся, потеряло вѣру въ возрожденіе школы старыми средствами, при сохраненіи всего стараго режима. Оно имѣло достаточно времени убѣдиться, что „реформы“, вводимыя Министерствомъ,—не что иное, какъ эксперименты отсталаго врача надъ больнымъ ребенкомъ, или еще хуже—вынужденное противъ желанія средство для успокоенія родныхъ больного; ждать спасенія отъ такого врача было-бы въ высшей степени неблагоприятно. И мы убѣждены, что наша больная,—школа, пока въ ней будутъ преобладать люди старой закваски и старыхъ традицій, будетъ не жить, а тянуть свое жалкое существованіе. Можетъ быть, серьезныхъ безпорядковъ въ школѣ и не будетъ, и учащіеся будутъ ходить въ классы согласно росписанію; будетъ продѣлываться все, что требуется для отчета передъ родителями и окружнымъ начальствомъ (выставленіе отѣтокъ); но духовной жизни въ школѣ не будетъ, не будетъ ея нравственнаго вліянія на молодежь, не будетъ расположенія и довѣрія къ ней со стороны семьи. Работать, читать и развиваться молодежь будетъ по прежнему на сторонѣ, подъ руководствомъ тѣхъ „общественныхъ дѣятелей“, которые понимаютъ потребность времени и запросы молодежи“.

Долженъ здѣсь замѣтить, что дѣйствительно, за все время моего попечительства въ Одессѣ мнѣ приходилось имѣть дѣло съ постоянными попытками открывать курсы по всевозможнымъ предметамъ, часто даже недоступнымъ, по своей отвлеченности, пониманію своихъ слушателей—воспитанниковъ средней школы, какъ-то: политическая экономія, вопросы о государственномъ устройствѣ, о политическихъ партіяхъ, объ аграрномъ вопросѣ и т. д.

Конечно, лекцій на послѣднія темы я не разрѣшалъ и тѣмъ еще болѣе раздражалъ противъ себя интеллигентные круги Одессы, а съ ними вмѣстѣ и либеральную прессу.

Однимъ словомъ, мнѣ предстояло все время бороться съ стремленіемъ интеллигенціи создать „автономную“ среднюю школу, при чемъ „автономія“ понималась совершенно неправильно, въ смыслѣ отсутствія всякаго наблюденія, руководства и контроля со стороны округа съ замѣною этой зависимости отъ округа безконтрольнымъ управленіемъ средней школой земства и общественныхъ силъ.

Вотъ къ чему стремилась одесская интеллигенція, вступивъ со мною въ ожесточенную борьбу. Само собою разумѣется, что стремленіе превратить среднюю школу въ автономную, независимую отъ округа, является величайшимъ абсурдомъ тогдашняго сумбурнаго времени, съ которымъ ни я, ни Министерство никогда не могли согласиться.

Но какъ извѣстно, это стремленіе было въ то время повсемѣстнымъ въ Россіи. Главное-же мое вниманіе въ Одессѣ, какъ я уже упомянулъ выше, было сосредоточено на борьбѣ съ „автономнымъ“ Новороссійскимъ университетомъ, борьбѣ, окончившейся увольненіемъ, съ отстраненіемъ отъ должности и съ преданіемъ суду сената бывшаго ректора И. М. Занчевскаго и проректора Васьковскаго, и созданіемъ въ Новороссійскомъ университетѣ сильной партіи правыхъ профессоровъ, просуществовавшей въ немъ и до сихъ поръ, но объ этомъ не считаю себя въ правѣ говорить въ настоящемъ изслѣдованіи.

ГЛАВА IV.

Различные эксцессы въ учебныхъ заведеніяхъ въ провинціи, какъ слѣдствіе нерѣшительности высшей школьной администраціи и уступокъ правительства. Повсемѣстный кризисъ школы.

Мы видѣли, какъ правительство въ 1905 и 1906 годахъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и либеральной прессы, постепенно выпускало власть изъ своихъ рукъ и шло на уступки, которыя понемногу измѣнили весь строй нашей средней школы и самымъ пагубнымъ образомъ отразились на учебныхъ занятіяхъ и на учебнической дисциплинѣ, и такимъ образомъ постепенно подготовило полное крушеніе школы.

Интересно познакомиться ближе съ тѣмъ, до чего доходили эти эксцессы въ школѣ „въ освободительные годы“, въ „дни свободъ“, всюду, въ особенности-же въ провинціи, на всемъ громадномъ пространствѣ Россійской имперіи, какъ въ казенной школѣ, такъ и въ частной и земской.

Если въ Петербургѣ школьная анархія доходила до крайнихъ безобразій—примѣромъ чего можетъ служить митингъ 14 ноября 1905-го года въ Тенишевскомъ училищѣ, устроенный „соединеннымъ бюро союзъ педагоговъ и родителей учащихся въ среднихъ школахъ“, гдѣ цѣлый рядъ ораторовъ, извѣстныхъ педагоговъ, какъ напр., тогдашній, директоръ Тенишевскаго училища, Острогорскій, Гердъ, нынѣшній предсѣдатель женской гимназіи М. Н. Стоюниной, краснорѣчиво убѣждали свою многочисленную ауди-

торію, въ томъ что „современная средняя школа, созданная полицейско-бюрократическимъ государствомъ, калѣчитъ и уродуетъ молодую жизнь, преслѣдуя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ просвѣщеніемъ“,—если до такихъ нелѣпостей доходила школьная анархія въ столицѣ, то не менѣе безотрадную картину встрѣтимъ и въ провинціи ¹⁾.

Примѣровъ этихъ аномальностей можно привести безчисленное количество.

Такъ, въ **Саратовѣ** (Каз. окр.) въ концѣ ноября 1905 года состоялся митингъ учащихся, съ разрѣшенія начальства, въ числѣ болѣе 1000 человекъ. Постановлено было продолжать забастовку всѣхъ учебныхъ заведеній города Саратова до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены требованія, предъявляемыя учащимися. Большинство бастующихъ рѣшило *бороться съ академистами* и устроить лекціи для пополненія знанія.

Въ **Калишѣ** (Варш. окр.) русскій реалистъ за нежеланіе подчиниться забастовкѣ былъ *облитъ стѣнной кислотой*.

Въ **Московской практической академіи Коммерческихъ наукъ** для урегулированія отношеній между учащими и учащимися делегаты отъ послѣднихъ были приглашены въ засѣданіе Педагогическаго Совѣта. Между присутствующими возникли разногласія, результатомъ чего, по постановленію (единогласному) совѣта, Академія 28 ноября была закрыта. Мѣстный Комитетъ учащихся по этому поводу помѣстилъ въ газетахъ свой протестъ противъ произвола директора проф. Алексѣева, закрывшаго Академію, доводя объ этомъ до свѣдѣнія общественнаго мнѣнія.

Въ **IV Московской гимназіи** младшіе классы 25-го ноября 1905 года произвели крупный дебошъ,—сбросили съ площадки верхняго корридора въ нижній

¹⁾ Свѣдѣнія взяты изъ провинціальной прессы.

тяжелую парту, которая могла бы причинить тяжкія увѣчія находящимся внизу ученикамъ. Поводомъ къ дебошу послужило желаніе учениковъ поскорѣе получить отпускъ на праздники. По тому же поводу было перебито того-же числа до 80 стеколъ въ окнахъ, что заставило Педагогическій Совѣтъ прекратить занятія на четыре дня.

Въ Московскомъ Михайловскомъ реальномъ училищѣ въ концѣ ноября ученики старшихъ классовъ, распушенные за безпокойное поведеніе, „сняли“ занятія и въ младшихъ классахъ.

Въ Московскомъ Петропавловскомъ училищѣ происходили безпорядки, химическія обструкціи, занятія нѣсколько разъ прерывались и наконецъ совсѣмъ прекратились въ IV классѣ училища.

Въ Ростовскомъ реальномъ училищѣ (Харьк. округъ) ученики объявили бойкотъ двумъ преподавателямъ. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ бойкотъ ученикамъ старшихъ классовъ со стороны всѣхъ преподавателей, заявившихъ, что они не желаютъ съ ними заниматься.

Въ женской гимназіи въ Полтавѣ произошелъ инцидентъ съ начальницей. Послѣдствіемъ было увольненіе всего класса (VIII); когда стали принимать ученицъ обратно, пять изъ нихъ не были приняты, остальные же девять изъ сочувствія къ исключеннымъ сами не захотѣли вернуться въ гимназію и демонстративно вышли.

Полтавская группа всероссійскаго учительскаго союза насчитывала до 400 членовъ. Они разсылали книги и брошюры и матеріально поддерживали учащихся, но скоро, уже послѣ Рождества 1905 года, полтавская группа постепенно прекратила свою дѣятельность въ слѣдствіе апатіи, обнаруженной ея членами, которые сначала обнаруживали явно увлеченіе социалистическими идеями, добились уничтоженія общей мо-

литвы, посѣщенія учениками церковныхъ богослуженій и проч.

Имъ много содѣйствовала такъ называемая „междучебная организація“ выработавшая уставъ „южно-русскаго союза“.

Въ Либавѣ (Рижскій уч. округъ). Еще въ маѣ 1905 года возникла организація среди учащихся.

Подъ влияніемъ социаль-демократической партіи образовались кружки самообразованія, насчитывавшіе около 250 членовъ изъ четырехъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

11 октября арестовали четырехъ учениковъ коммерческаго училища. Это послужило поводомъ къ забастовкѣ, обратившейся скоро въ всеобщую. Она началась 14-го октября и сопровождалась химическою обструкціею. Устраивались собранія преподавателей въ присутствіи делегатовъ отъ каждаго учебнаго заведенія, при чемъ учащіеся предъявляли свои *требованія*; призывали къ всеобщей забастовкѣ.

Надо признать, что администрація все время дѣйствовала въ высшей степени непослѣдовательно, — то крутыми мѣрами, то послабленіями, и только когда разыгралась настоящая революція въ Прибалтійскомъ краѣ, администрація, наконецъ, приняла энергичныя мѣры; общая паника охватила всю страну и ученическое движеніе, въ числѣ прочихъ, конечно, затихло.

Въ началѣ учебнаго года 1905—1906 возникъ въ Либавѣ педагогическій кружокъ (насчитывалъ до 20 членовъ).

Учителя выступали на митингахъ, которые въ концѣ декабря были запрещены, начались общія репрессіи.

Въ Тулѣ (М. округъ) безпорядки начались съ сентября 1905 года въ пяти учебныхъ заведеніяхъ. Мы видимъ, что вездѣ они начинаются одновременно.

Занятія были прерваны забастовкою, причемъ гимназисты не скрывали, что они нисколько не интере-

суются удовлетвореніемъ своихъ домогательствъ, а что имъ только нужно было сорвать занятія до созыва Государственной Думы. И въ петиціи намекалось, что это требованія предварительныя, за которыми послѣдуютъ политическія. Были произведены аресты въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ составъ родительскихъ комитетовъ попали либеральные преподаватели, которые поддерживали домогательства учениковъ и выступали противъ постановленій Педагогическаго Совѣта, которыя они находили слишкомъ реакціонными.

Въ концѣ 1904/1905 года уже 32 учителя Тульскихъ среднихъ школъ примкнули къ „всероссійскому союзу“, который сначала внушалъ страхъ въ учебномъ мірѣ въ Тулѣ, но потомъ репрессіи, предпринятія правительствомъ, запугали членовъ союза и дѣятельность его затихла.

Во всѣхъ почти городахъ происходило тоже самое. Не считаю нужнымъ разбирать каждый случай отдѣльно, все что происходило въ каждомъ отдѣльномъ городѣ, такъ какъ почти вездѣ происходило одно и тоже, съ маленькими лишь варіаціями. Весь этотъ матеріалъ отличается слишкомъ большимъ однообразиемъ и потому представляетъ мало интереса.

Скажемъ только, что вездѣ происходили митинги, предъявлялись болѣе или менѣе нелѣпыя требованія учениками, которыхъ часто поддерживали прогрессивные преподаватели.

Результатъ вполнѣ зависѣлъ отъ большей или меньшей твердости, проявленной учебнымъ начальствомъ. Тамъ, гдѣ начальство учебнаго заведенія оказывалось на высотѣ своего призванія, порядокъ весьма скоро возстановлялся; тамъ-же гдѣ оно оказывалось нерѣшительнымъ и слабымъ, безпорядки затягивались и приходилось закрывать заведенія и прерывать занятія надолго.

Приведенные выше факты свидѣтельствуютъ о полной деморализаціи школы, хотя бы и одинъ этотъ возмутительный случай въ Калишѣ! Доходило до того, что ученики приносили съ собою въ школу карты и водку и располагались въ ней, какъ въ клубѣ.

Все это, конечно, вызывало всеобщее негодованіе со стороны порядочныхъ учениковъ, приводило къ бурнымъ столкновеніямъ, которыя, однако, не разрѣшали положенія, а лишь обостряли его.

Рядомъ съ этимъ среди учащихся происходило объединеніе отдѣльныхъ группъ, вырабатывались уставы различныхъ партій, собирались деньги, читались партійные рефераты; все это держало учащуюся молодежь въ нездоровой, повышенной, возбужденной атмосферѣ; въ нервномъ настроеніи, неизбежно отвлекающемъ ее отъ спокойныхъ учебныхъ занятій.

Все происходившее кругомъ школы, все усиливавшаяся революція, разыгравшіяся въ это время крупныя политическія событія вліяли, конечно, на крайне насыщенную электричествомъ общественную атмосферу и взвинчивали еще больше приподнятую, нервную жизнь молодежи; учащіеся читали революціонныя газеты, посѣщали общественные митинги, собранія и заражались ихъ революціоннымъ духомъ, примыкали къ партійнымъ организаціямъ, а нѣкоторые даже принимали активное участіе въ революціонной борьбѣ и пропагандѣ.

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о сколько-нибудь правильныхъ занятіяхъ.

Начиная съ IV класса учебныхъ заведеній и особенно въ старшихъ классахъ огромное большинство учениковъ забросило совсѣмъ ученіе, занятые совсѣмъ другими интересами, зная, что ихъ за это не постигнетъ никакая кара. На уроки являлась $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$ часть наличнаго состава класса; нѣкоторые приходили на

одинъ урокъ и затѣмъ уходили, другіе проводили урочное время въ рекреационныхъ помѣщеніяхъ, а тѣ, кто ходили въ классы, занимались тамъ чтеніемъ газетъ и политическихъ брошюръ, причемъ все это сходило съ рукъ и не вызывало даже никакихъ замѣчаній со стороны начальства. Такимъ образомъ школьная дисциплина постепенно совершенно уничтожалась.

Однимъ словомъ, можно сказать, что отъ 17 октября до 7 декабря 1905 года, когда вновь закрылись всѣ учебныя заведенія, въ нихъ господствовала полная анархія. Эта анархія, прежде всего, ошеломила уравновѣшенныхъ педагоговъ, педагоговъ умѣреннаго направленія, которые всѣми своими симпатіями призывали естественнымъ образомъ къ традиціямъ старой школы, въ которой еще учились. Принципіальными противниками ихъ выступили учителя прогрессивнаго лагеря, стоявшіе за новые порядки, за самостоятельность средней школы и освобожденіе ея отъ контроля и опеки округа.

Несомнѣнно причиною анархіи, проникшей въ школу въ періодъ отъ 17-го октября 1905 года, когда старый школьный порядокъ рушился, захваченный могучимъ теченіемъ освободительнаго движенія, при инертности школьнаго начальства, была политическая революція.

Къ довершенію картины намъ необходимо здѣсь выяснитъ причины, которыя вліяли въ то время на появленіе родительскихъ комитетовъ, и на ту роль, которую они сыграли въ „освободительное время“.

Мы видѣли, какъ Министерство возлагало послѣднюю надежду на дѣятельность и содѣйствіе родительскихъ комитетовъ въ минуту полного развала школы; но очень скоро и Министерство должно было въ этомъ разочароваться.

Несомнѣнно и то, что родители совсѣмъ не были

подготовлены къ новой, выпавшей имъ роли, прежде всего потому, что они совершенно незнакомы были съ педагогическими вопросами и даже большинство изъ нихъ было совершенно чуждо имъ. Мало того, получивъ доступъ къ педагогическимъ вопросамъ, родители не удовлетворялись предоставленными имъ правами голоса въ родительскихъ комитетахъ, находя ихъ недостаточными, а пожелали увеличить ихъ, постоянно возбуждали не относящіеся къ дѣлу вопросы, не признавали авторитета учебнаго начальства; все ихъ участіе скоро свелось къ глухой и явной борьбѣ съ директорами.

Такимъ образомъ всѣ надежды, возлагавшіяся на вмѣшательство въ дѣла школы родительскихъ комитетовъ, на ихъ умиротворяющую роль, не оправдались у насъ въ Россіи, главнымъ образомъ, потому, что родители, въ большинствѣ случаевъ, мало интересуясь педагогическимъ дѣломъ и совершенно его не зная, занялись преимущественно политической борьбою съ учебнымъ начальствомъ, игрой въ оппозицію и увлекаясь этой политической борьбой, совершенно упустили изъ вида тѣ интересы, которые они должны были бы защищать, то воспитательное вліяніе на дѣтей, которое вездѣ въ западной Европѣ составляетъ ихъ священную обязанность.

Мы уже видѣли и увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, что на западѣ роль родителей была совершенно иная, что сама школа идетъ тамъ на встрѣчу семьѣ и цѣнитъ ея участіе въ дѣлѣ воспитанія и что тамъ взаимныя отношенія между семьей и школой приняли другую, желательную форму, что они другъ другу взаимно помогаютъ въ трудномъ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія.

Благодаря только этой совмѣстной работѣ результаты на западѣ совершенно иные. *Родители на западѣ думаютъ не только о своихъ правахъ, но и о*

своихъ обязанностяхъ. Они уважаютъ воспитавшее ихъ заведеніе, дорожатъ имъ и умѣютъ внушить къ нему уваженіе и въ своихъ дѣтяхъ. Какъ для отцовъ, такъ и для сыновей учебное заведеніе, ихъ воспитавшее, является настоящею *alma mater*, связь съ которою не прерывается и долго по окончаніи въ немъ курса. То-ли бываетъ у насъ?!

Однако, вернемся къ „освободительнымъ днямъ“ въ нашей школѣ.

Большую роль въ дѣлѣ освобожденія средней школы отъ контроля и руководства правительства въ злополучные годы сыгралъ такъ названный „*Всероссійскій съѣздъ учителей и дѣятелей средней школы*“, за принципы котораго ухватилась и стала ихъ проводить прогрессивная партія педагоговъ. Бюро петербургскаго и московскаго союзовъ учителей и дѣятелей средней школы постановили совмѣстно устроить на масляной 1905 года всероссійскій съѣздъ, съ цѣлью выяснить положеніе распадающейся средней школы, организовать всероссійскій союзъ для реорганизации школы на началахъ автономіи и демократичности. Предпослана была анкета, которая должна была выяснить фактическое положеніе дѣла. Съѣздъ былъ назначенъ на 9-е, 10-е и 11-е февраля 1906 года, лозунгомъ союза избранъ былъ слѣдующій: „демократическая, свободная, автономная школа“.

Первоначальнымъ мѣстомъ съѣзда былъ назначенъ Петербургъ, но изъ-за рискованности предпріятія, (боязнь, что нагрянетъ полиція), рѣшено было собраться на Иматрѣ.

Всего на съѣздѣ участвовало 68 человекъ отъ 19 городовъ. Участвовало на съѣздѣ, приславъ своихъ делегатовъ, слѣдующіе провинціальныя города: Нижній-Новгородъ, Харьковъ, Либава, Тула, Псковъ, Азовъ, Полтава, Брянскъ, Гродно, Арзамасъ, Вологда, Нарва, Елецъ, Кишиневъ, Минскъ, Черниговъ, Ре-

вель. (Изъ Минска, напр., долгое время нельзя было выслать делегатовъ, вслѣдствіе зоркаго наблюденія за ними со стороны мѣстной губернской администраціи). Засѣданія продолжались до поздней ночи и были, по отзыву прогрессивной прессы, чрезвычайно продуктивны.

Члены съѣзда выработали уставъ „всероссійскаго союза“, дали опредѣленные инструкціи избранному ими бюро и приняли цѣлый рядъ резолюцій тактическаго характера.

На первомъ засѣданіи 9-го февраля 1905 года председательствовалъ А. Л. Липовскій, состоящій и до сихъ поръ директоромъ гимназіи и реальнаго училища Мая на Васил. Островѣ. Цѣль союза выражена въ вступительной рѣчи председателя. Привожу ее въ отрывкахъ:

„Мы собрались въ крайне тревожный, переходный моментъ въ жизни Россіи. Старая школа, какъ и старый режимъ, осуждены на смерть. Не можетъ быть уже и рѣчи о частичныхъ улучшеніяхъ и исправленіяхъ ея. Нужна коренная реформа. Въ новой школѣ нѣтъ мѣста полицейско-бюрократическому строю, она нуждается въ свободномъ самоопредѣленіи. Мы должны начать борьбу за свой лозунгъ „демократическая, свободная, автономная школа“. Такая борьба требуетъ, прежде всего, объединенія нашихъ силъ. Соединяйтесь-же педагоги всѣхъ среднихъ школъ Россіи и да здравствуетъ, новая школа, демократическая, свободная, автономная!“

Указано было на то, что съѣздъ открылся при крайне неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ вся Россія, либо находится на военномъ положеніи, либо на положеніи чрезвычайной или усиленной охраны.

Нѣсколько окраинъ не могли вовсе прислать делегатовъ, напр., Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ — совсѣмъ не были представлены. Предпринятые прави-

тельствомъ репрессіи помѣшали, по словамъ либеральной прессы, собрать даже отвѣты на присланную анкету.

Открылся съѣздъ посылкою привѣтственной телеграммы финляндскому учительскому союзу, пріютившему съѣздъ. Делегаты познакомили съѣздъ съ результатами анкеты и собрали свѣдѣнія о школьномъ движеніи.

Приведемъ свѣдѣнія о школьныхъ движеніяхъ въ провинціи въ то время.

Въ **Нижнемъ-Новгородѣ** (Моск. учебн. округъ). Всѣ среднія учебныя заведенія были охвачены движеніемъ. Въ октябрѣ началась забастовка въ мужской гимназіи, по случаю участія гимназистовъ въ похоронахъ гимназистки, случайно убитой бомбой, брошенной въ казачій разъѣздъ.

Кромѣ того, учебное начальство за 1905 годъ допустило уходъ директора, двухъ инспекторовъ и нѣсколькихъ преподавателей и учительницъ, подъ давленіемъ мѣстнаго общества и прессы. Учебное-же начальство разрѣшило, подъ этимъ-же давленіемъ, устройство ученической бібліотеки, въ которой распоряжались сами ученики, устройство ученическихъ сходовъ и общихъ митинговъ. Результаты этой слабости, обнаруженной мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ, не заставили себя долго ждать. Учителей стали судить и изгонять даже ученики младшихъ классовъ. Въ классахъ продолжалась обструкция учениковъ, подымался шумъ, крикъ, свистъ, даже раздавались выстрѣлы въ корридорахъ. Дошло дѣло до того, что изъ-за каждой дурной отмѣтки подымался скандалъ. Лучшие учителя прямо заявляли, что лишены всякой возможности серьезно заниматься.

По мнѣнію нижегородскаго делегата, (я привожу это мнѣніе потому, что оно характерно)

— „Обострившіяся отношенія между учениками и

ихъ преподавателями и ихъ небрежныя отношенія къ дѣлу объясняются тремя причинами: 1) убѣжденіемъ наиболѣе сознательныхъ учащихся въ совершенной непригодности нашей средней школы, 2) современнымъ освободительнымъ движеніемъ, которое отвлекаетъ учащихся въ сторону общественныхъ вопросовъ, 3) учащіеся, какъ они сами сознаются, облѣнились и распустились, благодаря постояннымъ забастовкамъ“ ¹⁾.

Нижегородскій делегатъ признаетъ первую причину важнѣйшею, вторая и третья носятъ временный характеръ, первая же имѣетъ болѣе глубокія основанія, лежація въ самомъ строѣ нашей школы. Къ этому делегатъ прибавляетъ, что „главное зло нашей школы въ томъ, что она правительственная, а не народная. Тенденціозность направленія правительственной школы и строгая дисциплина школы обезличиваетъ, по мнѣнію этого делегата, учащихся и готовить изъ нихъ не свободныхъ гражданъ, а покорныхъ слугъ и чиновниковъ“. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ безтолковыхъ, совершенно ненормальныхъ явленій въ школѣ, въ революціонное время, среди учащихся сложился совершенно особый, дикій взглядъ на время ихъ пребыванія въ школѣ: они считаютъ своей миссіей—разрушеніе современной школы. Точность этой мысли выражена въ заявленіи одного ученика VI класса Нижегородской гимназіи, исключеннаго изъ гимназіи, который сказалъ, что „примутъ-ли его обратно, или нѣтъ, онъ все-таки будетъ всячески стремиться нарушать правильное теченіе школьныхъ занятій“. Единственнымъ выходомъ изъ настоящаго положенія вещей, является, по мнѣнію, этого делегата, „полная передача школы изъ рукъ правительства во руки народа“.

¹⁾ Вотъ это вѣрно!!

Послѣ 17-го октября сходки въ нижегородской гимназіи были узаконены, за ними было признано воспитательное значеніе, отмѣнена была общая молитва и внѣшкольный надзоръ за учащимися. Тѣмъ временемъ появился знаменитый циркуляръ Министра А. Н. Шварца. Этому циркуляру рѣшила прогрессирующая группа преподавателей и не подчиняться. Къ нимъ присоединился учебный составъ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеній: составилъ товарищескій кружокъ, который въ началѣ ноября 1905 года преобразовался въ союзъ, принявшій программу московскаго союза преподавателей. Параллельно съ этимъ образовался Совѣтъ директоровъ вмѣстѣ съ представителями мѣстнаго самоуправления.

Вообще Нижегородскій союзъ представлялъ изъ провинціальныхъ самую сплоченную организацію.

Харьковскіе педагоги выступили на оппозиціонный путь съ того, что присоединились къ извѣстной запискѣ московскихъ преподавателей „Такъ жить нельзя“. Образовался союзъ учителей въ которомъ въ октябрѣ 1905 года насчитывалось до 160 человѣкъ, а въ февралѣ количество ихъ уменьшилось до 97. Въ составъ „Всероссійскаго союза“ выразило желаніе записаться около 40 человѣкъ изъ 200 преподавателей города Харькова.

Въ школьной разрухѣ принимали участіе и родители въ лицѣ своихъ „родительскихъ комитетовъ“.

Въ **Нижнемъ-Новгородѣ** впрочемъ этому комитету сочувствовалъ Педагогическій Совѣтъ мужской гимназіи. Однако, въ комитетѣ скоро произошелъ расколъ, образовались двѣ партіи: прогрессивная и реакціонная съ ясно выраженной враждой другъ къ другу.

Циркуляръ Герасимова, какъ извѣстно, очень поощрялъ возникновеніе и дѣятельность родительскихъ комитетовъ. Они стали допускать въ свои собранія учениковъ. По инициативѣ родителей, въ Нижнемъ

Новгородѣ открылись курсы для учениковъ старшихъ классовъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ были забастовки: собралось до 60-80 человѣкъ по каждому предмету.

Въ Харьковѣ Родительскіе комитеты организовались еще весной 1904 г. Среди учащихся оппозиціонное настроеніе наблюдалось уже давно. Напр., въ разгромѣ редакціи газеты „Южный край“, какъ оказалось, принимали участіе ученики среднихъ школъ города Харькова.

Съ января 1905 года начались усиленные волненія. Учащіеся раздѣлились на двѣ партіи (прогрессисты и умѣренные, первыхъ—громадное большинство). Симпатіи прогрессистовъ—всецѣло на сторонѣ социалистическихъ партій; они старались сами отвоевать себѣ у учебнаго начальства всякія уступки.

Устранялись постоянныя сходки въ урочное время, при чемъ пользовались помѣщеніями Харьковскаго университета, гдѣ могли собраться чрезвычайно многочисленные митинги. Академическія сходки очень скоро обратились въ чисто политическіе митинги. Нѣкоторые Педагогическіе Совѣты разрѣшали сходки въ стѣнахъ заведеній, благодаря настоянію прогрессивныхъ учителей. Учебное начальство вначалѣ смотрѣло на все это движеніе сквозь пальцы, но скоро впало въ совершенно противоположное направленіе и стало примѣнять къ ученикамъ чисто военныя мѣры наказанія; начались аресты; въ началѣ февраля сидѣло уже восемь человѣкъ.

Въ Полтавѣ (Кіевск. округъ). На родительскихъ совѣщаніяхъ произошелъ расколъ, образовались три группы. Одни—крайніе либералы стояли за передачу всей власти въ учебномъ заведеніи самимъ ученикамъ. Вторая группа, самая многочисленная, интересовалась только тѣмъ, чтобы сыновья ихъ получали дипломы, и третья группа родителей стояла за репрессивныя мѣры по отношенію къ ученикамъ-забастовщикамъ.

Прогрессивная часть родителей организовала кружок родителей, во главѣ котораго стоялъ писатель Короленко. Они занялись разсмотрѣніемъ петицій учениковъ. Короленко организовалъ „свободную школу“ съ чисто практической цѣлью — дать возможность 14-ти исключеннымъ ученикамъ кончить курсъ.

Въ число членовъ родительскаго кружка Короленко принимались всѣ представители общества. Цѣль кружка — сближеніе семьи и школы, контроль общества надъ школой, интеллектуальная и моральная поддержка учащихся. Посѣщаютъ собранія кружка и учащіеся. Остается удивляться, какимъ образомъ разрѣшенъ былъ администраціей такой кружокъ съ такими явными цѣлями? Какъ не протестовало противъ его учрежденія мѣстное учебное начальство и какъ согласилось на его возникновеніе само Министерство?

Въ Либавѣ родительскія совѣщанія, въ которыхъ принимали участіе преимущественно бѣдные чиновники и купцы, интересовались только вопросами, затрогивавшими ихъ матеріальные интересы, напр., пониженіемъ платы за ученіе. На съѣздѣ было предложено выразить чувство глубокаго уваженія преподавателямъ Прибалтійскаго края, столь смѣло отстаивавшимъ, несмотря на всѣ репрессіи правительства, дорогіе имъ общіе интересы.

Въ Тулѣ послѣ декабрьской забастовки консервативная группа взяла верхъ въ родительскихъ совѣщаніяхъ и вынесла резолюцію, что ученіе должно продолжаться при всякомъ числѣ учениковъ въ классѣ и что нежелающіе посѣщать учебныя заведенія ученики должны быть уволены. Учащіеся, которые возлагали большую надежду на родительскія совѣщанія, потеряли къ нимъ всякое довѣріе.

Надо замѣтить, что движеніе родителей противъ существующаго школьнаго строя существовало уже давно. Еще въ 1899 году въ провинціи стали разраба-

тывать проектъ реформы средней школы, который хотѣли послать въ Министерство. Уже тогда предполагалось совмѣстное обученіе въ средней школѣ и вмѣшательство родителей.

Послѣ 1905 года собранія родителей становились все бурнѣе. Они обращались даже съ телеграммами въ общество защиты дѣтей, прося, чтобы не было репрессій.

18-го ноября 1905 года въ Саратовѣ на собраніи родителей собралось до тысячи человекъ, изъ нихъ до 300 реакціонеровъ. Между ними и делегатами отъ учащихся произошелъ конфликтъ. Прогрессивные родители рѣшили взять школу въ свои руки, но когда появились „временныя правила“, реакціонная партія взяла верхъ, что вообще замѣчалось болѣе или менѣе вездѣ.

На съѣздѣ, собравшемся въ Петербургѣ 11-го февраля 1905 года, прочитанъ былъ докладъ петербургскаго делегата, озаглавленный „О ближайшихъ задачахъ союза родителей въ дѣлѣ реформы средней школы“.

Главные основанія этого доклада заключаются въ слѣдующемъ:

„Для успѣшнаго развитія учебнаго дѣла необходимо упрочить въ средней школѣ начала автономіи, насколько она является основой педагогическаго творчества. Послѣдовательное проведеніе въ жизнь начала автономіи среднихъ школъ возможно лишь тогда, когда дѣятельность учебныхъ совѣтовъ будетъ имѣть достаточный авторитетъ въ глазахъ общества и т. д.

Однимъ словомъ, все тотъ-же мотивъ объ автономіи какъ средней, такъ и высшей школы. Этотъ вопросъ является кардинальнымъ, вокругъ котораго сосредоточивается общее вниманіе прогрессивныхъ педагоговъ.

Была выработана слѣдующая резолюція союза:

„Учредительный съѣздъ всероссійскаго союза учи-

телей и дѣятелей средней школы, собиравшійся въ теченіе трехъ дней съ 9—11 февраля 1906 года, выслушавъ рядъ сообщеній объ ученическихъ движеніяхъ (часть которыхъ приведена мною только что *in extenso*) въ разныхъ городахъ Россіи, находитъ положеніе учащейся молодежи крайне тяжелымъ. Далѣе онъ находитъ, что силою вещей молодежь брошена на арену политической борьбы. Если нѣтъ возможности сразу привести школу въ нормальное состояніе, то во всякомъ случаѣ союзъ не можетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ небывалой въ культурномъ мірѣ борьбы учащейся молодежи за свои человѣческія права и за дѣло обновленія школы и считаетъ своимъ дѣломъ признать выдвинутыя самой жизнью ученическія организаціи, поддерживать ихъ и содѣйствовать дальнѣйшему ихъ развитію, глубоко вѣря, что всѣ аномаліи современнаго школьнаго движенія исчезнутъ очень быстро“.

„Поддерживая ученическія организаціи, всероссійскій союзъ учителей и дѣятелей средней школы, однако считаетъ это лишь небольшою частью лежащей на немъ задачи и будетъ стремиться къ полному осуществленію въ жизни демократической, свободной и автономной, школы“.

Для полнаго уясненія себѣ къ чему стремится союзъ въ своей реформаторской дѣятельности, мы должны обратить вниманіе на поясненія, данныя самимъ организаціоннымъ комитетомъ съѣзда. Такъ, напр., послѣдній заявляетъ, что подъ лозунгомъ „демократической, свободной и автономной школы“ онъ понималъ слѣдующее: демократизація школы должна прежде всего выражаться въ ея общедоступности *по мѣсту*—всячески приближая среднюю школу къ населенію (устройствомъ среднихъ школъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и большихъ селахъ), *по платѣ*—возможнымъ уменьшеніемъ платы съ приближеніемъ къ бесплатности и въ смыслѣ

устраненія всякихъ препятствій для вступленія въ среднюю школу—сословныхъ, національныхъ, вѣроисповѣдныхъ, различія пола. Подъ „демократической“ подразумѣвалась школа общеобразовательная и свѣтская, связанная по своей программѣ со школою низшею. Подъ „свободной“ школою разумѣлось право свободного открытія и организаціи школы какъ обществомъ, такъ и частными лицами, а также свобода отъ всякаго полицейско-бюрократическаго воздѣйствія.

„Автономность“ школы подразумѣвала *коллегіальное* веденіе дѣла въ школѣ, съ выборными на срокъ должностными лицами и *самополненіемъ* школьнаго персонала.

Какъ мы видимъ, это—цѣлая программа. Очевидно, что осуществленіе ея разрушило-бы до основанія существующую систему у насъ средней школы, произвело-бы совершенную революцію въ нынѣшнемъ ея строѣ; поэтому то прогрессивная партія такъ рѣшительно выступала за нее.

Каковъ мой личный взглядъ на задачи и нужные для средней школы строй и организацію, изложилъ я въ своемъ педагогическомъ сочиненіи, выпедшемъ въ 1912 году въ двухъ томахъ, содержащихъ „Собраніе всѣхъ моихъ статей по вопросамъ школьнаго образованія въ Россіи и на западѣ“. Интересующихся этимъ вопросомъ отсылаю къ этому изданію.

Мы такъ много видѣли союзовъ, возникавшихъ въ такомъ количествѣ въ это революціонное время, преслѣдующихъ прогрессивныя цѣли, въ ущербъ здоровымъ педагогическимъ и воспитательнымъ интересамъ, что я нахожу желательнымъ остановиться хоть нѣсколько на союзѣ, преслѣдующемъ противоположныя цѣли, цѣли оздоровленія молодежи, возвращенія ея на правильный здоровый путь развитія. Однимъ словомъ, остановимся на союзѣ, который шель совершенно въ разрѣзъ съ преслѣдуемыми большинствомъ прогрес-

сивныхъ союзовъ цѣлей. Этотъ союзъ назывался „Союзъ школьнаго порядка“.

О немъ я вскользь уже упомянулъ.

Группа родителей, въ томъ числѣ проф. астрономъ С.-Петербургскаго Университета Глазенапъ, Лисенкова, Мещерскій и Гриммъ въ половинѣ декабря 1905 года обратились съ воззваніемъ къ родителямъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Въ этомъ воззваніи говорится, что Министерство выразило въ своемъ циркулярѣ неодобреніе политикѣ въ школѣ и политической дѣятельности учащихся и что родители, призванные къ участию въ дѣлахъ школы, могли-бы поддержать въ этомъ Министерство своимъ вліяніемъ на своихъ дѣтей, отвлекая ихъ отъ забастовокъ, отъ политическихъ митинговъ и вообще отъ всякихъ, не свойственныхъ имъ интересовъ.

Воззваніе указываетъ на то, что за послѣднее время ученики средней школы по примѣру воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній примкнули къ „освободительному движенію“ и живутъ политическою жизнью. Они устраиваютъ различные манифестаціи, забастовки и союзы, избираютъ своихъ старостъ-посредниковъ между учителями и учениками, предъявляютъ различные требованія и нѣкоторые даже вооружаются. Все это, конечно, мѣшаетъ правильнымъ занятіямъ.

Далѣе воззваніе указываетъ на весь вредъ, происходящій для молодежи отъ занятій политикой, совершенно не свойственныхъ ихъ возрасту. „Необходимо“, заканчивается воззваніе, „оберечь школу и дѣтей отъ разрушительнаго вліянія смутнаго времени для созидательнаго труда будущихъ поколѣній“.

На это воззваніе въ теченіе мѣсяца откликнулось болѣе семидесяти родителей.

13-го января 1906 года собралось первое учредительное собраніе. На немъ прочитана была записка И. П. Мещерскаго о возникновеніи и первыхъ шагахъ

новаго союза. Главную причину переживаемой смуты Мещерскій видитъ въ томъ, что въ школу проникла политика, а главными проводниками ея онъ считаетъ—нѣкоторую часть педагоговъ.

Другіе ораторы указывали на другія причины плохихъ результатовъ, достигаемыхъ школой, какъ то: на отсутствіе должнаго наблюденія за преподаваніемъ, съ чѣмъ я не могу не согласиться, какъ бывшій Попечитель въ двухъ округахъ (Петербургскомъ и Одесскомъ) и бывшій помощникъ Попечителя въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ теченіе всего 17 лѣтъ, я не могу не согласиться, что наблюденіе за преподаваніемъ и руководство имъ далеко недостаточно, не только въ громадномъ числѣ частныхъ заведеній, въ особенности въ столицѣ, въ такъ называемыхъ учебныхъ заведеніяхъ „съ правами—только для учащихся“, но и въ казенныхъ, несмотря на то, что, напр., въ С.-Петербургскомъ округѣ имѣются въ качествѣ ревизоровъ: Помощникъ Попечителя и пять окружныхъ инспекторовъ.

Почему это такъ, я не считаю здѣсь возможнымъ выяснить—это отвлекло-бы насъ далеко отъ нашей темы. Я только констатирую фактъ и прибавлю, что для объясненія этого факта имѣется много причинъ, лежащихъ въ самой постановкѣ дѣла, въ практикуемыхъ нынѣшнимъ Министерствомъ способахъ назначенія на эти отвѣтственные должности лицъ; происходитъ это отъ чрезвычайнаго стѣсненія, оказываемаго Министерствомъ свободѣ выбора самимъ Попечителемъ на эти должности — ближайшихъ его помощниковъ, изъ-за стѣсненія, часто обращающагося въ чистый произволъ. Это я испыталъ неоднократно лично и потому считаю себя въ правѣ такъ увѣренно объ этомъ говорить.

Приводили на этомъ собраніи, между прочимъ, примѣръ, носящій чисто „анекдотическій“ характеръ въ доказательство крайней неустойчивости родителей,

членовъ родительскихъ комитетовъ. Разсказывали, какъ одна мать, побуждаемая любопытствомъ, принимала участіе въ школьныхъ демонстраціяхъ на улицѣ, при чемъ для безопасности всегда носила при себѣ два флага—бѣлый и красный, поочередно, смотря по обстоятельствамъ, выставляя тотъ или другой.

Къ сожалѣнію, какъ это часто бываетъ въ Россіи, изъ всѣхъ благихъ намѣреній союза „школьнаго порядка“ ничего не вышло и онъ скоро прекратилъ свое существованіе, осмѣянный своими современниками.

Прогрессивная печать вообще постоянно указывала на существенный недостатокъ организаціи у насъ „родительскихъ комитетовъ“, заключающійся въ томъ, что они будто задуманы въ „слишкомъ узкихъ рамкахъ“, не соотвѣтствующихъ важности той задачи, которая была имъ поручена—умиротворенія школы при сохраненіи стараго ея строя. Прогрессивная печать находила, что „родительскіе комитеты“ не оправдали своего назначенія потому, что въ основу этого учрежденія положена односторонняя мысль объ исключительномъ правѣ родителей учащихся въ данной школѣ дѣтей, а не всего мѣстнаго общества оказывать вліяніе на направленіе и характеръ школы, а между тѣмъ, во многихъ провинціальныхъ городахъ, въ особенности въ уѣздныхъ, родители обучающихся въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ учениковъ составляютъ слишкомъ малую часть тѣхъ культурныхъ, мѣстныхъ, силъ, вліяніе которыхъ на школу особенно цѣнно и желательно“. Вліяніе послѣднихъ особенно необходимо, по мнѣнію прогрессивной прессы, какъ людей, способныхъ, помимо чисто семейныхъ, личныхъ интересовъ, взглянуть на школу, какъ на учрежденіе общественное.

Кромѣ того, родители въ „родительскихъ комитетахъ“ всегда остаются, по мнѣнію либеральной прессы, въ меньшинствѣ, такъ какъ директоръ заве-

денія, вмѣстѣ съ педагогическою корпораціей, назначаемой округомъ, всегда будетъ имѣть преобладающее вліяніе на ходъ дѣлъ.

Одна остается надежда на то, что почти вездѣ родительскіе комитеты стремятся объединиться въ одинъ „союзъ родительскихъ комитетовъ“, какъ это уже случилось въ Петербургѣ, Казани, Тифлисѣ и Таганрогѣ.

Итакъ, мы ясно видимъ, къ чему стремятся „родительскіе комитеты“ и чего желаетъ прогрессивная пресса—*полную передачу средней школы въ руки общественныхъ силъ* и полного отстраненія правительства отъ управленія и руководства ею.

Таковы были пожеланія, высказанныя въ маѣ 1906 года въ комиссіи по народному образованію при Московскомъ учебномъ отдѣлѣ при Лигѣ образованія въ обществѣ распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ. Эти же мысли выражены были въ докладѣ Балталона въ публичномъ собраніи 2 марта 1907 г. въ Москвѣ.

ГЛАВА V.

Попытки русского правительства и общества найти пути къ разрѣшенію неизбежнаго конфликта между школой и обществомъ. Централизація, какъ коренной недостатокъ русской школы. Отношеніе къ централизаціи и автономіи школы германскихъ педагоговъ. Хронологическое резюме отношеній семьи и школы у насъ въ Россіи.

Въ мартовской книжкѣ за 1911 г. „Русской школы“ помѣщена статья Эрна, озаглавленная „Объ отношеніи государства и общества къ средней школѣ“.

Эта статья совершенно вѣрно указываетъ на главное зло нашей средней школы въ Россіи—на излишнюю централизацію, на что указываю и я въ своемъ сочиненіи, уже упомянутомъ выше.

Вотъ что я пишу, между прочимъ, по этому поводу во II томѣ, стр. 331 моего сочиненія „Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на западѣ и въ Россіи“ (по личнымъ наблюденіямъ) въ Петербургъ 1912 г.

„Излишняя регламентація, бюрократизмъ и формализмъ представляютъ также существенное зло современной нашей школы. Учебное начальство, не довѣряя учительскому персоналу и самимъ директорамъ среднихъ учебныхъ заведеній, до нельзя стѣснило всѣ ихъ дѣйствія, окутало ихъ такой непроходимой сѣтью всевозможныхъ циркуляровъ, инструкцій и учебныхъ плановъ, предусматривающихъ каждый малѣйшій случай ихъ преподавательской и воспитательской дѣятельности, что лишило ихъ всякой здоровой и полезной инициативы на пользу вѣреннаго имъ юношества; отсюда неизбежны и послѣдствія.

„Въ высшей степени живое дѣло—педагогика, воспитаніе и образованіе юношества—обратилось въ механическое ремесло, лишилось самого главного своего фактора—возможности проявить живую любовь къ юношеству, непосредственное чутье дѣтской природы, а потому и понятно, почему наша современная школа такъ мало въ состояніи воспитать молодое поколѣніе“.

И за симъ я въ параллель привожу нѣмецкіе порядки и роль тамъ какъ директоровъ, такъ и педагогическихъ Совѣтовъ—гораздо болѣе самостоятельныхъ тамъ. Объ этомъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ, когда перейду къ Германіи.

Г. Эрнъ въ своей статьѣ говоритъ совершенно вѣрно, что „ни директоръ, ни Педагогическій Совѣтъ, ни даже Попечитель Округа не можетъ своею властью измѣнить ни одного пункта учебной программы, не можетъ ввести никакого нововведенія, какъ бы настоячиво оно ни требовалось мѣстными условіями. На всякую мелочь требуется санкція центральной власти“.

Объ отношеніяхъ общества (семьи) къ школѣ въ Россіи и на западѣ находимъ мы довольно обстоятельныя свѣдѣнія у Эрна въ вышеупомянутой статьѣ. Главныя положенія этой статьи приведу здѣсь ниже.

Вопросомъ объ отношеніяхъ общества къ школѣ, оказывается, интересовался еще въ 60-хъ годахъ Юзефовичъ, бывшій Помощникомъ Попечителя Кіевскаго округа. Статья его появилась еще въ 1859 году. Вторая статья, трактующая о томъ же предметѣ, была написана извѣстнымъ педагогомъ Вл. Яковлевичемъ Стоюнинымъ. И тотъ и другой указываютъ на необходимость сблизить школу съ обществомъ, ради котораго она существуетъ.

Интересъ къ вопросу вообще о реформѣ средней школы проявился у насъ очень сильно послѣ циркуляра министра Боголюбова и послѣдующихъ за нимъ

многочисленныхъ комиссій по реформѣ средней школы (между прочимъ, такъ назыв. „стоглаваго собора“ по числу его членовъ—ихъ было 98), но необходимо замѣтить, что и министерскія коммисіи, и педагогическія общества и самая печать, какъ педагогическая, такъ и общая, интересуясь школьными вопросами, обращали главное вниманіе на изложеніе учебной системы (главнымъ образомъ классицизма), на улучшение матеріальнаго положенія учителей, на отмѣну экзаменовъ и т. д.

Вопросъ же объ отношеніяхъ общества (семьи) къ школѣ совершенно не затрогивался во всей нашей русской педагогической литературѣ, и я, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ двухъ сочиненій, не могу указать ни на одну статью, трактующую объ этомъ важномъ и интересномъ вопросѣ, что и побудило меня заняться этимъ вопросомъ.

Также и въ докладѣ, состоявшей при „Московскомъ Педагогическомъ обществѣ комисіи по вопросу о желательныхъ преобразованіяхъ средней школы“, въ 1900 году, подчеркивается бюрократическій характеръ средней школы, являющійся слѣдствіемъ излишней централизаціи средняго образованія, но ни единымъ словомъ не упоминается о необходимости привлечь къ организаціи средняго образованія общество, въ лицѣ его представительныхъ учреждений и самыя предлагаемыя формы родительскихъ собраний далеко уступаютъ, по мнѣнію прогрессивной печати, организаціи современныхъ намъ „родительскихъ комитетовъ“.

Далѣе въ этомъ докладѣ указывается съ большимъ сочувствіемъ на дѣятельность новаго типа учебныхъ заведеній, только что въ то время возникшихъ—это коммерческія училища Министерства Финансовъ, гдѣ дана большая свобода и инициатива дѣйствій директору (выборному) и Педагогическому Совѣту. Объ этомъ

типѣ я говорилъ довольно подробно въ началѣ настоящаго изслѣдованія, поэтому останавливаться здѣсь на этомъ типѣ школъ считаю излишнимъ.

Для всего прогрессивнаго общества и его выразительницы—прогрессивной печати лозунгомъ сдѣлались—*децентрализація, демократизація и автономія средней школы*. Всѣ сошлись на одномъ пониманіи, очень скоро обратившемся въ требованіе—*свободы школы*, для чего, конечно, требовалось привлеченіе общественныхъ элементовъ къ завѣдыванію школой, широкая свобода преподаванія.

Существовала масса проектовъ и программъ преобразованія средней школы и реорганизаціи ея на новыхъ началахъ. Остановлюсь—и то по необходимости кратко—только на трехъ изъ нихъ, болѣе выдающихся.

Эти три проекта были представлены на Съѣздъ профессиональнаго союза учителей и дѣятелей средней школы въ 1901 году, о которомъ я уже упомянулъ выше.

Первый выработанъ Нижегородской группой союза „Лига образованія“, второй—моск. преподавателемъ Балталономъ, а третій—Шохоръ-Троцкимъ и Овсяниковымъ, которые суммировали пожеланія, высказанныя комиссіею по народному образованію при обществѣ распространения техническихъ знаній въ Москвѣ. Во всѣхъ этихъ проектахъ высказываются пожеланія, касающіяся: 1) отношенія государства къ средней школѣ, 2) отношенія общества къ школѣ и 3) внутренняго строя отдѣльной школы.

По первому вопросу—объ отношеніи государства къ средней школѣ—Нижегородская группа считаетъ, какъ и двѣ другія, необходимымъ для государства организовать среднее образованіе въ странѣ, но съ значительными при этомъ ограниченіями. Лига образованія стоитъ за уменьшеніе этихъ ограниченій—она

оставляет за государствомъ управленіе средней школой¹⁾.

Нижегородская группа предлагаетъ совершенно сумасбродный проектъ—замѣну министерства какимъ-то центральнымъ Бюро по народному образованію, членами котораго намѣчаются члены парламента (?), выборные представители отъ разныхъ губерній, свѣдующіе по народному образованію лица, или по американской системѣ—опытный специалистъ, по назначенію парламента.

„Лига образованія“ предполагаетъ уничтоженіе округовъ, а взамѣнъ ихъ въ каждой губерніи учредить должность одного правительственного директора, нѣсколькихъ школьных инспекторовъ—посредниковъ между министерствомъ и мѣстными школьными учреждениями. Послѣ безчисленныхъ преній постановлено было по первому вопросу—объ отношеніяхъ государства къ школѣ—слѣдующее: „Государство въ лицѣ представительнаго законодательнаго учрежденія *объединяетъ* дѣло народнаго образованія, издавая основные къ тому законы. На центральный органъ государства возлагается обязанность *содѣйствовать* развитію народнаго образованія и его распространенію и *наблюдать* за исполненіемъ основныхъ школьных законовъ“.

Проектъ „Лиги образованія“ и нижегородской группы имѣли въ виду „единую школу“, раздѣляющуюся на низшую—элементарную, высшую элементарную и средняго образованія, органически связанная между собою, поэтому реформа средней школы не отдѣляется отъ реформы начальной.

Все руководство ею отводится, по этому проекту, земству, какъ ближе знакомому съ народной школой

¹⁾ Считаю не безынтереснымъ приводить эти подробности, — они рисуютъ отношенія различныхъ союзовъ къ государству въ эти смутные 1906 и 1907 годы.

и притомъ земству, реорганизованному на строго демократическихъ началахъ.

Гимназіи же и реальныя училища „Лига образованія“ соглашалась временно оставить за министерствомъ.

Инспектора правительственные и представители земства посѣщаютъ эти школы, присутствуютъ на экзаменахъ. Закрываются частныя школы только по постановленію суда, а открываются—по постановленію губернскихъ земскихъ собраній и т. д.

Относительно третьяго вопроса, который разбирался все на томъ же сѣздѣ, а именно „о внутреннемъ строѣ отдѣльной школы“, нахожу не безынтереснымъ указать, что именно эта часть разработана менѣе всего.

Самый составъ педагогическаго совѣта и функціи его опредѣлены болѣе точно.

Проектъ Нижегородской группы, напр., намѣчаетъ слѣдующій составъ Педагогическаго Совѣта: 1) всѣ учителя, воспитатели и врачъ школы, 2) представители отъ общественныхъ организацій (отъ земства) 3) представители отъ корпорацій родителей, которыхъ не должно быть болѣе $\frac{1}{3}$ всего состава совѣта.

Такимъ образомъ, по этому проекту, большинство въ Педагогическомъ Совѣтѣ обеспечено за педагогами. Директоръ и инспекторъ выбираются Совѣтомъ, также и учителя; онъ же устраиваетъ ученическія организаціи: кассы взаимопомощи, кружки самообразованія, школьные клубы и т. д.

Педагогическій Совѣтъ назначаетъ учителей и увольняетъ ихъ, опредѣляетъ, какіе предметы входятъ въ составъ программъ, которыя, въ свою очередь, должны намѣчать только конечную цѣль обученія въ средней школѣ. Вся хозяйственная часть учебнаго заведенія также находится на попеченіи Педагогическаго Совѣта, способъ оцѣнки познаній учениковъ—тоже, вся хозяйственная часть—также.

На съѣздѣ спорили главнымъ образомъ о составѣ совѣта (Педагогическаго). Одни находили, что родителямъ, состоящимъ членами Педагогическаго Совѣта, не предоставляется возможности имѣть достаточно вліянія на ходъ дѣлъ.

Между тѣмъ, нельзя забывать, что, по мнѣнію этихъ лицъ, школа служить обществу, а не наоборотъ, родители должны быть хозяевами въ школѣ, а педагоги—ихъ сотрудниками.

„Чтобы уничтожить формализмъ въ школѣ, нужно ей придать семейный характеръ. Родители же, конечно, несравненно лучше знаютъ своихъ дѣтей, чѣмъ преподавательская коллегія; на этомъ основаніи, защищая интересы родителей, нѣкоторые члены стояли за предоставленіе имъ права самимъ выбирать директоровъ, безъ участія преподавателей и смѣщать учителей; другіе, напротивъ, защищали интересы преподавателей. Эти послѣдніе допускали участіе родителей въ составѣ Педагогическаго Совѣта, только для созданія связи между семьей и школой и извѣстнаго контроля. Предоставлять же имъ большія права даже опасно, говорили они, такъ какъ большинство изъ нихъ относятся къ дѣлу совершенно индифферентно, заботясь только о полученіи ихъ дѣтьми дипломовъ; меньшинство-же изъ нихъ можетъ даже тормозить полезную дѣятельность Педагогическаго Совѣта, не будучи въ состояніи понять педагогической необходимости той или другой мѣры, предложенной имъ. Даже завѣдываніе хозяйственною частью нельзя предоставить исключительному вѣдѣнію родителей, по мнѣнію этой группы съѣзда, такъ какъ педагоги не менѣе родителей заинтересованы въ умѣломъ веденіи училищнаго хозяйства. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ имъ давать права смѣщать и назначать учителей, которые должны быть смѣщаемы только судомъ, а выбирать ихъ

долженъ Педагогическій Совѣтъ, по рекомендаціи учительскаго союза“.—Это характерно!

Рѣшено было большинствомъ предоставить все эти права Педагогическому Совѣту смѣшаннаго состава, при чемъ вопросъ о численномъ перевѣсѣ той или другой группы остался открытымъ.

Итакъ, мы видимъ, что во всехъ этихъ проектахъ реформы школы, которые обсуждались и возникали въ громадномъ количествѣ въ то смутное время, два принципа положены неизмѣнно въ основу всехъ проектовъ: это *децентрализація* и *автономія*. Эти два принципа, какъ красная нить проходятъ черезъ все проекты.

Не находя болѣе во всемъ этомъ матеріалѣ, касающемся разсмотрѣнныхъ нами трехъ проектовъ реформы средней школы, представленныхъ на съѣздѣ профессиональнаго союза учителей и дѣятелей средней школы въ 1906 году, ничего относящаго къ занимающему насъ вопросу, я не считаю возможнымъ дольше на немъ останавливаться, чтобы не удлинить уже и такъ сильно разросшуюся статью, и возвращаюсь къ нашему основному вопросу.

Скажу отъ себя, что эта пагубная централизація, о которой мы говорили выше, несомнѣнно еще больше даетъ себя чувствовать у насъ въ Россіи, при громадныхъ нашихъ разстояніяхъ и при столь разнообразныхъ мѣстныхъ условіяхъ веденія школьнаго дѣла, напр., въ Варшавѣ и во Владивостокѣ, въ Архангельскѣ и на Кавказѣ и въ Финляндіи!

Очевидно, что при такой организаціи живое школьное дѣло не можетъ не терпѣть ущерба: всякая инициатива педагога при этомъ глхнетъ и онъ не знаетъ, къ кому обратиться за совѣтомъ. Директору некогда заниматься внутреннею жизнью школы, онъ заваленъ ежедневно громадною перепискою съ округомъ, даваніемъ собственныхъ уроковъ, хозяйствен-

ными заботами по школьному зданію, что, кстати сказать, вовсе не лежитъ на обязанности директора на западѣ. Семья и общество являются совершенно некомпетентными у насъ въ вопросахъ педагогическихъ, такъ что къ нимъ обращаться неопытному учителю тоже не приходится.

Объ единеніи семьи и школы разговоры идутъ уже очень давно, но на дѣлѣ до сихъ поръ считалось аксіомой, что семья въ педагогическомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ и надо сознаться, и я могу сказать по собственному административно-педагогическому опыту, что дѣйствительность, за очень немногими исключеніями, совершенно оправдывала это утвержденіе. Понятно, что такое взаимное недовѣріе школы къ родителямъ не можетъ создать единенія; недовѣріе переходитъ и на дѣтей, всегда имѣющихъ поводы быть недовольными школой.

По вопросу о централизаціи г-нъ Эрнъ въ своей статьѣ „объ отношеніи государства и общества къ средней школѣ“ въ доказательство ея чрезмѣрности у насъ, указываетъ на то, что въ западной Европѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ то: въ Пруссіи, Баваріи, Саксоніи и Вюртембергѣ, государствахъ по своему строю ближе всего подходящихъ къ Россіи, эта централизація значительно слабѣе нашей.

Въ доказательство послѣдняго, я позволю себѣ опять сослаться на мою книгу, томъ I, стр. 335 и 336 ¹⁾, гдѣ я писалъ: „Еще на одну существенную особенность педагогическаго строя въ Германіи слѣдуетъ намъ здѣсь указать.

„Я имѣю въ виду—предоставленіе гораздо большей свободы дѣйствія директору учебнаго заведенія, чѣмъ то допускается у насъ, его инициативѣ и педагогическому такту. У насъ директоръ совершенно ограни-

¹⁾ „Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія въ Россіи и на западѣ (по личнымъ наблюденіямъ). I и II т. 1912 г.

ченъ въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ прямо парализованъ, даже въ своихъ благихъ начинаніяхъ, безчисленнымъ количествомъ циркуляровъ и распоряженій окружнаго управленія; все напередъ уже давно предусмотрѣно и строго регламентировано и не дается директору никакой возможности проявить свою инициативу и педагогическій опытъ.

„Въ Германіи, благодаря этой относительной свободѣ и возможности для директора учебнаго заведенія проявить свою индивидуальность въ живомъ, по существу, не шаблонномъ педагогическомъ дѣлѣ, является совершенно иная постановка учебнаго и воспитательнаго дѣла“.

„Въ Германіи очень осторожно выбираютъ директора, которому поручается воспитательное дѣло въ учебномъ заведеніи; но разъ уже выбрали директора, ему уже предоставляется возможная свобода дѣйствій, что и является вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха въ педагогическомъ дѣлѣ“.

„Педагогическое дѣло—дѣло прежде всего живое; оно требуетъ постояннаго улучшенія и непосредственнаго наблюденія за впечатлительною, крайне подвижною дѣтскою натурою. Формальное, сухое, рутинное отношеніе прямо губить его. Оно требуетъ прежде всего любви и даже самоотреченія отъ воспитателя, руководителя юношества“.

„Но гдѣ найти такого идеальнаго воспитателя при томъ безотрадномъ общественномъ положеніи, въ которомъ онъ находится у насъ, при томъ взглядѣ на него, который установился у насъ, при столь скудно, наконецъ, оплачиваемомъ его содержаніи“!

„Прежде всего, чтобы добиться иныхъ, болѣе благоприятныхъ воспитательныхъ результатовъ отъ школы, необходимо возвысить воспитателя въ собственныхъ глазахъ и поднять престижъ его въ обществѣ, поставить его на ту нравственную высоту, на которой

онъ давно уже стоитъ въ Германіи и придать школѣ національный характеръ, теперь совершенно отсутствующій въ нашей русской школѣ, взамѣнъ существующаго у насъ космополитическаго характера ея“.

„Тогда только можно ожидать и у насъ иныхъ результатовъ, тогда только школа не только будетъ давать образованіе, но и воспитывать молодое поколѣніе и тѣмъ выполнить свою важную государственную задачу“.

Въ вышеупомянутыхъ странахъ Германіи (Баварія, Саксонія) и существующая централизація, хотя и значительно ослабленная въ сравненіи съ нашей, вызываетъ осужденіе со стороны извѣстныхъ педагоговъ, какъ-то: Гербартъ, Шлейермахеръ, Магеръ, Дёффельдтъ, Бартъ, Рейнъ и др. Всѣ эти педагоги выходятъ, конечно, изъ чисто теоретическихъ соображеній о взаимоотношеніяхъ въ дѣлѣ образованія между государствомъ, церковью, обществомъ и семьей, и стараются опредѣлить, которому изъ этихъ факторовъ должно быть предоставлено право, преимущественно предъ другими, вліянія на постановку школьнаго дѣла.

Приведу здѣсь лишь нѣкоторые заключительные выводы, къ которымъ приходитъ проф. Рейнъ въ своей педагогической статьѣ—*Schulverfassung*, помѣщенной въ VI томѣ его Педагогической энциклопедіи.

Во первыхъ, школа не должна служить исключительно интересамъ государства и церкви. Хотя то и другая сильно заинтересованы въ направленіи школы, но интересы семьи и общества въ этомъ дѣлѣ еще значительнѣе; семья и общество имѣютъ естественное право на воспитаніе и обученіе молодежи.

Во вторыхъ, школа должна быть учрежденіемъ, созданнымъ группою семей, для совместнаго воспитанія дѣтей. Такая группа семей образуетъ школьную общину.

Въ третьихъ, „всѣ школы, основанныя школьными общинами, должны быть признаваемы государствомъ за общественныя школы, а школьнымъ общинамъ должна быть предоставлена автономія“.

Значить, и Рейнъ стремится къ автономіи школы; впрочемъ, надо замѣтить, что за послѣднее время, благодаря энергичной дѣятельности школьных союзовъ, педагоги вообще въ Германіи склоняются въ своихъ симпатіяхъ и стремленіяхъ къ автономіи средней школы, но у нихъ это стремленіе, эти симпатіи основываются на теоретическихъ, педагогическихъ соображеніяхъ, а не на исключительно политическихъ, оппозиціонныхъ, *quand même* правительству, какъ у насъ въ Россіи; послѣднее исключительно оппозиціонное направленіе только еще болѣе укрѣпилось, находя себѣ естественную поддержку въ смутные 1905—1907 годы у насъ.

Когда наступило успокоеніе, наша школа была совершенно распуценна, а общество родителей совершенно деморализовано и продолжало свою глухую борьбу съ правительствомъ, играя въ оппозицію, а вовсе не побуждаемое, какъ на западѣ, педагогическими, хотя бы и неправильными принципами.

Мы видимъ, значить, что на западѣ вопросъ объ отношеніяхъ семьи къ школѣ вытекалъ изъ теоретическихъ соображеній, основывался на педагогическихъ принципахъ, хотя иногда и не одинаковой цѣнности; а у насъ въ Россіи педагоги и въ особенности родители руководствовались совершенно другими мотивами—чисто практическаго свойства, увлекаясь идеями, ничего общаго съ педагогикой не имѣющими, болѣею частью политическаго свойства, оппозиціею правительству въ школьномъ дѣлѣ, въ стремленіи создать во что бы то ни стало автономную школу.

Резюмируя все сказанное нами объ отношеніяхъ у насъ семьи къ школѣ, небезполезно будетъ отдѣльные моменты этихъ отношеній привести въ хронологическій порядокъ.

Старѣйшая гимназія основана, какъ извѣстно, въ Петербургѣ, это нынѣшняя II, Императора Александра I въ 1726 году, вторая по времени въ 1755 г.—въ Москвѣ, при Московскомъ университетѣ, а третья въ 1758 году въ Казани—нынѣшняя I-ая Императорская. Программы ихъ подвергались постоянной ломкѣ, съ 1849—1871 г. наблюдается упадокъ классицизма.

Подъ вліяніемъ революціи 1848 года начали опасаться, какъ бы изученіе республиканскихъ учрежденій Греціи и Рима не воспитало въ юношествѣ слишкомъ критическаго отношенія къ родной дѣйствительности.

По уставу 1864 года среднія учебныя заведенія стали дѣлиться на классическія и реальныя гимназіи.

Въ 1871 году, при Гр. Д. А. Толстомъ вырабатывается, какъ извѣстно, новый уставъ. Гимназіи реформируются въ строго классическія съ двумя древними языками, а реальныя гимназіи—въ реальныя училища. Съ этого-же времени, можно сказать, возникаетъ взаимное недовѣріе школы къ семьѣ; семья совершенно отстранена отъ школы, а школа выказываетъ полное равнодушіе и нетерпимость къ мнѣнію родителей. О школьныхъ вопросахъ, о ея нуждахъ запрещается высказываться въ общей прессѣ.

Шагъ къ сближенію школы съ семьей сдѣлалъ Министръ П. С. Ванновскій. Но онъ сумѣлъ только расшатать все дѣло, не успѣвъ замѣнить упраздненное чѣмъ нибудь прочнымъ, новымъ — и пробывъ очень короткое время министромъ, ктати не будучи совѣмъ подготовленнымъ къ своей трудной роли, покинулъ министерство.

Между тѣмъ общество уже привыкло критиковать

все, что дѣлалось въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, привыкло выражать явно и тайно свой протестъ противъ установленнаго школьнаго режима; оно успѣло уже подорвать авторитетъ школы въ глазахъ учениковъ, недовольныхъ предъявляемыми имъ серьезными требованіями и строгостью школьнаго режима, и подготовило, такимъ образомъ, общее недовольствіе школою; все болѣе и болѣе становилась неизбежною реформа всего среднего образованія. Тутъ, конечно, было много и социальныхъ причинъ¹⁾, которыя способствовали кризису и затрудняли его разрѣшеніе. Между тѣмъ реформа все откладывалась, а вызывающія ее причины все только еще болѣе назрѣвали; отсюда неизбеженъ былъ раньше или позже полный провалъ у насъ средней школы, чему конечно, очень способствовали „освободительные годы“.

8-го іюля 1899 года вышелъ извѣстный циркуляръ Министра Н. П. Боголѣпова, ярко обрисовывающій современную ему среднюю школу и все ея существенныя недостатки. Такъ какъ онъ въ немъ не касается отношеній семьи къ школѣ, я его здѣсь приводить не буду.

Этотъ циркуляръ Боголѣпова справедливо считается исходнымъ пунктомъ реформы нашей средней школы. Послѣ него начали собираться безчисленныя совѣщанія и комиссіи по всевозможнымъ педагогическимъ вопросамъ, между прочимъ и въ Москвѣ, тогдашній Попечитель П. А. Некрасовъ собралъ изъ мѣстныхъ педагоговъ особое совѣщаніе (участвовало до 200 чело-вѣкъ. Труды этого совѣщанія вышли потомъ въ VI выпускахъ). О немъ я говорилъ въ началѣ настоящаго изслѣдованія. На этомъ совѣщаніи въ Москвѣ въ

¹⁾ какъ то: всеобщность средней школы, отсутствіе средствъ у большинства родителей, дарованіе университетамъ правъ и т. д.

Это все-такія серьезныя причины, о которыхъ можно написать цѣлыя изслѣдованія.

1899 году была высказана мысль, о *необходимости для школы идти рука об руку съ семьей*. Приведу мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ этого совѣщанія:

„Школа безъ семьи ничего не можетъ сдѣлать“, (Михайловскій, директоръ Моск. прогимн.). „Сближеніе школы съ семьей весьма полезно для обѣихъ сторонъ и потому безусловно желательно“ (Покровский, нач. Дельвиговскаго жел.-дор. техн. учил.). „Мы отдаляемъ отъ себя семью; между нами стоятъ уставы, буква закона, параграфъ, которые насъ губятъ, разнить съ семьей. Эта рознь происходитъ въ силу историческихъ основаній, на которыхъ зиждется наша школа, какъ продуктъ правительства. Если вмѣсто любви къ дѣтямъ будетъ стоять непреклонный законъ, (какъ это существуетъ въ современной школѣ), то отношенія между семьей и школой всегда будутъ ненормальны, близости не произойдетъ“ (Боголюбовъ, учитель IV гим.). „Сношенія школы съ семьей необходимы“ (Фидлеръ, дир. частн. реального училища). „Рознь между семьей и школой существуетъ, главнымъ образомъ въ силу недоверія. Чтобы уничтожить его, школа должна сама идти на встрѣчу семьѣ и разрушить установившіяся между ними преграды“. (Любомудровъ, помощникъ директора Лицея Цесаревича Николая). „Антагонизмъ между школой и семьей коренится въ недостаткахъ школы. Съ устраненіемъ ихъ явятся и добрыя отношенія между школой и семьей“ (Державинъ, инспек. студентовъ Московскаго университета). „Существующая между школой и семьей рознь можетъ быть устранена такъ же, какъ устраняется рознь между отдѣльными людьми—близкимъ знакомствомъ. Сближеніе съ семьей будетъ содѣйствовать учебному и воспитательному дѣлу преподавателей“ (Фаминскій, инсп. V гимназій). „На первыхъ порахъ, можетъ быть, результаты сближенія школы съ родителями будутъ слабы, но дѣлать его необходимо, въ формѣ-ли собесѣдованій,

(какъ это устраиваетъ германскій педагогъ Вильманъ), или въ формѣ школьныхъ празднествъ, выставокъ. Подобные дни будутъ сближать родителей со школой, какъ центромъ культурной жизни, какъ разсадникомъ просвѣщенія“ (Михайловскій, дир. Моск. прогимназій).

Я привожу всѣ эти мнѣнія, какъ доказательство того, что интересующій насъ вопросъ сталъ къ тому времени дебатироваться въ педагогическихъ кругахъ въ Москвѣ, а это уже большой шагъ впередъ. Тому служить подтвержденіемъ и темы докладовъ, читанныхъ на этомъ совѣщаніи въ Московскомъ учебномъ округѣ въ 1899 году.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Фаминскаго—„По вопросу объ отношеніи школы къ семьѣ“.

Адольфа—„По вопросу объ единеніи семьи и школы“.

Объ этихъ двухъ докладахъ мнѣ уже приходилось въ началѣ моей настоящей работы говорить довольно подробно.

Балталона—„Отчужденность школы отъ семьи и общества и о мѣрахъ къ устраненію этого зла“.

Эйнгорна—„О причинахъ розни между школой и семьей въ связи съ вопросомъ о выпускныхъ экзаменахъ“.

Предсѣдатель совѣщанія Попечитель П. А. Некрасовъ резюмировалъ все заслушанное въ слѣдующихъ словахъ:

„Собраніе признаетъ желательнымъ сближеніе семьи и школы, которое возможно лишь на почвѣ взаимнаго признанія правъ той и другой стороны и при двухъ условіяхъ: 1) истинной педагогической постановкѣ учебнаго дѣла и воспитательнаго въ школѣ и 2) высокомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ ея преподавателей. Кромѣ того, желательно, чтобы получились и значеніе какъ директоръ съ инспекторомъ,

такъ и классный наставникъ, а равно и преподаватели. Наконецъ, признано желательнымъ освѣдомлять родителей о жизни школы отчетами, программами и другими оповѣщеніями о фактахъ школьной жизни“.

Между тѣмъ, наступилъ 1905 годъ!

Въ это трудное, революціонное время, вступаетъ въ школу, не проявившій до сихъ поръ своего существованія, новый элементъ—родителей. Вотъ та запутанная обстановка, та среда и атмосфера, при которыхъ родители впервые начали дѣйствовать въ Россіи въ школьной сферѣ, при полной своей неподготовленности, при отсутствіи настоящаго интереса къ школьнымъ, слишкомъ специальнымъ для нихъ вопросамъ, и напротивъ, при искреннемъ желаніи, по крайней мѣрѣ у громаднаго большинства изъ нихъ, выразить протестъ правительству, свести съ нимъ счеты по совершенно инымъ мотивамъ, создать ему всякія затрудненія.

Что можно было ожидать хорошаго отъ такого конфликта?

Что можно было ожидать, то и случилось. Родительскіе комитеты не только не помогли школѣ въ ея трудной, непосильной задачѣ, но еще болѣе затруднили ее.

Официальное право родителей на активное участіе въ школьномъ дѣлѣ было впервые признано за ними Высочайше утвержденнымъ постановленіемъ Совѣта Министровъ отъ 13 ноября 1905 года. Съ этого момента начинается официальная исторія „Родительскихъ комитетовъ“.

То было время, когда атмосфера была сгущена до крайности. Семья буквально „ворвалась“ въ школу, неорганизованной массой, бурная, шумливая.

Самые „Родительскіе Комитеты“ стали функционировать въ декабрѣ 1905 года и въ январѣ 1906 года. Очень скоро большинство ихъ членовъ, набросившіеся

на новое дѣло, разочаровавшись въ немъ, совершенно къ нему не подготовленные, понемногу стали отставать, манкировать на засѣданіяхъ, однимъ словомъ, потеряли почти совершенно къ нему всякій интересъ. Остались болѣе уравновѣшенные, болѣе спокойные, серьезно заинтересованные въ успѣхѣхъ дѣла. Эти послѣдніе и составили весьма рѣдкій, но желательный элементъ родителей, прочное ядро его. И дѣйствительно, нельзя не сказать, что кое-гдѣ образовались серьезные „Родительскіе комитеты“, которые ставили себѣ задачей придти на помощь школѣ, дѣйствительно заботясь о своихъ дѣтяхъ; таковы, напр., комитеты при VI С.-Петербургской гимназіи, при кронштадской мужской гимназіи и др.

Уже черезъ два года послѣ своего возникновенія „Родительскіе Комитеты“ оказались въ двусмысленномъ положеніи. Они числились на бумагѣ, на выборахъ-же почти всегда отсутствовалъ надлежащій *quorum* (правда, что и Министерство нѣсколько разъ мѣняло требуемое имъ число избирателей, для законности выборовъ, дойдя до $\frac{2}{3}$ общаго числа, въ смыслѣ предъявленія болѣе строгихъ требованій).

Наступилъ тотъ моментъ, когда успѣхъ дѣла сталъ обуславливаться личными качествами предсѣдателя Комитета и, главнымъ образомъ, директора заведенія. Я, напр., лично знаю нѣкоторыхъ директоровъ, въ С.-Петербургѣ и въ Одессѣ, у которыхъ все время существованія комитетовъ дѣло шло прекрасно и притомъ это были директора вовсе не слабые, податливые на всѣ претензіи Комитета, а наоборотъ, въ высшей степени—требовательные, но вмѣстѣ съ тѣмъ добροжелательные, имѣющіе въ виду исключительно пользу дѣла и благо ввѣреннаго имъ юношества.

Конечно, такихъ директоровъ, всегда меньшинство, къ сожалѣнію, и родителей, интересующихся благомъ дѣтей и не гоняющихся, исключительно, за

хорошими отмѣтками и за дипломомъ—тоже весьма немного.

До сихъ поръ съ благодарностью вспоминаютъ все родители, имѣвшіе дѣтей своихъ въ V С.-Петербургской гимназій, о бывшемъ ея директорѣ, нынѣ умершемъ, К. М. Блумбергѣ, бывшемъ раньше окружнымъ инспекторомъ въ С.-Петербургѣ. Онъ былъ крайне гуманный человѣкъ и чрезвычайно сердечно относился всегда къ дѣтямъ и къ ихъ нуждамъ. При немъ осуществилось настоящее единеніе семьи и школы.

Я привожу все эти примѣры, чтобы указать на возможность, хотя и рѣдкую у насъ, при настоящихъ нашихъ условіяхъ этого „единенія“.

Конечно, много вредило дѣлу почти поголовно замѣаемый абсентеизмъ родителей.

Въ началѣ учебнаго 19^{13/14} года въ Петербургскомъ учебномъ округѣ оказалось не болѣе нѣсколькихъ учебныхъ заведеній въ столицѣ и провинціи, въ которыхъ сохранились „Родительскіе Комитеты“, все остальные закрылись, за неприбытіемъ достаточнаго количества избирателей, въ виду послѣдняго циркуляра Л. А. Кассо о необходимости присутствія не менѣе $\frac{2}{3}$ числа избирателей. Такимъ образомъ, можно сказать, что, по крайней мѣрѣ въ Петербургскомъ округѣ, родительскіе комитеты умерли естественною смертию!

Чѣмъ же объяснить этотъ абсентеизмъ?

Коренная причина его, по моему, лежитъ въ полной почти неподготовленности родителей. Мы увидимъ, какъ на западѣ стараются помочь этому дефекту, уже не говоря о томъ различіи культурности нашихъ родителей учениковъ средней школы съ родителями на западѣ. Многие родители, по свойственной намъ вообще безпечности и инертности, полагаются на „Родительскіе Комитеты“, гдѣ они суще-

ствуютъ. Другіе просто стѣняются выступать въ незнакомомъ собраніи предъ начальствомъ ихъ дѣтей, которое можетъ потомъ на дѣтяхъ сорвать свое неудовольствіе и т. д.

Однимъ словомъ, причинъ этого печальнаго абсентеизма—безчисленное количество.

Итакъ мы видѣли, что идея, легшая въ основаніе организаціи „Родительскихъ Комитетовъ“—о допущеніи родителей въ школу, съ цѣлью ближе слѣдить за успѣхами и поведеніемъ дѣтей, идея сама по себѣ чрезвычайно реальная и плодотворная, по разнымъ нашимъ, чисто мѣстнымъ условіямъ, въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не оправдала возлагавшихся на нее горячихъ надеждъ. Совершенно иначе смотрять на нее и осуществляется эта идея на западѣ.

ГЛАВА VI.

Формы взаимоотношений семьи и школы на западѣ, какъ параллель къ тому, что происходило у насъ въ Россіи. Германія. Франція.

Мы до сихъ поръ разсматривали, въ какія отношенія стала семья къ школѣ въ Россіи, преимущественно же въ двухъ ея центрахъ: въ Петербургѣ и въ Одессѣ. Остановился я на этихъ городахъ подробнѣе и изложилъ, по возможности, обстоятельно положеніе дѣлъ тамъ потому, что занимая въ нихъ въ теченіе продолжительнаго времени отвѣтственный постъ—руководителя учебнаго дѣла, я могъ непосредственно слѣдить за дѣломъ и направлять его. Поэтому то сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія, какъ плодъ непосредственныхъ наблюдений, не могутъ не представлять особаго интереса для всякаго, желающаго знать истинное положеніе вещей въ это смутное время.

Считаю теперь желательнымъ въ параллель съ положеніемъ интересующаго насъ вопроса въ Россіи, разсмотрѣть его на западѣ.

Результаты различныхъ современныхъ теченій въ дѣлѣ воспитанія на западѣ обнаружили, между прочимъ, на второмъ конгрессѣ семейнаго воспитанія въ Миланѣ въ сентябрѣ 1906 года. (Интересующихся же вообще постановкою средней школы въ Италіи, отсылаю къ I тому моего сочиненія „Сборникъ статей по школьному образованію у насъ и на западѣ“, I томъ, послѣдняя статья).

Этотъ второй Миланскій съѣздъ явился дополненіемъ къ съѣзду 1905 г., состоявшемуся въ Бельгіи (въ Лиежѣ). О немъ я упомяну ниже ¹⁾.

Нужно замѣтить, что въ Италіи инициативу организацій подобныхъ съѣздовъ (международныхъ) приняла на себя италіанская „Лига семейнаго воспитанія“.

Стимуломъ, мотивомъ къ возникновенію подобныхъ съѣздовъ послужилъ все тотъ же занимающій насъ вопросъ,—дисгармонія между семьей и школой, полный разладъ между ними.

Конгрессъ, который мы имѣемъ въ виду, былъ созванъ по инициативѣ италіанскаго короля. Почетнымъ предсѣдателемъ состоялъ италіанскій Министръ Народнаго Просвѣщенія. Были представители трехъ національностей: италіанцы, французы и бельгійцы. Общее число съѣхавшихся доходило до 200 человекъ. Предсѣдателями были выбраны: каноникъ Луиджи Витали (Don Luigi Vitali) и депутатъ бельгійскаго парламента—Дельво (Delvaut). Главной почетной предсѣдательницей была, стоящая во главѣ французской національной лиги семейнаго воспитанія M-me Faure Gouan, дочь бывшаго президента французской республики Феликса Фора.

Занятія конгресса продолжались четыре дня, состояли они въ обсужденіи докладовъ на опредѣленные тезисы, поставленные организаціоннымъ комитетомъ. Языкомъ конгресса былъ выбранъ французскій и отчасти италіанскій.

Вопросы, предложенные на обсужденіе конгресса, распадаются на пять основныхъ группъ:

1) *Вопросы общаго характера*, какъ то: необходимость распространенія педагогическихъ знаній въ

¹⁾ Я пользуюсь въ данномъ случаѣ статьей Е. П. Ковалевскаго, помѣщенной въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1907 г., IV т., стр. 145 и далѣе.

семьѣ, наслѣдственность и способы въ нѣкоторыхъ случаяхъ смягчить ея вліяніе, значеніе экспериментальной психологіи, воспитаніе характера и чувства, воспитаніе воображенія, подготовка дѣтей къ правильному отношенію къ половой жизни, предразсудкамъ и суевѣріямъ, умѣніе возбудить въ дѣтяхъ чувство художественности, отношеніе дѣтей къ прислугѣ; семья, какъ подготовка къ взаимопомощи людей въ общественной жизни, физическое воспитаніе, условія воспитанія въ рабочей семьѣ, жизнь семьи въ деревнѣ.

2) *Семейное воспитаніе до школьнаго возраста* гигиена дѣтскаго возраста; воспитаніе пяти чувствъ, инстинктъ жестокости въ дѣтяхъ, ихъ занятія и игры, польза книгъ съ картинками, примѣнимость системы Фребеля къ семьѣ, развитіе наблюдательности, любви къ порядку, воспитаніе воли, искренность, ложь и страхъ у маленькихъ дѣтей, значеніе дѣтскихъ садовъ.

3) *Воспитаніе въ школьномъ возрастѣ*. Совмѣстная работа семьи и школы, установленіе между ними гармоніи, внѣшнія отношенія дѣтей къ родителямъ, поведение дѣтей дома и на улицѣ, развитіе любви къ природѣ, чтеніе въ семьѣ, требованія семьи къ школѣ, возможность проходить курсъ школы дома и сравненіе успѣшности преподаванія въ обоихъ случаяхъ.

4) *Вліяніе семьи по окончаніи школы*: главнымъ образомъ къ моменту возвращенія въ семью изъ школы. Подготовленіе къ будущей семейной жизни юношей и дѣвушекъ; вліяніе послѣ-школьнаго чтенія и романовъ на развитіе юношества.

5) *Воспитаніе отсталыхъ и ненормальныхъ дѣтей*. Этотъ отдѣлъ, конечно, чисто спеціальный и не входитъ, строго говоря, въ рамки нашего настоящаго изслѣдованія.

Изъ огромной массы, затронутыхъ здѣсь темъ, остановимъ свое вниманіе на тѣхъ, гдѣ одновременно

могутъ встрѣтиться заботы и интересы семьи и школы.

Кромѣ того, намъ лучше всего остановить наше вниманіе на тѣхъ докладахъ, которые были разработаны обстоятельно, и представляютъ оригинальные взгляды; дающіе что-нибудь новое въ педагогическомъ отношеніи. Къ числу такихъ темъ нужно отнести вопросъ о подготовкѣ дѣтей къ половому вопросу.

По этому вопросу были прочитаны на конгрессѣ два доклада: доктора Рено (Renault) и г-жи Боро (Romaine Boreux). Конгрессъ поставилъ вопросы: какъ должна семья готовить дѣтей къ полученію необходимыхъ свѣдѣній изъ этой области?

Предыдущій съѣздъ въ Люттихѣ (Liege) формулировалъ вопросъ иначе, а именно: можетъ ли школа брать на себя инициативу посвятить юношество въ интимныя стороны жизни?

Тамъ вынесли они резолюцію, что это дѣло *исключительно семьи*. Въ Миланѣ же Рено (Renault) настаивалъ на томъ, что необходимо развивать въ ученикѣ въ школѣ серьезный взглядъ: 1) на половой вопросъ вообще и на вытекающія изъ него отношенія (le respect des choses respectables) и 2) приучать его къ согласованію его поступковъ съ принципами, внушаемыми семьей. Итакъ, развивать въ нихъ—серьезное знаніе и силу воли и при томъ по возможности избѣгать дурного чтенія, дурныхъ знакомствъ для молодежи, которая могутъ испортить все дѣло; другими словами, обстановка и среда, окружающая дѣтей, должна подвергаться тщательной стерилизаціи.

Г-жа-же Боро (Romaine Boreaux) совѣтуетъ очень рано поднимать вопросы съ дѣтьми на естественно-историческія темы, постепенно переходя отъ наблюденія надъ жизнью растений къ животному царству, и наконецъ, къ жизни человѣка. Между тѣмъ, самое главное было ступеновано: какъ захватить подходящій

моментъ къ этому переходу? Вѣдь все идетъ прекрасно, пока говорятъ о растительномъ и животномъ царствѣ, и какъ все становится труднымъ, когда *переходишь къ физиологии человека*. Въ русской педагогической литературѣ извѣстны на эту тему книги г-жи Жаринцевой: „Объясненіе полового вопроса дѣтямъ“ (письмо къ нѣкоторымъ русскимъ родителямъ) и того-же автора: „Какъ все рождается“ и А. М. Калмыковой: „Задачи воспитанія въ связи съ половой жизнью“.

Но все это крайне дѣланно, неестественно, ходульно, непривычно и ненормально.

Е. П. Ковалевскій, между прочимъ, по этому же вопросу на конгрессѣ сталъ горячо *защищать совмѣстное обученіе*. Я никакъ не могу съ нимъ согласиться и пока былъ Попечителемъ, всегда принципиально протестовалъ противъ совмѣстнаго обученія какъ въ Одессѣ, такъ и въ Петербургѣ, и нигдѣ въ своемъ округѣ не допускалъ его, когда это отъ меня зависѣло.

Интересно, что, по словамъ Е. П. Ковалевскаго, конгрессъ встрѣтилъ довольно холодно идею совмѣстнаго обученія (coeducation). Ковалевскій объясняетъ это тѣмъ, что участвовали на конгрессѣ преимущественно представители романскихъ государствъ, у которыхъ совмѣстное обученіе пока еще почти не пользуется правами гражданства. Я позволю себѣ, однако, сомнѣваться, чтобы это была единственная причина. Необходимо помнить, что со стороны нашего Министерства были предприняты мѣры для изученія постановки вопроса о совмѣстномъ обученіи на западѣ. Я имѣю въ виду выводы, собранные бывшимъ Помощникомъ Попечителя Варшавскаго учебнаго округа И. В. Посадскимъ-Духовскимъ, нынѣ уже умершимъ. Выводы эти напечатаны въ его статьѣ, помѣщенной въ Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія за 1906 г. № 7

подъ заглавіемъ: „Организація средней школы въ Европѣ“.

Интересно, что Е. П. Ковалевскій, въ своемъ рефератѣ на конгрессѣ, указывая на примѣръ Россіи, единственной страны, гдѣ при средней школѣ устроены Родительскіе комитеты, самъ признается, что большинство европейскихъ педагоговъ высказываются противъ систематическаго участія семьи въ дѣлахъ школы, противъ предоставленія родителямъ права имѣть голосъ въ Педагогическомъ Совѣтѣ и т. д. Однимъ словомъ, противъ всего того, о чемъ, какъ мы видѣли, такъ ретиво хлопотали наши родители въ Россіи въ описываемые нами годы.

Е. П. Ковалевскій, въ качествѣ докладчика на Миланскомъ конгрессѣ, познакомилъ его съ положеніемъ дѣла въ Россіи; онъ отъ себя прибавилъ въ отчетѣ: „къ сожалѣнію, я не могъ сообщить ничего особенно поучительнаго и достойнаго подражанія о прошлгодней дѣятельности родительскихъ комитетовъ“. Съ этимъ нельзя не согласиться.

Въ заключеніе своего доклада Е. П. Ковалевскій приводитъ общіе выводы, касающіеся дѣятельности Родительскихъ комитетовъ за все время ихъ существованія въ Россіи.

Онъ дѣлитъ всѣ учебныя заведенія, при которыхъ существовали Родительскіе Комитеты въ 1905—1906 годахъ, на три группы:

1) Первая группа—заведенія, гдѣ Родительскіе Комитеты очень широко поняли свою задачу и, „пользуясь“, признается Е. П. Ковалевскій, „растерянностью начальства въ періодъ забастовки, захватили почти все управленіе школой въ свои руки“.

Относительно этой группы Е. П. Ковалевскій, не желая особенно яркими красками рисовать предъ международною аудиторіей картины (объ этомъ достаточно ярко написано у меня) неурядицы и нелѣпицы

(съ точки зрѣнія не только педагогической, но и просто здраваго смысла), которыя происходили въ школахъ этой группы, указать только на пестрый составъ родительскихъ собраній, вслѣдствіе чего эти собранія часто обращались въ *политическіе митинги*, которые пытались *захватнымъ правомъ* передѣлать программы, упразднить дисциплину и провести автономію средней школы“.

Эта характеристика дѣятельности Родительскихъ комитетовъ вполне достойнымъ образомъ была оценена членами II-го Миланскаго конгресса и вызвала ихъ справедливое негодованіе.

2) Вторая группа—заведенія, гдѣ родители стремились внести свои взгляды и вліяніе въ жизнь школы, устраивали комиссіи и подкомиссіи, но директора отымали у нихъ инициативу реформъ и право предлагать тѣ или иные вопросы къ обсужденію.

3) Третья группа—преимущественно частныя учебныя заведенія, гдѣ авторитетъ директоровъ былъ настолько великъ, что никакихъ Родительскихъ комитетовъ не возникало, а созывались только собранія родителей для совмѣстной бесѣды.

Еще одинъ вопросъ интересовалъ членовъ Миланскаго конгресса,—вопросъ объ интересѣ родителей къ школьной жизни дѣтей. Было констатировано большое равнодушіе къ нимъ.

Представительница Франціи г-жа Kirqomard сообщила, что въ школѣ новаго типа въ Парижѣ (Ecole Alsacienne), гдѣ обучался ея сынъ, было разрѣшено родителямъ посѣщать уроки и слѣдить за преподаваніемъ, посѣщая ежемѣсячно репетиціи. Единственною матерью, воспользовавшеюся этимъ правомъ, оказалась она, но въ скоромъ времени сынъ ея просилъ ее не посѣщать больше школы, такъ какъ это вызываетъ шутки, насмѣшки со стороны его товарищей по классу.

Остается открытымъ вопросъ, какъ пробудить

интересъ родителей къ школѣ, какъ заставить ихъ проникнуться убѣжденіемъ, что, отдавая своихъ дѣтей въ школу, они не снимаютъ съ себя отвѣтственности за ихъ развитіе; какъ, однимъ словомъ, добиться единенія семьи и школы. Бельгійцы, напр., доказывали, что школа призвана учить не однихъ дѣтей, но и родителей, что семья просвѣщается черезъ школу.

Изъ всѣхъ западныхъ странъ Португалія пошла дальше всего въ неправильномъ толкованіи отношеній семьи къ школѣ. Тамъ Родительскіе комитеты состоятъ изъ родителей и учащихся. Они постановили сократить программы, изгнать изъ нихъ всѣ трудные предметы и преподаваніе поставили подъ контроль самихъ учениковъ. Дальше идти, очевидно, нельзя. Результатомъ, конечно, полное невѣжество учениковъ.

Резолюція этой III-ей секціи конгресса (вопросы воспитанія въ *школьномъ возрастѣ*) была собрать возможно полныя свѣдѣнія о томъ, что было предпринято до сихъ поръ во всѣхъ культурныхъ странахъ по вопросу о совмѣстной работѣ школы и семьи.

Считаю небезинтереснымъ въ заключеніе моего сообщенія о второмъ Миланскомъ конгрессѣ передать о работахъ его по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ и куреніемъ, съ дефектами, которые и въ современной русской школѣ сильно даютъ себя чувствовать.

Сѣздъ обратилъ вниманіе на обстоятельный докладъ доктора Цезаря Ру (César Roux). Послѣдній собралъ богатый матеріалъ на основаніи научныхъ изслѣдованій и практики врачей всего міра, доказывающій, какое роковое вліяніе имѣетъ опьяненіе родителей при зачатіи ребенка. Не менѣе строго смотритъ докторъ Ру на куренье.

Остановимся на извѣстномъ опытѣ Бертильона, сдѣланномъ въ 50-хъ годахъ въ Политехнической школѣ въ Парижѣ. Изслѣдуя степень способности къ

усиленной умственной работѣ учащихся, онъ нашелъ, что изъ наиболѣе успѣвающихъ курили только шесть человѣкъ, а изъ плохо занимающихся—все, изъ 40 неокончившихъ школу 38 были завязанные курильщики.

Интересно, что конгрессъ гигиенистовъ въ Женевѣ въ 1896 году предлагалъ бороться съ куреніемъ двоякимъ образомъ: воспитывать въ опредѣленномъ духѣ будущихъ преподавателей и издавать соотвѣтствующіе циркуляры и правила (запретительные).

За границей въ настоящее время приняты слѣдующія мѣры борьбы съ куреніемъ:

Въ Бельгіи, съ разрѣшенія министерства, разосланы къ учителямъ народной школы особые воззванія, афиши противъ куренія. Эти воззванія развѣшаны по классамъ.

Въ Швеціи запрещено курить въ школахъ и просить родителей слѣдить за этимъ и дома.

Въ Америкѣ въ штатахъ Нью-Йорка и Огіо закономъ запрещено ученикамъ курить.

Въ Англійскій парламентъ внесенъ проектъ закона, угрожающаго штрафомъ всѣмъ, продающимъ табакъ малолѣтнимъ (до 16 лѣтъ). Но, по мнѣнію доктора Gonzalis'a, очень трудно ввести въ сознание толпы весь вредъ отъ куренія, въ особенности для дѣтей.

Къ Миланскому конгрессу примыкало еще собраніе международной комиссіи конгрессовъ „Семейнаго воспитанія и союзовъ родителей“ (Commission internationale des congrès d'éducation familiale et de la fédération des parents et d'éducateurs). Оно имѣетъ въ виду способствовать общенію и совмѣстной работѣ международныхъ и національных конгрессовъ по воспитанію.

Значеніе этихъ конгрессовъ неоспоримо!

Разсматривая вопросъ объ отношеніи семьи къ школѣ на западѣ, остановимся главнымъ образомъ на опытѣ тѣхъ странъ, общественная и педагогическая жизнь которыхъ мнѣ извѣстна по личнымъ наблюде-

ніямъ, т. е. на Германіи и Франціи. Кромѣ того, формы отношеній семьи и школы въ этихъ странахъ для насъ особенно интересны и по слѣдующимъ соображеніямъ.

Германія.

Въ Германіи установилось уже взаимное довѣріе между обществомъ и школой, поэтому интересно знать и тѣ формы, въ которыхъ проявляется это довѣрчивое взаимообщеніе семьи и школы. Опытъ Франціи интересенъ для насъ потому, что отношенія (часто враждебныя) семьи и школы тамъ сильно напоминаютъ наши.

Въ какихъ же формахъ выражается единеніе семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣтей въ Германіи?

Въ самомъ началѣ моего настоящаго изслѣдованія я указывалъ на такъ называемыя „Вечернія собранія родителей“ (Elternabende) въ Гамбургѣ. Докладъ о нихъ помѣщенъ въ педагогическомъ журналѣ „Pädagogische Reform“.

Кромѣ этихъ собраній, гдѣ читаются рефераты (теоретическіе) о воспитаніи, устраиваются собранія родителей по классамъ, на которыхъ обсуждаются практическіе вопросы, имѣющіе въ виду интересы каждаго ученика въ отдѣльности и при помощи родителей вырабатываются мѣры и способы вліянія на отдѣльныхъ учениковъ. Устраиваются родительскіе кружки при школѣ, родительскіе и школьные союзы, состоящіе изъ родителей и учителей данной школы. Все это—отдѣльныя, разрозненныя попытки къ сближенію семьи съ школой, требующія всякій разъ особаго утвержденія высшей администраціи.

Въ прошломъ, 1912 году, собрался въ Германіи общегерманскій педагогическій союзъ для обсужденія

темы: „Права родителей на школу“. Необходимо здѣсь замѣтить, что въ Германіи эти взаимныя отношенія школы и семьи приняли совершенно особый, локальный характеръ, свойственный одной только Германіи. Въ нихъ отразилась существующая рознь между сѣверною, протестантскою, Германіею и южною—клерикальною, католическою, но также и отчасти и евангелическою, или, вѣрнѣе,—отразился споръ между правительствомъ и церковью. Права родителей на школу всегда поддерживались въ Германіи церковью, которая, опираясь на святость родительской власти, возставала противъ усиливающагося государственнаго характера школы. Приверженцы церкви стояли за подчиненіе школы корпоративному союзу семей одинаковаго вѣроисповѣданія, объединившихся для совместнаго образованія своихъ дѣтей. Замѣтимъ, что возникшіе у насъ въ Петербургѣ, Москвѣ и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ „церковные союзы“ при нѣмецкихъ церквахъ, при которыхъ впослѣдствіи открылись учебныя заведенія—мужскія и женскія (напр., въ С.-Петербургѣ—Анненское, Петропавловское, Екатеринское, въ Кіевѣ—Св. Екатерины, въ Одессѣ—Св. Павла) имѣютъ одинаковое со своими западными сестрами происхожденіе. Еще въ 1859 году „Евангелическій школьный листокъ“ высказываетъ слѣдующую мысль: „школа должна быть, насколько возможно, тѣснѣе соединена съ семьей и по возможности основана и ведена въ духѣ и характерѣ семьи. Она прежде всего является вспомогательнымъ учрежденіемъ при родительскомъ домѣ“.

Права родителей въ школѣ выводятся изъ того положенія, что „дѣти—прямая собственность родителей и только родителей, такъ какъ—они плоть отъ плоти и кость отъ костей ихъ“. (Клерикальный писатель Ранге).

Въ противоположность ему, свободомыслящая учи-

тельская корпорація этому взгляду, конечно, не сочувствуетъ. Она говоритъ:

„Школа нашего времени—существенный элементъ государства; это народный элементъ и контроль надъ нимъ долженъ быть порученъ людямъ изъ народа. Весь народъ (а не родители) долженъ принимать участіе въ управленіи школой“. „Народъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, какъ разрѣшается великій вопросъ настоящаго времени—вопросъ о народной школѣ“.

Такъ смотритъ нѣмецкій народъ на школьный вопросъ. Этотъ взглядъ на право населенія участвовать въ управленіи школой проведенъ и въ германскомъ школьномъ законѣ 1870 г., по которому выборные училищные совѣты имѣютъ большое значеніе въ управленіи народными школами. Правда, въ послѣднее время эти выборныя учрежденія утратили свое значеніе; правительство взяло въ свои руки управленіе народной школой, сознавая совершенно вѣрно, какую громадную культурную силу оно выпустило-бы изъ рукъ, теряя основной фундаментъ всего образованія въ странѣ, если-бы оно передало это руководство народной школой въ руки выборныхъ учреждений. Къ сожалѣнію, у насъ этого не сознавали и потому допустили эту крупную, для государственности, ошибку, передавъ почти всецѣло народное образованіе въ руки земства. Министерство, допустивъ эту ошибку, выпустило изъ рукъ весь фундаментъ народного образованія въ странѣ. Ошибка,—теперь уже непоправимая, послѣдствія которой даютъ себя и будутъ давать себя чувствовать еще долго.

Все пререканія съ земствомъ относительно все большихъ прерогативъ, которыя оно себѣ постоянно отвоевываетъ въ школьной сферѣ отъ правительства, берутъ свое начало отъ этой коренной ошибки. Народное образованіе, самое важное и серьезное для

государства, вырвано у правительства у насъ навсегда!

Въ Германіи-же училищная корпорація, не довольная рѣшительностью и послѣдовательностью правительства въ его руководящемъ направленіи, стала выражать стремленія сблизиться съ обществомъ, съ семьей. Стали раздаваться голоса въ пользу привлеченія родителей къ работѣ въ школы; въ такомъ смыслѣ высказались, между прочимъ, Шлезвигскій учительскій союзъ на съѣздѣ въ Лаудонѣ въ 1893 году, Макленбургъ-Шверинскій союзъ въ 1904 году тоже высказался за участіе родителей въ школьномъ совѣтѣ.

На общегерманскомъ съѣздѣ въ Страсбургѣ въ 1912 году извѣстный педагогъ *проф. Паульсенъ* высказался слѣдующимъ образомъ: „учителя и родители—это силы, которыя должны работать, помогая другъ другу. Для учителей, для государства школа—политическое орудіе,—другимъ, родителямъ она предоставляетъ заботу о внѣшнемъ благосостояніи, объ удовлетвореніи матеріальныхъ нуждъ. Здѣсь тотъ шагъ-баумъ, который отдѣляетъ другъ отъ друга два воззрѣнія на школу, взглядъ власти имущихъ отъ взгляда общества“. „И чѣмъ больше—прибавляетъ Кохъ, докладчикъ на томъ же съѣздѣ,—чѣмъ больше школа выходитъ изъ прежнихъ тѣсныхъ своихъ рамокъ на свѣтъ и просторъ, тѣмъ яснѣе чувствуется необходимость перебросить со стороны школы мостъ къ другому берегу дѣтскаго міра—къ родительскому дому“.

Отсюда—рѣдкое единодушіе нѣмецкихъ педагоговъ въ этомъ вопросѣ. Учительскія корпораціи всѣхъ разрядовъ школъ въ Германіи горячо защищаютъ принципъ участія родителей въ школьной работѣ. Родители учениковъ средней школы представляютъ, конечно, болѣе благоприятный матеріалъ по своему культурному развитію, чѣмъ родители учениковъ низ-

шей школы, будучи допущены въ школьныя сферы. Нѣкоторые ревнители этой идеи предлагаютъ давать родителямъ возможность принимать участіе въ составленіи даже учебныхъ плановъ, въ выборѣ учебниковъ и проч. Другіе, напротивъ, значительно суживаютъ ихъ полномочія опредѣленіемъ количества домашнихъ работъ (такъ какъ злоупотребленіе ими отрываетъ учениковъ отъ домашняго очага) вопросомъ, о выборѣ учебниковъ исключительно съ точки зрѣнія матеріальныхъ расходовъ, но, во всякомъ случаѣ, необходимость участія родителей въ дѣлахъ школы признается почти повсемѣстно въ Германіи, тѣмъ болѣе въ такихъ общихъ вопросахъ, какъ половой вопросъ, вопросъ о спортѣ, о самоубійствахъ учащихся и др.

Съ цѣлью большаго сближенія семьи и школы устраиваются литературно-музыкальные вечера. Но такія случайныя собранія, по мнѣнію того-же докладчика Коха, не имѣютъ серьезнаго значенія. Гораздо полезнѣе постоянныя собранія, при чемъ вопросы, подлежащіе обсужденію, должны быть изложены въ систематическомъ порядкѣ, въ извѣстной системѣ.

Но рядомъ съ этимъ вездѣ раздаются жалобы на неподготовленность многихъ родителей къ обсужденію слишкомъ педагогическихъ, специальныхъ вопросовъ; это является главнымъ препятствіемъ на западѣ къ осуществленію совмѣстной работы семьи и школы.

Тезисы, къ которымъ пришелъ съѣздъ въ Гамбургѣ, слѣдующіе:

1) „Изъ требованія органической связи между семьей и школой вытекаетъ необходимость организаціи школьныхъ обществъ, состоящихъ изъ родителей и учителей, и классныхъ собраній родителей“.

2) „Школьныя общества возникаютъ на основѣ свободного стремленія къ совмѣстной работѣ родителей и учителей данной школы“.

На нихъ допускается безпрепятственное, но без-

личное обсужденіе всѣхъ вопросовъ школьнаго обученія и воспитанія. Результаты этихъ обсужденій представляются вышней инстанціи школьнаго управленія, „какъ матеріалъ“.

3) „Особенныя потребности въ педагогической работѣ надъ отдѣльными учениками вызываютъ необходимость родительскихъ собраній по классамъ. Эти собранія ведутъ къ болѣе тѣсному сближенію между естественными и поставленными государствомъ воспитателями каждаго отдѣльнаго ребенка. Они укрѣпляютъ стремленіе къ совмѣстной работѣ школы и семьи“.

Однако, не вездѣ въ Германіи одинаковы отношенія семьи и школы.

Изъ интересной статьи извѣстнаго педагога въ Петербургѣ, директора католической гимназіи при церкви Св. Екатерины Цыбульскаго, помѣщенной въ июльской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1906 г., озаглавленной „*Организація средней школы въ Европѣ*“, мы получаемъ свѣдѣнія объ участіи родителей въ дѣлахъ школы въ различныхъ странахъ западной Европы. Ограничимся здѣсь пока только разсмотрѣніемъ этого вопроса въ южной Германіи. Мы увидимъ, что въ различныхъ частяхъ Германіи смотрятъ на этотъ вопросъ различно.

Такъ, по наблюденіямъ директора Цыбульскаго, въ *Баваріи* родители учениковъ, какъ таковые, сами по себѣ не участвуютъ въ постановкѣ учебнаго дѣла. „Родительскихъ вечеровъ“ или подобныхъ совѣщаній между учителями и родителями не существуетъ. Сношенія между родителями и школою сводятся къ сношенію ихъ съ директорами (Rector) и классными наставниками (Ordinarius) въ опредѣленные часы (Sprechstunden). Объясняется такой порядокъ вещей въ Баваріи тѣмъ, что родители мало понимаютъ педагогическіе интересы и потому ихъ голосъ въ этихъ вопросахъ мало представляетъ интереса.

Пресса часто относится враждебно къ школьнымъ порядкамъ, критикуя даже весь учебный строй, обыкновенно по побужденію недовольныхъ родителей.

Въ Хемницѣ (Саксонія) родители не имѣютъ права принимать участіе въ дѣлахъ и организаціи школы. По мнѣнію саксонскихъ педагоговъ, спрашивать у родителей ихъ пожеланія и мнѣнія относительно веденія преподаванія не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ это дало-бы только бесполезную и на практикѣ непримѣнимую смѣсь всевозможныхъ требованій и претензій.

Печать относится къ школѣ въ Саксоніи скорѣе сочувственно.

Такое же отношеніе замѣчается и въ самомъ *Берлинѣ*; въ послѣднее время въ печати уже появляются статьи, рекомендующія устройство „родительскихъ вечеровъ“ (Elternabende), какъ лучшее средство для осуществленія болѣе тѣсной связи между семьей и школой.

Въ *Австріи* (въ *Вѣнѣ*) родители не допускаются къ участію въ школьной жизни. На „родительскихъ вечерахъ“ ¹⁾ родители допускаются по особымъ приглашеніямъ, съ цѣлью выясненія для нихъ общепедagogическихъ и методическихъ вопросовъ, причемъ пренія не допускаются.

Мѣстные газеты выпускаютъ періодично приложенія „*Unterrichtszeitungen*“, посвященныя учебнымъ вопросамъ. По мнѣнію австрійскихъ педагоговъ, крайне желательно, чтобы родители не имѣли никакого вліянія на постановку и направленіе учебнаго дѣла, въ виду невозможности для педагоговъ выполнить часто совершенно противорѣчивыя желанія родителей, принадлежащихъ къ разнообразнымъ общественнымъ классамъ. Надо, впрочемъ, здѣсь прибавить, что нигдѣ въ Европѣ

¹⁾ На такомъ вечерѣ я присутствовалъ въ *Вѣнѣ* въ гимназіи Mariahilf.

нѣтъ такихъ разнообразныхъ типовъ средней и промышленной школъ, какъ въ Австріи, такъ что родители могутъ вполне свободно выбрать подходящий для нихъ типъ учебнаго заведенія.

Звеномъ между семьей и школой въ Австріи служитъ парламентъ, куда и обращаются родители съ своими пожеланіями. Тѣмъ не менѣе Elternabende съ вышеупомянутыми функціями и Elternconferenzen сдѣлались почти регулярнымъ явленіемъ въ Австріи. Въ большемъ ходу тамъ пріемные часы въ учебныхъ заведеніяхъ (sprechstunden), въ которые родители могутъ получить всѣ интересующія ихъ свѣдѣнія о дѣтяхъ отъ директора и класныхъ наставниковъ.

Вотъ свѣдѣнія по этому вопросу, полученные директоромъ Цыбульскимъ отъ директора гимназіи въ Линцѣ (Linz Oberösterreich).

Организація средняго образованія въ Германіи рѣзко отличается отъ организаціи его въ другихъ странахъ.

Ближайшее наблюденіе за средними учебными заведеніями принадлежитъ, такъ называемымъ, провинціальнымъ или окружнымъ училищнымъ комиссіямъ (Provinzial-Schulkollegien), существующимъ въ каждой изъ тринадцати провинцій или округовъ, на которые дѣлится Пруссія (Бранденбургъ, Поммеранія, Познань, Ганноверъ, Вестфалія и т. д.).

Правительственныя учебныя заведенія не подлежатъ какому-либо контролю со стороны мѣстныхъ выборныхъ властей; они состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи вышеупомянутыхъ училищныхъ комиссій и Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но и учебныя заведенія, содержимыя городами, находятся внѣ контроля мѣстныхъ властей во всемъ, что касается ихъ внутренняго строя. Городъ такимъ образомъ не можетъ слѣдить за ходомъ учебнаго дѣла, не можетъ уменьшить своихъ ассигнованій на школу, не можетъ

дѣлать какихъ-либо измѣненій въ составѣ предметовъ преподаванія, не можетъ вводить того или другого учебника... Однимъ словомъ, главная привиллегія города и вмѣстѣ съ тѣмъ и единственная въ завѣдываніи школой—заключается въ томъ, что городъ платитъ деньги.

Частныя учебныя заведенія должны во всемъ сообразоваться съ требованіями правительства. Мѣстный школьный комитетъ основываетъ школу, снабжаетъ ее всѣми пособіями, устанавливаетъ нормы жалованья для учителей (ни въ такомъ случаѣ, однако, не ниже жалованья учителей правительственныхъ учебныхъ заведеній), выбираетъ директора и учителей, но все это—съ вѣдома и согласія правительства. Этимъ ограничиваются права городскихъ школьных комиссій.

Мы видимъ, значить, что система эта въ Германіи—строго консервативная, правительство не выпускаетъ школы изъ рукъ, хорошо сознавая всю ея важность и значеніе для культуры страны.

Считаю нужнымъ еще прибавить, что единеніе между семьей и школой въ Германіи—полное. Я уже упомянулъ выше, что въ Германіи это единеніе основано на традиціи, на томъ, что изъ поколѣнія въ поколѣніе, отцы, дѣти, внуки проходятъ черезъ ту же школу, и долго, по окончаніи курса, не разрываютъ этой нравственной связи съ нею, они преисполнены уваженія и признательности къ ней, сохраняютъ культъ школы въ семьѣ.

Говорить здѣсь вообще о средней школѣ въ Германіи, считаю излишнимъ. О ней можно такъ много сказать, такъ много уже сказано, между прочимъ и въ моемъ другомъ, тоже упомянутомъ педагогическомъ сочиненіи, что развивать дальше эту тему здѣсь считаю невозможнымъ.

При разсмотрѣніи интересующаго насъ вопроса о

солидарности семьи и школы въ Германіи, нужно признать, что тутъ мы приходимъ къ гораздо болѣе утѣшительнымъ выводамъ, чѣмъ въ Россіи и, какъ мы увидимъ ниже, во Франціи.

Прослѣдимъ же за тѣмъ, какъ распредѣлили между собою обязанности эти два фактора—семья и школа, что беретъ на себя школа и что вполнѣ представляетъ она вѣдѣнію семьи?

Тутъ то, при внимательномъ изученіи этого вопроса, наглядно выступаетъ громадная роль, выпадающая въ Германіи на долю семьи въ дѣлѣ воспитанія.

И надо сознаться, что нѣмецкая семья гордится тамъ этой отвѣтственной ролью, старается по возможности, добросовѣстно выполнить ее и тѣмъ внушаетъ и учебному начальству извѣстное къ себѣ довѣріе и твердое убѣжденіе въ томъ, что родители въ интересахъ своихъ дѣтей будутъ съ нею солидарны и всегда будутъ поддерживать авторитетъ школы. Только при прочно установившихся подобныхъ отношеніяхъ между семьей и школой и возможно ожидать успѣшнаго воспитательнаго вліянія отъ школы, такого вліянія, которое простирается далеко за предѣлы школьнаго возраста.

Напрасно думаютъ у насъ, что нѣмецкая школьная дисциплина уже заранѣе все предусмотрѣла, что ученикъ тамъ двигается, какъ автоматъ, оупутанный со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ количествомъ дисциплинарныхъ правилъ, лишающихъ его всякой возможности проявить свою личность, какъ ученика.

Изучивъ обстоятельно этотъ вопросъ на мѣстѣ, я, напротивъ, могу вполнѣ категорически заявить, что нигдѣ ученикъ средней школы не пользуется такою большою сравнительно свободою, какъ въ Германіи.

Возможна-же это относительная свобода тамъ отъ того, что въ Германіи *семья сама воспитана* и потому мо-

жетъ оказывать воспитательное вліяніе на своихъ дѣтей-учениковъ школу и внушать имъ, прежде всего, столь присущій нѣмецкой школѣ духъ дисциплины и порядка, повиновенія старшимъ и уваженія закона, какъ-бы исполненіе его ни было стѣснительнымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Во всѣхъ посѣщенныхъ мною средне-учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности въ большихъ городскихъ центрахъ въ Германіи, какъ сѣверной, такъ и южной, какъ напр.: Берлинъ, Гамбургъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Кельнъ, Мюнхенъ, Штутгартъ въ бесѣдахъ съ директорами я убѣждался, что учебное начальство совершенно отказывается и не пытается даже имѣть какой-бы то ни было надзоръ за своими воспитанниками внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, въ виду затруднительности и даже прямо невозможности этого надзора, предоставляя его всецѣло родительской власти.

Даже практикующееся у насъ посѣщеніе учениковъ классными наставниками на дому у частныхъ лицъ, получившихъ разрѣшеніе на помѣщеніе у себя учениковъ средней школы и у ихъ родственниковъ, совершенно изъято изъ нѣмецкой школьной практики. Подобная мѣра шла-бы въ разрѣзъ съ бытовыми правами нѣмецкой семьи.

Школа въ Германіи не только не находитъ въ семьѣ и обществѣ вѣчнаго критика и предвзятаго противника всѣхъ проводимыхъ ею педагогическихъ принциповъ и всего ея внутренняго строя, но напротивъ, можетъ вполнѣ разсчитывать на серьезную, вполнѣ сознательную поддержку семьи и на полную солидарность во всѣхъ принципиальныхъ вопросахъ.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ легко работать школѣ и достигать хорошихъ и утѣшительныхъ воспитательныхъ результатовъ.

Конечно, подобное единеніе семьи и школы находится въ полной зависимости отъ *степени культуры самого*

общества, прошедшаго само черезъ эту школу и самаго проникнутаго его идеалами. Насколько мы еще далеки отъ такой культуры!

Въ нѣмецкой средней школѣ семья играетъ не только первенствующую роль въ вопросѣ о надзорѣ за учениками „внѣ стѣнъ заведенія“, но и исключительную. Родители постоянно обращаются за содѣйствіемъ къ школѣ, за различными указаніями, которыя они ожидаютъ отъ начальства учебнаго заведенія, касающимися поведения и успѣховъ ихъ дѣтей и сами въ свою очередь немедленно сообщаютъ начальству о всѣхъ малѣйшихъ отступленіяхъ ихъ дѣтей отъ нормальной школьной дисциплины. Родители сами наблюдаютъ за приготовленіемъ уроковъ ихъ дѣтьми и за количествомъ употребляемаго на это времени.

Это обстоятельство очень характерно и назидательно, но, конечно, прежде всего предполагаетъ полную правдивость со стороны родителей и искреннее желаніе ихъ придти на помощь школѣ въ ея трудной задачѣ и работать совмѣстно съ нею.

Для бесѣдъ родителей съ директоромъ и съ классными наставниками—единственно возможное и самое вѣрное средствъ—поддерживать связь между семьей и школой, установлены опредѣленные часы пріема родителей „sprechstunden“.

Насколько родители не только не считаютъ нужнымъ скрывать что бы-то ни было, касающееся ихъ дѣтей, отъ учебнаго начальства, но напротивъ, держать его въ курѣ всего, касающагося умственнаго и нравственнаго развитія своихъ дѣтей, можно, между прочимъ, заключить изъ одного эпизода, сообщеннаго мнѣ директоромъ Maximilian гимназіи въ Мюнхенѣ.

Отецъ явился въ гимназію и сообщилъ классному наставнику того класса, гдѣ учился его сынъ, что послѣдній читаетъ запрещенную книгу для учениковъ Häschel'a-Die Welträthsel“, совершенно недоступную

его развитію и могущую вредно на него дѣйствовать. У насъ, навѣрное, родители постарались бы скрыть такой фактъ отъ учебнаго начальства.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію нашего вопроса во Франціи, къ существующей по этому вопросу литературѣ, дополнивъ ее личными наблюденіями.

Франція.

Въ республиканской Франціи во главѣ всего учебнаго дѣла стоитъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, который является отвѣтственнымъ передъ Палатою и Сенатомъ.

Непосредственное направленіе дѣла народнаго образованія принадлежитъ тремъ, такъ называемымъ директорамъ начальнаго средняго и высшаго образованія, всецѣло подчиняющимся Министру (Directeur de l'enseignement primaire, secondaire et superieur).

Вся Франція дѣлится на 16 учебныхъ округовъ, имѣющихъ во главѣ своего попечителя (Vice Recteur de l'Académie). Большую роль во Франціи играетъ Совѣтъ при Министрѣ (Conseil superieur de l'instruction publique).

Онъ состоитъ изъ 13-ти назначаемыхъ Президентомъ Республики членовъ, по представленію Министра, и 43-хъ, избираемыхъ педагогическимъ персоналомъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Онъ вѣдаетъ чисто педагогическими вопросами, юридическими, административными, какъ послѣдняя инстанція.

Попечительскіе Совѣты имѣютъ тѣ же функціи, какъ и у насъ, за тѣмъ исключеніемъ (весьма существеннымъ), что они не вѣдаютъ учебными дѣлами. Но все это только на бумагѣ. Въ дѣйствительности же Совѣтъ при министрѣ собирается только два раза въ году; дѣятельныхъ членовъ всего 15, исключительно назначаемыхъ Министромъ—они и ведутъ все дѣло. Самые вопросы, подлежащіе его обсужденію, назначаются къ слушанію Министромъ. Результатомъ является, конечно, невозможность для выборныхъ членовъ проявить свою самостоятельность.

Въ Попечительскихъ Совѣтахъ происходитъ тоже самое. Итакъ, мы видимъ, что и во Франціи участіе въ дѣлѣ воспитанія и образованія представителей общества только кажущееся. А между тѣмъ надо прибавить, что нигдѣ, какъ во Франціи, такъ сильны административныя традиции. То, что введено было чуть не при Наполеонѣ I, остается неизблѣмымъ и до сихъ поръ. Это, конечно, имѣетъ свою хорошую и весьма худую стороны.

Интересно мнѣніе предсѣдателя извѣстной парламентской комиссіи Рибо (Ribo), произведшаго запросъ (enquête sur l'enseignement secondaire) въ 1899 году; (весь матеріалъ этой комиссіи изданъ въ пяти томахъ in quarto), о состояніи средняго образованія во Франціи, причемъ запрошены были все сословія, учебныя заведенія, торговыя палаты, представители различныхъ обществъ, судъ, духовенство, однимъ словомъ, вся Франція. Рибо въ своемъ докладѣ говоритъ между прочимъ тоже объ излишней регламентаціи и централизаціи, пустившихъ столь глубокіе корни во Франціи въ учебномъ дѣлѣ.

Онъ начинаетъ свой докладъ слѣдующими словами: „Поменьше централизаціи, поменьше бюрократизма, побольше свободы!“ вотъ всеобщее желаніе, какъ это выяснилось въ теченіе занятій въ „комиссіи“. Централизація учебнаго дѣла отнимаетъ жизнь у средней школы (лицеевъ).

Однако, за послѣднія десять лѣтъ эта централизація еще болѣе усилилась. У директоровъ лицеевъ отняты послѣдніе слѣды инициативы.

Жалобы на централизацію раздаются изъ всехъ учебныхъ округовъ, изъ всехъ лицеевъ. Въ отношеніи организаціи и хода учебнаго дѣла—свобода директора и учителей сведена къ почти нулю.

Извѣстный историкъ Лависъ (Lavissee), давая показанія передъ „комиссіей“, заявилъ, что по его мнѣ-

нію, „слѣдовало бы поднять авторитетъ директора и учебнаго заведенія, которому долженъ помогать и котораго долженъ контролировать совѣтъ сотрудниковъ по обученію и воспитанію дѣтей“.

Но этого въ дѣйствительности осуществить нельзя, такъ какъ все заранѣе урегулировано министерскими распоряженіями и циркулярами, все заранѣе установлено неизблѣмо—часы вставанія воспитанниковъ, занятій, весь распорядокъ школьной жизни. Въ одинъ и тотъ же часъ во всехъ французскихъ лицеяхъ воспитанники встаютъ, ложатся, обѣдаютъ, отдыхаютъ; такимъ образомъ, до мелочей все урегулировано и нѣтъ мѣста для малѣйшей педагогической инициативы и нигдѣ эта регламентація не достигаетъ такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ во Франціи.

Другой педагогъ, бывшій министръ Народнаго Просвѣщенія — Леонъ Буржуа (Bourgeois) указываетъ на то, что „при настоящихъ условіяхъ руководитель школы, заваленный работой по составленію отчетовъ, донесеній и справокъ въ центральное управленіе, обращается въ чиновника, которому рѣшительно некогда слѣдить за успѣхами учениковъ, за ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ“.

Наконецъ, нынѣшній Президентъ Французской республики, бывшій также Министромъ Народнаго Просвѣщенія—Пуанкаре считалъ желательнымъ „привлекать къ лицеямъ мѣстныя симпатіи, давая возможность оказывать вліяніе на мѣстныя учебныя заведенія разнымъ мѣстнымъ муниципальнымъ и генеральнымъ совѣтамъ, торговымъ палатамъ и также обществамъ бывшихъ воспитанниковъ даннаго заведенія“.

Итакъ мы видимъ, что и во Франціи жалуются на излишнюю централизацію и на неподвижность въ учебномъ управленіи, которая нигдѣ такъ не чувствуется, какъ во Франціи, на всеокрушающую силу

школьныхъ традицій, не допускающихъ никакихъ реформъ въ школѣ. Особенно дѣлается это замѣтнымъ по сравненію французскаго воспитанія съ англійскимъ.

Я не желалъ бы подробно входить въ разсмотрѣніе англійскаго воспитанія, такъ какъ я самъ никогда въ Англіи не былъ и не могъ лично провѣрить имѣющійся въ литературѣ матеріаль.

Поэтому ограничимся самыми краткими указаніями, взятыми мною изъ интересной книги нѣкоего Лерклерка, озаглавленной „Воспитаніе и общество въ Англіи 1899 г.“.

По его наблюденіямъ, „семья и школа въ Англіи дѣйствуютъ вполне солидарно, они стремятся подготовить дѣтей къ жизни полной труда, борьбы, всякихъ случайностей. Тамъ прежде всего закалываютъ ребенка, дѣлаютъ его сильнымъ, выносливымъ, а затѣмъ уже вырабатываютъ въ немъ характеръ и вообще личность, которая знаетъ чего хочетъ, и сумѣетъ провести свои намѣренія въ жизнь, довести до конца всякое дѣло“.

Что чрезвычайно важно, въ Англіи, по наблюденіямъ знакомыхъ съ ея школьными порядками—*воспитаніе никогда не отдѣляется отъ образованія*. Въ англійскихъ школахъ дѣтямъ предоставляютъ очень много свободы и самостоятельности, съ ними обращаются, какъ со взрослыми; полагаются на ихъ слова и общанія, пока они не нарушены, но въ то же время, требуютъ отъ нихъ со всей строгостью исполненія ихъ обязанностей.

Въ противоположность англійской, французская школа не только не исправляетъ недостатковъ домашняго воспитанія, но еще усиливаетъ ихъ своимъ строемъ.

Французская школа оберегаетъ учениковъ отъ всякаго соприкосновенія съ жизнью, подвергаетъ дѣ-

тей однообразному суровому режиму: она подавляетъ въ нихъ собственные желанія, проявленія собственной личности, развиваетъ въ нихъ только послушаніе. Она въ концѣ концовъ выпускаетъ ихъ совершенно неподготовленными къ жизни.

Маневрье, бывшій воспитанникъ казеннаго интерната, писалъ въ 1881 году:

„Ни въ нашихъ общественныхъ, ни въ нашихъ частныхъ школахъ не существуетъ такой системы воспитанія, которая могла бы вырабатывать гражданъ. Все въ нихъ какъ бы скомбинировано, чтобы убивать инициативу, энергію. Продержавъ ребенка восемь или десять лѣтъ взаперти, связавъ его по рукамъ и ногамъ, доведя его до полной неспособности дѣйствовать и управлять самимъ собою, мы вдругъ, на томъ основаніи, что онъ сдѣлался бакалавромъ, отворяемъ кѣтку и выпускаемъ его на волю“.

Знаменитый Тэнъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Les origines de la France contemporaine“ указывалъ на постоянно возрастающее несоотвѣтствіе между школой и жизнью.

Густавъ Лебонъ (Le Bon) находитъ, что, современная французская школа виновата въ томъ, что имѣется такое количество невѣрно направленныхъ умовъ, раздраженныхъ, неудачниковъ, неизбежно являющихся опасными врагами воспитавшаго ихъ общества, безхарактерныхъ, безвольныхъ, не предприимчивыхъ, неспособныхъ что-либо предпринять, безъ покровительства со стороны государства“. (Густавъ Лебонъ: „Психологія воспитанія“).

Все эти недостатки современной французской школы были отмѣчены „Парламентскою Комиссіею“ 1899 года и реформа 1902 года обратила серьезное вниманіе на воспитательную сторону. Еще Бутру (Boutroux) въ Парламентской Комиссіи высказывалъ, что „физическаго воспитанія совершенно нѣтъ во

французской школѣ“. Что-же съ тѣхъ поръ сдѣлано?

Введена гимнастика по два часа въ недѣлю, военныя упражненія и стрѣльба въ цѣль. Но все это вводится крайне медленно и нельзя судить о постановкѣ физическаго воспитанія по министерскимъ инструкціямъ. Общее мнѣніе самихъ французовъ, что физическое воспитаніе далеко еще неудовлетворительно.

Даже въ гигиеническомъ отношеніи школа поставлена плохо, въ особенности въ провинціи, даже въ такихъ городахъ, какъ Ліонъ, Марсель. Зданія часто преобразованы изъ бывшихъ, упраздненныхъ монастырей—классы маленькіе, темные, содержатся очень грязно. Клозеты необыкновенно грязные, первобытнаго устройства, безъ водопровода, таковы и старые лицеи въ Парижѣ, но есть, конечно, и новые, вполне удовлетворительные.

Въ данномъ случаѣ насъ всего болѣе интересуетъ нравственное воспитаніе. Главною задачей для народной школы во Франціи является воспитаніе будущаго гражданина. Такая же задача ставится и средней школѣ.

Въ министерскомъ декретѣ говорится: „Высшая цѣль образованія—воспитаніе. Первый долгъ учителя—развивать въ ученикѣ умственные и нравственные качества, возбуждать инициативу и энергію, которыя готовятъ человека и гражданина“.

Все это было принято къ исполненію на конгрессѣ 1902 года.

Извѣстный педагогъ Гастонъ Рувье въ своихъ публичныхъ лекціяхъ ¹⁾ въ Упсалѣ въ 1903 году „о французской школѣ“ представляетъ это дѣломъ, уже совершившимся во Франціи.

Въ годовыхъ отчетахъ французскихъ лицеевъ

¹⁾ Gaston Rouvier. „L'enseignement public en France au début du XX siècle“. Stockholm. 1905.

Henri IV, Louis XIV, St.-Louis говорится, что „воспитаніе является предметомъ постоянныхъ заботъ всей учебной администраціи“. Но по мнѣнію многихъ педагоговъ во Франціи, это все значитъ до сихъ поръ только на бумагѣ; въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ далеко не такъ идеально и вотъ почему. Въ основѣ учебныхъ предметовъ лежитъ курсъ морали. Но какъ проходитъ этотъ курсъ?

Большая часть уроковъ, назначенныхъ на этотъ предметъ, проходитъ въ приготовительныхъ классахъ, соответствующихъ начальной школѣ; въ самомъ же лицей уроки морали проходятъ только въ IV кл., всего одинъ урокъ въ недѣлю, и за симъ входитъ мораль, какъ составная часть, въ курсъ философіи. Но что представляетъ изъ себя этотъ самый курсъ морали?

Большую частью—проповѣдь банальныхъ истинъ, такъ же хорошо извѣстныхъ ученику, какъ и учителю, такимъ образомъ этотъ курсъ морали обращается въ сводъ формальныхъ правилъ, заучиваемыхъ наизусть, потерявшихъ всякій интересъ для учениковъ и лишенныхъ всякаго моральнаго на него воздѣйствія.

Въ главѣ лицея стоитъ его директоръ—Proviseur. Въ его вѣдѣніи находится какъ учебная, такъ и хозяйственная часть. На основаніи устава, онъ долженъ наблюдать за школьною жизнью во всѣхъ частяхъ заведенія и въ интернатѣ (о немъ поговоримъ отдѣльно). Онъ предсѣдательствуетъ въ педагогическомъ и хозяйственномъ совѣтахъ, ведетъ всю дѣловую переписку въ канцеляріи. Онъ обязанъ слѣдить за ходомъ преподаванія, принимаетъ просителей и самъ даетъ нѣкоторые уроки.

Замѣтимъ при этомъ, что французскіе лицеи крайне многолюдны (до 1500 уч. и болѣе, такъ какъ случается, что въ учебномъ заведеніи бываетъ тройной составъ классовъ). Очевидно, что не хватитъ силъ самаго энергичнаго и добросовѣстнаго человека для выпол-

ненія всѣхъ этихъ многочисленныхъ и сложныхъ обязанностей директора.

На обязанности лица, называемаго *senseur* (нашъ инспекторъ), лежитъ специальное наблюденіе за поведеніемъ интерновъ, за ихъ жизнью въ интернатѣ, за успѣшнымъ ходомъ ихъ занятій. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаетъ и за экстернами, обязательно присутствуетъ въ столовой и въ спальняхъ воспитанниковъ, сопутствуетъ имъ во время прогулокъ и рекреаций. Въ его вѣдѣніи находятся, кромѣ того, бібліотека и научныя коллекціи, принадлежащія заведенію.

Спрашивается: какое вліяніе можетъ такой *senseur* оказывать на каждого ученика, когда ихъ, какъ, напр., въ лицей *Louis le grand*,—1400 человекъ?

Очевидно, его свѣдѣнія относительно каждого воспитанника могутъ быть только весьма поверхностныя и исключительно заимствованныя изъ штрафного и класнаго журналовъ, въ которыхъ ежедневно дѣлаются отмѣтки объ успѣхахъ и проступкахъ воспитанниковъ. Тутъ не можетъ быть рѣчи о нравственномъ вліяніи, между тѣмъ, оно-то было бы прежде всего желательно.

Наконецъ, какова роль воспитателей? (*maîtres d'études*). Въ *maîtres d'études*, поступаютъ или молодые люди въ ожиданіи другой, лучшей, должности, въ надеждѣ, что они въ свободное время въ состояніи будутъ готовиться къ предстоящимъ экзаменамъ; слѣдовательно, люди, не окончившіе еще полного курса образованія, не обладающіе никакою педагогическою опытностью, мысли которыхъ сосредоточены на дальнѣйшихъ экзаменахъ и на приготовленіи часто къ совершенно иной карьерѣ; или же воспитательскія мѣста занимаютъ люди старые, давно несущіе трудную и неблагоприятную обязанность дежурства въ многочисленномъ интернатѣ и давно желающіе покинуть эту обузу, но не покидающіе ее единственно влѣдствіе

полной невозможности заработать себѣ кусокъ хлѣба инымъ путемъ.

Это-ли желательные типы воспитателей юношества?

Большинство *maîtres d'études*, внутренне сознавая свое полное безсиліе передъ шаловливою, своевольною, вѣчно рѣзвою и бойкою толпою мальчиковъ, самыхъ разнообразныхъ характеровъ и наклонностей, довольствуется формальнымъ исполненіемъ того, что отъ нихъ требуется начальствомъ, а именно, заботятся лишь о томъ, чтобы ихъ воспитанники не шумѣли въ классахъ и спальняхъ, ходили стройными рядами и проч. Они держатъ себя по возможности далеко отъ своихъ питомцевъ, наказываютъ ихъ какъ можно чаще и такимъ образомъ замѣняютъ здоровое воспитаніе чисто внѣшнею дисциплиною.

Самыя наказанія налагаются не сообразно со степенью проступка, а лишь для удержанія этой массы въ повиновеніи. Часто воспитатель намѣренно закрываетъ глаза на такой проступокъ воспитанника, который весьма для него пагубенъ, но не оказываетъ вліянія на его товарищей и, напротивъ того, даже легкій проступокъ, могущій вліять на другихъ воспитанниковъ, наказуется весьма строго. Тутъ, такъ сказать, политическія соображенія постоянно берутъ верхъ надъ нравственными.

Большинство воспитателей въ французскихъ лицеяхъ какъ будто забываетъ ту основную идею здоровой педагогики, что слѣдуетъ прежде всего дѣйствовать на хорошую сторону характера каждого воспитанника, что нужно уметь вызывать дремлющія въ немъ лучшія свойства души и уметь направлять ихъ на пользу какъ ему самому, такъ и ближнимъ. Вмѣсто того, чтобы нравственно вліять на питомцевъ бесѣдой и примѣромъ, вмѣсто того, чтобы изучать ихъ характеръ, ихъ слабыя и хорошія стороны, воспитатели ограничиваются формальнымъ исполненіемъ своихъ обязан-

ностей и думаютъ, что испорченную дѣтскую натуру можно исправить одними наказаніями.

Да, наконецъ, они поставлены въ фактическую невозможность поступать иначе, при многолюдности интерната.

Бываютъ, разумѣется, и тутъ исключенія, бываютъ такіе рѣдкіе воспитатели, которые и при столь печальномъ порядкѣ вещей успѣваютъ своимъ высоконравственнымъ авторитетомъ возбудить въ массѣ учениковъ хорошія стремленія и своимъ нравственнымъ обаяніемъ привязываютъ къ себѣ сердца своихъ питомцевъ, но эти случаи крайне рѣдки и по своей исключительности никакъ не могутъ спасти дѣло воспитанія въ интернатахъ.

Лучшимъ показателемъ взгляда французовъ на воспитаніе служитъ интернатъ и широкое его распространеніе во Франціи. Во Франціи смотрятъ на интернатъ, какъ на отличную подготовительную школу къ жизни.

Тамъ убѣждены, что это кажущееся равенство между всѣми воспитанниками пріучаетъ ихъ въ послѣдствіи къ справедливости, вырабатываетъ въ нихъ характеръ, пріучаетъ къ дисциплинѣ и проч.

Изъ всѣхъ заслугъ, приписываемыхъ интернату, вѣрно только послѣднее. Дѣйствительно, ученики проходятъ въ немъ тяжелую школу; внѣшняя дисциплина дѣйствительно дѣйствуетъ вездѣ, но только внѣшняя.

Равенство же, которое будто-бы существуетъ между всѣми воспитанниками,—чисто кажущееся. Не надо забывать, что и въ этомъ маленькомъ обществѣ юншей немедленно образуются различныя группы—богатыхъ и бѣдныхъ, сильныхъ и слабыхъ и тутъ опять таки, какъ и вездѣ, первые живутъ на счетъ вторыхъ, эксплуатируютъ ихъ всячески. Эгоистическія чувства быстро развиваются: болѣе слабые во всемъ должны

подчиниться сильнѣйшимъ; самая жизнь интерната ведетъ къ такимъ отношеніямъ.

Между тѣмъ, въ число интерновъ поступаютъ всѣ дѣти извѣстнаго возраста изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, со всѣми наклонностями и привычками выросившей ихъ среды; естественно, что они приносятъ съ собою не одни только хорошія свойства характера.

Среди большинства, конечно, хорошаго элемента воспитанниковъ, въ каждомъ интернатѣ всегда попадаютъ и испорченныя натуры, которыя своимъ вліяніемъ заражаютъ другихъ, а не наоборотъ. Такимъ образомъ, ребенокъ, за которымъ дома наблюдали во всѣ глаза, предупреждали всякую возможность общенія его съ другими товарищами, строго слѣдили за его чтеніемъ, попадаетъ въ лучшіе годы своего дѣтства въ интернатъ, въ общество товарищей, представляющихъ такую разнообразную смѣсь, изъ котораго онъ навѣрное не выйдетъ тѣмъ, какимъ онъ вошелъ туда; и слава Богу, если онъ выйдетъ оттуда, не утративъ всѣхъ тѣхъ неоцѣнимыхъ задатковъ добра, которыми надѣлила его природа и материнское вліяніе. Удивительно-ли, что многіе изъ такихъ интерновъ вступаютъ въ жизнь, уже на половину надломанными, уже утративъ тѣ идеалы добра и правды, которые одни только возвышаютъ человѣка?

Весьма пагубно дѣйствуетъ на молодую, воспримчивую душу ребенка то недовѣріе къ юношеству, которое возведено въ интернатѣ въ принципъ. Вѣчно находясь въ подозрѣніи у воспитателя, не отходяшаго отъ него ни на шагъ, ученикъ постепенно привыкаетъ смотрѣть на него, какъ на заклятаго своего врага. Отсюда у него является желаніе во что-бы то ни стало обмануть или провести его, при чемъ развивается необыкновенный духъ солидарности среди воспитанниковъ.

Между учениками и начальствомъ заведенія завязывается скрытая борьба. Ученики съ раннихъ лѣтъ воспитываютъ въ себѣ духъ оппозиціи; все, что предписывается начальствомъ, становится имъ ненавистнымъ.

Извѣстно, какъ разыгрываются большинство этихъ школьных волненій. Ежегодно въ томъ или другомъ интернатѣ происходятъ волненія, принимающія болѣе и менѣе острый характеръ. Часто требуется вмѣшательство полицейской власти, но правительство не предпринимаетъ ничего для удаленія причинъ, вызывающихъ такіа аномальныя явленія.

Интернатъ до того вошелъ въ нравы и обычаи французовъ, до того сдѣлался у нихъ необходимымъ условіемъ средняго образованія, что безъ всякаго сомнѣнія не могъ не имѣть громаднаго вліянія на самый характеръ французскаго образованія. Въ продолженіе болѣе столѣтія лица принимаютъ въ свои стѣны дѣтей младшаго возраста и, продержавъ ихъ здѣсь въ годы отрочества и юношескаго возраста, возвращаютъ своихъ питомцевъ обществу съ сформировавшимся уже отчасти характеромъ, на которомъ несомнѣнно отразились впечатлѣнія, вынесенныя изъ закрытой школы.

Интернатъ искусственнымъ образомъ привить Франціи реформами Наполеона I. Его цѣлью было создать учебныя заведенія, въ которыхъ воспитывалось бы юношество въ непоколебимой вѣрѣ въ могущество идеи императорской власти, всегда готовое защищать этотъ принципъ въ общественной жизни.

Наполеону стоило большихъ трудовъ наполнить вновь созданныя лица. Приходилось прибѣгать къ энергическимъ мѣрамъ. Появился рядъ декретовъ, запрещающихъ открытіе частныхъ пансіоновъ, таковъ, напр., декретъ 19 ноября 1811 года, предписывавшій, чтобы директора частныхъ пансіоновъ отнюдь не дер-

жали у себя дѣтей старше девяти лѣтъ, если имѣются свободныя вакансіи въ пансіонахъ правительственныхъ учебныхъ заведеній того-же города. Или декретъ 18 января 1811 года, запрещающій преподавателямъ (professeurs) принимать къ себѣ на жительство болѣе двухъ воспитанниковъ.

Такими мѣрами правительство мало-по-малу добилося того, что его учебныя заведенія съ интернатами стали наполняться. Правительство и послѣ паденія первой имперіи, несмотря на различіе своихъ оттѣнковъ и своей политики, держалось той-же системы преслѣдованія всякой частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія. Оно всячески поощряло увеличеніе интернатовъ при лицеяхъ и открывало стипендіи при нихъ, награждало директоровъ заведеній съ интернатами.

И до сихъ поръ французы не могутъ себѣ представить средняго учебнаго заведенія безъ пансіона при немъ. Въ 1882 году былъ открытъ въ Парижѣ новый лицей Janson de Sailly для 400 интерновъ, обошедшійся по официальнымъ даннымъ въ 11 милліоновъ франковъ. Прототипомъ французскихъ интернатовъ послужили школы, открытыя Іезуитскимъ орденомъ, въ которыхъ католическое духовенство дѣйствительно управляло духомъ и тѣломъ своихъ питомцевъ.

Совершенно иначе поставлено дѣло воспитанія въ Германіи. Тамъ вошло въ обычай уже очень давно помѣщать дѣтей, не могущихъ почему-либо оставаться дома, въ частныя семейства, которыя изъявляютъ желаніе принять къ себѣ нѣсколько пансіонеровъ, или къ одному изъ преподавателей или воспитателей даннаго заведенія. Это обходится родителямъ обыкновенно недорого и такіе пансіонеры становятся какъ-бы членами той семьи, куда ихъ помѣстили. Весьма часто при этомъ отношеніи, возникшія между воспитанникомъ и пріютившею его семьей, сохраняются на всю жизнь.

Дѣти въ свободное отъ занятій время присутствуютъ въ домашнемъ кругу своего учителя, принимаютъ участіе въ общемъ разговорѣ, съ интересомъ прислушиваются къ разсказамъ его объ интересующихъ его вопросахъ науки или о томъ, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку. Они такимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ приучаются къ серьезной бесѣдѣ въ семейной средѣ; это постоянное общеніе съ интеллигентными людьми, часто даже съ людьми науки, несомнѣнно дѣйствуетъ на молодежь развивающимъ образомъ. Если воспитатель, принявшій къ себѣ нѣсколькихъ воспитанниковъ, дѣйствительно любитъ молодежь и обладаетъ даромъ понимать ее и быть ею понятимъ, такой воспитатель можетъ въ широкой мѣрѣ оказывать нравственно-педагогическое вліяніе на своихъ питомцевъ, можетъ изучить ихъ характеръ, вести бесѣды съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно и такимъ образомъ дѣйствительно направлять его развитіе.

Часто въ лѣтнее или осеннее время устраиваются маленькія экскурсіи, большею частью пѣшкомъ въ окрестности. Они предпринимаются съ различными цѣлями: ботаническими, геологическими и проч., и служатъ еще больше средствомъ къ общенію воспитателя съ его питомцами. Въ свою очередь ученики при такомъ воспитаніи приучаются къ домашней, семейной жизни, которой они лишены въ собственной семьѣ, съ раннихъ лѣтъ сталкиваются со всеми жизненными заботами, выпадающими на долю средней по состоянію семьи, приобретаютъ такимъ образомъ нѣкоторый жизненный опытъ.

Если по рожденію ученикъ принадлежитъ къ средѣ болѣе высокой и въ матеріальномъ отношеніи болѣе обеспеченной, чѣмъ та среда, въ которую онъ попадаетъ, то время юношества, проведенное имъ въ этой скромной средѣ, можетъ быть для него только благотворнымъ, а въ большинствѣ случаевъ мальчикъ весьма

рано приучается и свыкается съ той средой, въ которой ему придется вращаться впоследствии. Во всякомъ случаѣ онъ приучается къ обществу, къ женскому элементу въ семьѣ; это заставляетъ его подтянуться, держать себя прилично, сдерживаться во многихъ отношеніяхъ.

Если число воспитанниковъ въ такихъ домашнихъ пансіонахъ доходитъ до 12, 15 человѣкъ, является необходимость въ особомъ устройствѣ помѣщенія.

Въ помощники къ воспитателю выбирается одинъ изъ старшихъ учениковъ, внушающій довѣріе своимъ характеромъ и поведеніемъ. Дисциплина отъ этого только выигрываетъ. Извѣстно, что лучшее средство придать ученику консервативное направленіе, это облечь его нѣкоторою властью надъ товарищами.

Такое воспитаніе, конечно, осуществимо только при высокомъ нравственномъ уровнѣ нѣмецкаго педагогического персонала, при твердомъ сознаніи имъ долга и святости его воспитательскихъ обязанностей.

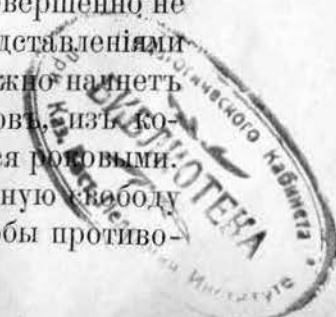
Я нарочно привелъ въ параллель обѣ системы воспитанія—французскую и нѣмецкую, чтобы яснѣе выступало все ихъ различіе.

Лично не могу не отдать предпочтенія нѣмецкой системѣ, которая послѣ воспитанія семейнаго, въ кругу собственной семьи, является самою желательною, разумѣется, при наличности добросовѣтнаго воспитательскаго состава.

Жизнь въ интернатѣ не можетъ не оставить весьма нежелательныхъ слѣдовъ на французскомъ абитуриентѣ.

Выращенный въ школьной теплицѣ, совершенно не подготовленный къ жизни, съ наивными представленіями о самыхъ обыденныхъ вещахъ, онъ неизбѣжно найдетъ жизнь цѣлымъ рядомъ ошибокъ и промаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ для него оказаться роковыми.

Попавъ въ житейскій водоворотъ на полную свободу и не имѣя достаточно силы характера, чтобы противо-

стоять могущимъ возникнуть житейскимъ соблазнамъ, такой абитуриентъ легко отдается жизненному потоку и неизбежно поддается запретнымъ удовольствіямъ— вотъ обычный результатъ режима французскаго интерната.

Закончимъ его характеристику мнѣніемъ о немъ проф. Sourian. Въ своей статьѣ „L'Education intellectuelle“, напечатанной въ мартовской книжкѣ за 1909 г. журнала „L'Education“-Sourian указываетъ на громадное значеніе для учениковъ внѣкласснаго времяпрепровожденія. „Оно имѣетъ для духовнаго развитія ученика не меньшее значеніе, чѣмъ самые уроки. Въ этомъ случаѣ среда, въ которой вращается ученикъ, играетъ прервенствующую роль, и чѣмъ она интеллигентнѣе, тѣмъ болѣе онъ развивается“.

Sourian, между прочимъ, всегда поражался разницей между фizioноміями интерна и экстерна во французскихъ лицеяхъ.

„Экстернъ имѣетъ обыкновенно лицо болѣе одушевленное, взглядъ болѣе живой. Когда онъ окончить свои часы уроковъ и войдетъ въ жизнь, онъ совершенно осваивается съ ней и вращается въ ней свободно, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ никогда отъ нея не отрывался“.

„Интернъ, напротивъ, ведетъ искусственную жизнь, тѣсную, удаленный отъ міра, не имѣя другого общества, кромѣ дѣтей своего возраста. Никто ему ничего не говоритъ о внѣшнемъ мірѣ. Самый одаренный умъ не можетъ противиться вліянію этого монастырскаго режима, этого умственнаго одиночества, роковымъ образомъ онъ притупится. Интернъ лишенъ нормальныхъ возбудителей умственной активности. Поэтому слишкомъ часто можно видѣть на его фizioноміи нѣкоторую тупость, видъ разсѣянной скуки, угрюмаго равнодушія, которое показываетъ, что чего-то недостаетъ въ его жизни; и что всего печальнѣе, это характерное

выраженіе встрѣчается особенно у учениковъ самыхъ трудолюбивыхъ, самыхъ преданныхъ школьной работѣ, у тѣхъ, которые идутъ во главѣ класса“.

За послѣднее время, подъ вліяніемъ англійской педагогической литературы, число интерновъ во Франціи уменьшается.

Во Франціи ученики лишены всякой самостоятельности, за ними, въ разрѣзъ съ англійскими порядками, вѣчно наблюдаютъ, а гдѣ это не практикуется, случаются изъ ряда вонъ событія.

Такъ до сихъ поръ памятно и сообщено было въ Парламентской Комиссіи, какъ директоръ лицея Chaglemagne былъ приговоренъ къ штрафу 5000 франковъ за то, что одинъ изъ его воспитанниковъ во время игры поранилъ себѣ руки, просунувъ ихъ сквозь оконное стекло.

При первой же попыткѣ выйти изъ строгой регламентаціи, равно обязательной для всѣхъ школъ Франціи, разнесся бы вопль родителей и вмѣстѣ съ нимъ застонала бы вся пресса. Сдѣланъ былъ бы запросъ Министру Народнаго Просвѣщенія, который изъ страха быть смѣщеннымъ, принужденъ былъ бы возстановить старые порядки.

Перейдемъ теперь къ положенію интересующаго насъ вопроса объ отношеніи семьи къ школѣ во Франціи.

Католическое духовенство, надо признаться, всегда прекрасно понимало вліяніе семьи на школу и въ католическихъ школахъ всегда поддерживалась живая связь школы съ семьей.

Не то до послѣдняго времени бывало въ правительственныхъ школахъ.

Докладчикъ по бюджету Министерства Народнаго Просвѣщенія депутатъ Бужъ указывалъ на это еще въ 1896 году.

„Между преподавателями средней школы“, говорить

Бужь, „и семьями ихъ учениковъ и самими учениками не существуетъ достаточной близости. Преподаватель приходитъ, когда начинается урокъ, уходитъ тотчасъ по его окончаніи. Урокъ конченъ, и онъ считаетъ свое дѣло сдѣланнымъ“.

Въ 1903 году журналъ „Bulletin de l'enseignement secondaire de l'académie de Toulouse“, издающійся въ Тулузѣ, устроилъ анкету среди преподавательскаго персонала и родителей города Тулузы по вопросу о сотрудничествѣ семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія и собралъ по этому вопросу соотвѣтствующій матеріалъ.

Извѣстно, что новая реформа среднего образованія во Франціи въ 1902 году, раздѣлила каждый классъ средней школы на нѣсколько секцій (параллелей). Это дѣлаетъ необходимымъ болѣе тѣсное сотрудничество педагоговъ и родителей.

Въ свою очередь этотъ вопросъ соприкасается съ другимъ вопросомъ—о примиреніи правъ ребенка, отца и общества.

Объ этомъ трактуется въ сочиненіи „Paul Crouzet—„Maitres et Parents“, Paris, стр. 4. Colin.

Вообще, можно сказать, что единеніе семьи со школой проявляется очень туго во Франціи, отчасти вѣдѣствіе индифферентнаго отношенія родителей къ этому вопросу. Между тѣмъ къ педагогамъ привыкли предъявлять слишкомъ высокія требованія, выполнить которыя, какъ обыкновенные люди, они не въ состояніи.

Ко всему этому присоединяется еще свойственное вообще французскимъ педагогамъ нежеланіе пускаться въ учебныя заведенія постороннихъ лицъ—въ результатъ вмѣсто ожидаемаго единенія, гораздо чаще происходитъ раздраженіе и разладъ, которые не могутъ не дѣйствовать нежелательнымъ образомъ на молодежь.

Все-же органическая, естественная связь между семьей и школой, несмотря на всѣ препятствія, которыя противопоставляетъ ей сама жизнь, крѣпнеть за по-

сѣднее время во Франціи, и крѣпнеть она не по распоряженію Министерства, а исключительно по почину отдѣльныхъ лицъ и обществъ.

Вотъ въ чемъ выражается эта связь.

Учебныя заведенія берутъ на себя обязанность увѣдомлять родителей объ успѣхахъ ихъ дѣтей разъ въ двѣ недѣли, два раза въ мѣсяцъ. Независимо отъ этого каждые три мѣсяца посылаются родителямъ бюллетени о поведеніи, успѣхахъ, здоровьи каждаго ученика, всего этого прежде не было.

Въ интернатахъ Министерскій циркуляръ отъ 20 октября 1902 года предписываетъ каждые три мѣсяца производить измѣреніе вѣса каждаго ученика, его роста, ширины груди и т. д.

При отклоненіи отъ нормы, онъ подвергается особому медицинскому осмотру, родители о результатахъ его оповѣщаются, а также о каждомъ особо важномъ, выдающемся поступкѣ ученика. Замѣчаются также усиленные сношенія родителей съ директорами за послѣднее время. Эти личныя сношенія, конечно, служатъ лучшимъ средствомъ общенія семьи со школой.

Даже отдѣльные преподаватели назначаютъ отдѣльные часы для бесѣдъ съ родителями. Объ этомъ упоминаетъ и циркуляръ окружныхъ инспекторовъ отъ 1904 года. Онъ гласитъ слѣдующее: „Очень желательно, чтобы съ самаго начала года родители знали точно, гдѣ и когда они могли-бы сноситься съ преподавателемъ, котораго они должны имѣть возможность видѣть-или у него дома, или въ лицѣ по крайней мѣрѣ разъ въ двѣ недѣли“.

Но главнымъ препятствіемъ для начальства индивидуальному воспитанію юношества во Франціи служитъ чрезмѣрное многолюдство лицеевъ и переполненность классовъ, (есть лица въ Парижѣ, обладающіе двумя тысячами учениковъ и болѣе).

Во избѣжаніе слишкомъ общихъ распоряженій,

касающихся всей массы учениковъ, нѣкоторые директора обращаются къ родителямъ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ (questionnaires) относительно ихъ дѣтей, особенностей и склонностей, а также недостатковъ ихъ.

Такой запросъ былъ сдѣланъ, напр., въ 1903 году въ началѣ учебныхъ занятій директоромъ Collège Uzès относительно вновь поступившихъ учениковъ, при чемъ изъ 60 обращеній, на 55 получены были обстоятельные отвѣты.

Въ 1904 году на конгрессѣ преподавателей средне-учебныхъ заведеній принято было предложеніе приглашать родителей на первый урокъ въ учебномъ году, когда преподаватель выясняетъ свой методъ преподаванія, тогда онъ выясняетъ родителямъ какого рода помощь съ ихъ стороны желательна, (преимущественно относительно, конечно, младшихъ классовъ).

Такой опытъ былъ сдѣланъ директоромъ провинціального лицея въ Lons le Saunier, но родители неохотно откликнулись на этотъ призывъ.

Вообще во Франціи школа бережно охраняется отъ постороннихъ глазъ. Для посѣщенія ея необходимо заpastись, даже официальному лицу, разрѣшеніемъ министра и Попечителя (Vice Recteur de l'Académie), безъ формального разрѣшенія которыхъ никто не допускается во французскую школу какого-бы то ни было наименованія.

Во Франціи „Родительскіе комитеты“, въ томъ видѣ, какъ они образовались у насъ, не встрѣчаютъ сочувствія. Педагоги опасаются, чтобы эти комитеты, вмѣсто сотрудничества, не стали-бы новымъ начальствомъ для нихъ, кромѣ обычнаго, законнаго.

За послѣднее время около школы во Франціи образуются цѣлыя общества, которыя объединяютъ стремленія родителей установить болѣе тѣсную связь со школой и оказывать на нее нѣкоторое вліяніе. Таковы, напр. (привожу ихъ французскія названія): „Ligue des

médecins et des familles pour l'amélioration de l'hygiène physique et intellectuelle dans les lycées“ „Union des associations d'anciens élèves des lycées“.

Въ первомъ изъ нихъ больше врачей, чѣмъ лицъ иныхъ профессій, а во второмъ—не все родители учились сами въ томъ-же лицей и потому не могутъ входить въ число членовъ этого общества. Они оказываютъ матеріальную поддержку бывшимъ ученикамъ, выдаютъ награды и стипендіи бѣднѣйшимъ, для поѣздки за границу.

Общества, преслѣдующія подобныя цѣли, состоящія при низшихъ школахъ, носятъ названія: „Cercles de parents, éducateurs“, или общества, имѣющія цѣлью матеріальную поддержку школы — „Sou des écoles“ „Patronage“ и т. д.

Еще два слова о положеніи нашего вопроса въ провинціи во Франціи. Конгрессъ преподавателей средней школы (septième Congrès des professeurs de l'enseignement secondaire), собравшійся въ 1904 году, занялся между прочимъ вопросомъ о связи между лицеемъ и семьей. Его давно уже поднимали въ университетскихъ центрахъ, но скорѣе со стороны преподавателей, чѣмъ со стороны родителей, которые вообще относятся въ провинціи скорѣе равнодушно къ школьнымъ вопросамъ, не то, что въ Германіи.

Одинъ изъ преподавателей провинціального лицея (Bove) разослалъ родителямъ своихъ учениковъ подробный запросъ (questionnaire) о физическомъ, умственномъ состояніи ихъ дѣтей, получилъ обстоятельные отвѣты. Установилась подробная и дѣльная переписка между нимъ и родителями, указывающая, что подобныя темы начинаютъ интересовать мѣстное общество.

Въ Греноблѣ преподаватели высказались противъ вмѣшательства семьи въ дѣла школы.

Мотивируютъ они свое постановленіе тѣмъ, что опасаются вліянія родителей, какъ въ большинствѣ

случаевъ слабыхъ людей, находящихся въ свою очередь подъ вліяніемъ своихъ дѣтей.

Парижскій конгрессъ рѣшилъ, что слѣдуетъ приглашать родителей вмѣшиваться въ дѣла лица, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы это не отражалось ни на преподаваніи, ни на дисциплинѣ. Слѣдуетъ устраивать „приемы“ (*causeries*), на которыхъ сходились-бы преподаватели и родители.

Другіе предлагаютъ приглашать родителей на первые уроки въ году, гдѣ даются общія указанія и совѣты. Осуществить это, однако, очень трудно, въ виду тѣсноты помѣщенія большинства старыхъ лицеевъ.

Большинство стояло за устройство „раутовъ“, на которыхъ сходились-бы и тѣ и другіе; одновременно высказывались и противъ концертовъ и театральнхъ представленій съ участіемъ учениковъ, какъ берушихъ много у нихъ времени отъ учебныхъ занятій. Самое подходящее это *fêtes champêtres*.

Вотъ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось получить по этому вопросу изъ провинціальной Франціи.

Нашъ очеркъ о современномъ положеніи средней школы во Франціи былъ-бы неполонъ, если-бы мы не коснулись здѣсь особаго, свойственнаго только Франціи, учрежденія, которымъ она отличается отъ всѣхъ прочихъ культурныхъ странъ. Это специфическое учрежденіе, можно сказать, калѣчащее всю постановку у нея среднего образованія, есть „*Concours général*“. Къ его организациі мы теперь и переходимъ.

Но чтобы понять ее, мы должны начать съ организациі переходныхъ экзаменовъ.

Эти переходные экзамены носятъ во Франціи совершенно своеобразный характеръ.

Они существуютъ, какъ бы только на бумагѣ, въ дѣйствительности же они—мертвая буква, такъ какъ обычаемъ установлено, что ученики, каковы бы ни были ихъ познанія, по окончаніи полного курса въ одномъ

классѣ, непремѣнно переходятъ въ слѣдующій—старшій. Результатомъ этой мѣры бываетъ то, что въ старшемъ классѣ (*classe de philosophie*) оказываются такіе ученики, которымъ мѣсто было-бы никакъ не выше среднихъ классовъ.

Во Франціи на второй годъ остаются въ одномъ классѣ не слабые ученики, а напротивъ того—сильные, но еще слишкомъ юные, для того, чтобы кончить весь курсъ лица въ возрастѣ, установленномъ для *concours général*, т. е. 18-ти лѣтъ.

Для такихъ учениковъ пребываніе въ одномъ классѣ, преимущественно въ старшемъ два года—даже обязательно. Такимъ образомъ, не способности и познанія ученика служатъ критеріемъ для перехода изъ класса въ классъ, а только возрастъ, при чемъ дѣлается расчетъ, чтобы при окончаніи полного курса, ученикъ имѣлъ законное число лѣтъ для соисканія наградъ на такъ называемомъ „*concours général*“.

Вслѣдствіе полного отсутствія общаго уровня познаній въ классѣ французскаго лица, а также и вслѣдствіе того, что экзамены утратили тутъ всякое значеніе, для регулированія познаній учениковъ, нигдѣ составъ любого класса средняго учебнаго заведенія не представляетъ такой разнообразной смѣси, какъ во Франціи. Рядомъ съ способнымъ, знающимъ ученикомъ, могущимъ съ пользою слѣдить за каждымъ словомъ учителя, сидитъ лѣнтяй, совершенно не въ состояніи понять того, что проходится въ классѣ. Понятно, каковы могутъ быть результаты такой системы: сравнительно малый процентъ воспитанниковъ выходитъ изъ лица, вполне усвоивъ курсъ, остальные же выходятъ, будучи по умственному своему развитію несравненно ниже этого меньшинства.

Послѣдствія этой разнородности въ познаніяхъ учениковъ, состоящихъ въ одномъ и томъ-же классѣ, отзываются весьма рельефно на выпускныхъ экзаменахъ,

на такъ называемыхъ baccalauréats ès lettres и ès sciences. Въ 1865 году въ Парижѣ изъ 2500 человекъ, явившихся на экзамены (выпускные) изъ лицеевъ, не выдержало ихъ болѣе 1400 человекъ. Такимъ образомъ ежегодно масса молодыхъ людей не выдерживаетъ выпускного экзамена, не смотря на окончаніе ими полного курса. Отсюда постоянные протесты со стороны общественнаго мнѣнія, которое настоятельно требуетъ пересмотра экзаменаціонныхъ правилъ, обвиняя ихъ въ излишней и чрезмѣрной строгости и отыскивая зло не тамъ, гдѣ слѣдовало бы, не въ устарѣлыхъ педагогическихъ приемахъ, а въ програмахъ преподаванія, вовсе не обременительныхъ. Уже неоднократно Министрство, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, приступало къ пересмотру этихъ экзаменаціонныхъ правилъ, но сила традицій всегда брала верхъ во Франціи и все оставалось по прежнему.

Эти экзамены вносятъ лишній разладъ въ отношенія семьи и школы.

Вообще весь характеръ образованія во Франціи носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то устарѣлаго, неподвижнаго, однимъ словомъ, представляетъ какое то мертвое царство, до котораго какъ будто никогда не доходили новыя педагогическія вѣянія, оживившія школу въ другихъ странахъ и возродившія ее къ новой жизни. Этотъ неподвижный, скорѣе ретроградный характеръ французской школы является какимъ-то анахронизмомъ среди бойкой, вѣчно кипящей жизни французскаго общества, отличающагося во всемъ, кромѣ школы, скорѣе крайнею подвижностью и даже легкомысліемъ.

Подъ названіемъ „concours-général“ разумѣются публичныя испытанія, производимыя ежегодно особо назначенною для этой цѣли комиссіей, состоящею изъ мѣстныхъ преподавателей. На эти экзамены являются въ концѣ каждаго академическаго года, передъ нача-

ломъ осеннихъ каникулъ, ученики всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Франціи въ ближайшій департаментскій городъ. Комиссіи эти въ городахъ, гдѣ живетъ Попечитель, (Vice-Recteur de l'Académie), какъ напр., въ Парижѣ, имѣютъ свои засѣданія подъ его предсѣдательствомъ. Ежегодно, къ открытію, concours составляются его программы, списокъ предлагаемыхъ экзаменуемымъ темъ. Требования бываютъ вообще гораздо выше пройденнаго, такимъ образомъ знающій только то, что пройдено въ классѣ, не въ состояніи бываетъ удовлетворить этимъ требованіямъ. Отсюда необходимость преподавателю выбрать въ классѣ нѣсколькихъ лучшихъ учениковъ, которые представляютъ болѣе шансовъ успѣха и съ ними отдѣльно заниматься, чтобы подготовить ихъ къ „concours“. Каждое учебное заведеніе обязательно должно ежегодно представить нѣсколькихъ учениковъ къ этому „concours“.

Письменные темы на этихъ испытаніяхъ бываютъ общія для цѣлаго учебнаго округа (académie) по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ программу „concours-général“. То заведеніе, ученики котораго удовлетворили всѣмъ требованіямъ „concours“, что, впрочемъ, случается весьма рѣдко, становится на хорошемъ счету въ министерствѣ, ученики получаютъ похвальные листы и награды, преподаватели получаютъ повышение по службѣ, и даже денежныя награды, имена какъ тѣхъ, такъ и другихъ, печатаются въ мѣстныхъ газетахъ; однимъ словомъ, торжество становится вполне общественнымъ и не мало способствуетъ и безъ того существующей розни между отдѣльными городскими общинами, не мало поддерживаетъ зависть и непріязнь одного городского сословія къ другому;—явленіе, которое, какъ извѣстно, волнуетъ и разъединяетъ интересы городовъ и общинъ современной намъ Франціи.

Темы на „concours-général“ бываютъ болѣе

частью письменныя. На первомъ планѣ стоятъ такъ называемыя „discours français, discours latin“. Эти рѣчи составляютъ высшій, кульминаціонный успѣхъ, къ которому стремится французскій лицеистъ; всѣ прочія занятія въ лицѣ служатъ только, такъ сказать, продолжительнымъ подготовленіемъ къ нему.

Ораторская форма этой письменной работы существуетъ со временъ основанія во Франціи лицеевъ и переходитъ къ современнымъ французамъ, какъ будто по живой традиціи отъ классической эпохи Цицерона и Демосфена, отъ риторическихъ школъ древней Греціи.

Въ продолженіе курса лицеистъ имѣлъ мало возможности самостоятельно развивать свой умъ, мало читалъ классическихъ авторовъ въ цѣлости, (этимъ отличается французская школа отъ нѣмецкой), не приучался вдумываться въ содержаніе прочитаннаго, а дѣлать выводы на основаніи отдѣльныхъ, разбросанныхъ, часто даже безсвязныхъ отрывковъ, которые ему приходилось разбирать въ классѣ, — онъ, разумѣется, совершенно не въ состояніи. Онъ даже и на родномъ языкѣ съ трудомъ можетъ логически, послѣдовательно развить данную ему мысль, самостоятельно обработать ее. Между тѣмъ на „concours-général“ ему предстоитъ говорить витіеватыя рѣчи отъ лица разныхъ историческихъ дѣятелей, въ родѣ Людовика XIV, Ришелье и Мазарини.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ лицеисты могутъ представлять на „concours-général“ только сочиненія, наполненныя громкими фразами, ораторскими оборотами рѣчи, заимствованными изъ Цицерона и Демосфена, но не собственные, логически развитыя мысли.

Во всемъ этомъ всего менѣе, конечно, искренности.

Да и что можетъ быть общаго между лицеистомъ, кончающимъ курсъ и всѣми этими историческими лич-

ностями, устами которыхъ заставляютъ его говорить?

Ученикъ такимъ образомъ приучается постоянно говорить и писать вещи, ему несвойственныя, которыхъ онъ даже часто не понимаетъ, и во всякомъ случаѣ не чувствуетъ и все это не остается для него безъ послѣдствій.

Во Франціи какъ-то съ пренебреженіемъ относятся къ простымъ, обыденнымъ, общедоступнымъ темамъ для письменныхъ работъ и сочиненій, предпочитаютъ давать, напротивъ, непонятныя для большинства темы, недоступныя большинству учениковъ по ихъ развитію.

Отсюда происходитъ то печальное явленіе, что школа во Франціи, такъ сказать, вовсе не развиваетъ ученика. Она учитъ его различнымъ языкамъ, древнимъ и новымъ, различнымъ предметамъ лицейскаго курса, но непосредственно развивающаго вліянія на учениковъ преподаватели никогда не имѣли и не имѣютъ до сихъ поръ, — того вліянія, которое обуславливается живою бесѣдою, чтеніемъ литературныхъ произведеній, критическою ихъ оцѣнкою въ классѣ, разборомъ собственныхъ взглядовъ и мыслей ученика и т. д.

Несомнѣнно, что безличная форма ораторской рѣчи весьма много способствуетъ тому, что сочиняющій ее ученикъ и исправляющій ее учитель могутъ къ ней относиться одинаково объективно. Тутъ важнымъ представляется для нихъ, не содержаніе рѣчи, не историческая личность, которую ученикъ заставляетъ говорить, а лишь ораторское умѣніе ученика развивать ту или другую философскую тему, расположеніе ораторскаго матеріала, дѣленіе рѣчи на части, ораторскіе приемы, выработка и оттѣнки слога.

Такимъ образомъ, кончающіе курсъ юноши привыкаютъ смотрѣть на внутреннее содержаніе произведенія, какъ на вещь второстепенную; они придаютъ

гораздо больше значенія литературнымъ приѣмамъ, внѣшнему выраженію мысли, передъ внутреннимъ ея содержаніемъ.

И хотя темы, которыя предлагаются лицеисту для защиты въ ораторской формѣ, по большей части весьма нравственны, весьма благородны, но мораль эта слишкомъ, такъ сказать, прописная, излагаетъ истины слишкомъ азбучныя, для того, чтобы ученикъ могъ ими проникнуться и увлечься, могъ принять ихъ къ сердцу, отсюда является какая-то двуличность, столь пагубная даже и въ литературной формѣ для юноши: онъ привыкаетъ къ театральности, къ рисовкѣ, къ извѣстнаго рода маскировкѣ своихъ мыслей и чувствъ,—однимъ словомъ—къ игрѣ словами и убѣжденіями.

Несомнѣнно также, что подобныя упражненія уже на школьной скамьѣ приучаютъ ученика защищать извѣстное положеніе, отгѣнять или выставлять на первый планъ, смотря по надобности, тѣ или другія подробности, приучаетъ, однимъ словомъ, къ адвокатскимъ приѣмамъ.

Все это образуетъ будущихъ ораторовъ, публицистовъ, адвокатовъ, журналистовъ, но нисколько не дѣйствуетъ нравственно-развивающимъ образомъ на молодую, воспримчивую душу.

Но что всего хуже—эти ораторскія упражненія учениковъ, съ развязностью заставляющихъ бесѣдовать между собою великихъ людей древнихъ и новыхъ временъ, приучаютъ ихъ поверхностно относиться къ знанію, къ наукѣ. Они приучаются говорить о такихъ вопросахъ, о такихъ событіяхъ, которыхъ они не понимаютъ, и по своему развитію, не могутъ еще понять.

Мы часто удивляемся той безцеремонности и развязности, столь близко граничащимъ съ полнымъ невѣжествомъ, съ которыми журналисты и публицисты

французскіе берутся съ плеча, такъ сказать, рѣшать міровые вопросы.

Но не слѣдуетъ забывать, что это часто бываетъ только слѣдствіемъ тѣхъ верхушекъ знаній, которыхъ они нахватались еще въ школѣ и которыя они впоследствии проводятъ въ жизнь.

Графъ А. Мусинъ-Пушкинъ.

Царское Село,
6 сентября 1913 года.

Для рѣшенія этого труднаго вопроса, „объ отношеніяхъ семьи и школы у насъ и на западѣ“, feci quod potui, faciant meliora potentes.

Гр. А. М.-П.

